ИГОРЬ АФОНСКИЙ

СБОРНИК

КОЛЛАЖ ОСКОЛКОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Сборник. Коллаж осколков» – это небольшое собрание мистических, нереальных историй, которые, в свою очередь, делятся на «городские сказки» и осколки из других, ранее вышедших сборников. Так как выпускать в данное время полнообъёмную книгу мне не захотелось, я решил довольствоваться такой странной конструкцией, как этот сборник. Можно сказать, это подарок читателю на трехлетний юбилей моего сотрудничества с питерским издательским домом «Неформат Клуб».

Итак, что такое городская сказка? Очевидно, что это какой – то миф или мистическая история со счастливым концом. Возможно. Сюда вошли сразу три самостоятельные новеллы. Одна из них под названием «Боря, это не ангельская работенка!» ушла на небольшой тематический конкурс в Санкт – Петербург, и, очевидно, безрезультатно. Следует отметить, что там строгое жюри, которое от моей вещи «камня на камне не оставит».

Потом появилось продолжение, где главный герой по имени Борислав готов выполнять свою миссию, помогать некоторым людям.

Новелла «Судифь». Это вообще сложная вещь, которая долго оставалась без должной концовки, то есть я знал, чем все это закончится, но сюжет был таким запутанным и мне самому непонятным, что я очень долго не мог эту новеллу завершить. Главная героиня хочет выступать в цирке. Она попала туда и уже не может жить без всего этого, но путь в цирковую элиту не так прост, как это кажется. Кто поможет ей в этом? Наверное, чтобы стать исполнительницей какого – то номера, следует много работать над собой – как вы думаете? И вечно пьяный старый клоун тут вряд ли может быть надежным учителем.

- Игорь Афонский
  - Судифь
  - Боря! Это, не райская работёнка!
  - Защита для фюрера
    -
    - Глава первая, которая расскажет о военных действиях. А на Западном фронте без перемен? Людендорф. Участок под Ла Монтель. Ади. Местечко Уденарде. Пазевальк
    - Глава вторая, о том, как появились первые проблески будущей грозы. Суть эксперимента.

Лион
- Глава третья, в которой читатель узнает об отделении исследований оккультных наук. Генрих
- Глава четвертая, в которой читатель узнает об Иосифе-воине, и почему старейшина чужой общины его не поддержал
- Глава пятая, в которой читатель узнает о некоторых событиях в Веймарской Германской республике. Лекция
- Глава шестая, в которой мы узнаем некоторые подробности об Иосифе-воине
- Глава седьмая, описывающая успехи некоторых опытов
- Глава восьмая, нелишнее знакомство. Ритуал
- Глава девятая, в которой доктор Канец вдруг осознал, почему именно Лиону удалось обнаружить в прошлом нужный источник
- Глава десятая, где читатель узнает, как развивались дальше события, связанные с опытами. Мюнхен. Коне. Проект
- Глава одиннадцатая, в которой новая идеология, словно сорняк, упорно ищет свою дорогу
- Глава двенадцатая, об очередном кризисе и мятеже. Ади. Проекты. Члены партии. Свастика. Иосиф-воин. Баварские правые. Кризис
- Глава тринадцатая, в которой на конференции открывается принцип метода «защиты для лидера»
- Глава четырнадцатая, где обнаружился «русский след»
- Глава пятнадцатая, в которой читатель узнает о нападении на лабораторию. Лион. Марат. Тереза. Нападение
- Глава шестнадцатая. Сподвижники. Влад. Кризис
- Глава семнадцатая. Кто вы, мистер Илонг? Зиканец
- Глава восемнадцатая, где мы знакомимся с Менделями, которые относятся к Германии, затем переносимся в Линц. Мария
- Глава девятнадцатая, Суд
- Глава двадцатая, в которой мы увидим некоторые кошмары
- Глава двадцать первая, в которой мы вспомним

немецких ученых. Аудит. Генрих. Вольф
- Глава двадцать вторая, в которой узнаем о тюремном заключении некоторых лиц. Ади. Иосиф-воин. Руди. Юлиан
- Заключение

Игорь Афонский
Коллаж Осколков

Судифь

Перечень действующих лиц:

Судифь, коверная девушка.

Серджио Валенти (*Serjo Valentini*) – иллюзионист, вдовец. Отец Саломеи.

Анна-Мари Валенти – покойная жена мистера Серджио.

Саломея Валенти – дочь иллюзиониста, невеста француза Жоржа.

Дон Лучано – директор цирка.

Сезаль – коверный, бывший акробат, фокусник, клоун, смотрит за лошадьми и верблюдами.

Семейная пара – акробаты.

Заслав – русский дрессировщик диких животных.

Как она считала, что уже давно работала в цирке, и могла рассчитывать на существенную прибавку зарплаты. Ее нынешняя ставка, семьдесят баксов в неделю, была ничтожной, по сравнению с тем заработком, который у нее мог быть, будь она официанткой в любой порядочной забегаловке. В «общепите» доходы небольшие, если не считать чаевых, на которые, собственно говоря, и должна рассчитывать такая молодая девушка, какой была она. Но выбить прибавку у босса было не так просто. Ведь цирковые представления перестали пользоваться былым успехом, и уже кажется, что Серебряный век мировых аттракционов давно ушел в прошлое. Директор всячески старался снизить расходы, и мог уволить любого работника, если это окажется на данный момент выгодно. Он обычно хватался за сердце, когда речь заходила о финансах.

– Все деньги уходят на корм животным и хищникам, и взятки разным чиновникам, которые способны ставить палки в наши колеса. Мне легче тебя, девочка, уволить, и нанять сразу двух девиц, чем повысить ставку, тем более, что твои обязанности так и не стали более разнообразны за последний месяц.

Возможно, на хищников и других животных действительно уходило много средств, но это был еще не факт, что мясо покупали свежее или продукты не просроченные. Если удавалось взять на забой ворованного теленка, то расходы всегда могли оказаться незначительными. Косить траву для парнокопытных самим удавалось почти регулярно. Чиновники, как рой мух, налетали со своими предписаниями, но директор обычно уводил их в свой тесный кабинет, где всегда угощал дешевым виски из

темной пузатой бутылки. Потом он предлагал выкурить якобы кубинские сигары, которые на самом деле всегда аккуратно скручивал ему мим. Курить такую гадость никто из *цирковых* никогда не решался. Купленный самосад только выглядел порядочным, на самом деле все было не самого лучшего качества, просто старый клоун знал, как сделать этот предмет достойным внимания. Наклейки выглядели вполне убедительными. После того, как чиновник пытался сделать затяжку, его глаза вылезали на лоб, слезы проступали через ресницы, а видеть, как в это время директор спокойно курит свою сигару, было уже невозможно. Глоток самогона пробивал любой желудок до первых признаков геморроя, и с этого момента очередной вымогатель больше думал о состоянии своего здоровья, а не о толщине чужого кошелька. Тогда провожать такого беднягу выходили все. И, с неподдельным сочувствием поддерживали за рукав, чтобы окривевший гость ненароком не упал после такой теплой встречи. Тут ему вызывали такси, потому что такого дорогого гостя отпускать в данном состоянии никто не решался. Что касается слов, насчет увольнения, то этот фокус Судифь помнит очень хорошо с тех самых пор, когда она сама оказалась в таком же положении. Её и подругу взяли с испытательным сроком ровно на месяц, который они обе отработали тогда бесплатно. Потом оказалось, что господин директор не намерен был предлагать контракт, и по какой-то причине, хотел от них избавиться. Он тогда не ожидал, что молодая девушка останется, и разделит с ними дальнейшую нелегкую, кочевую жизнь. Уже потом он оговорил с ней некоторые условия, которые, впрочем, были ей тогда невыгодны. Что было с тех пор, это уже мало кто помнит. Но ничего не изменилось, господин директор умел экономить. Всех, конечно, поражала такая обстановка в своем коллективе, но остальные участники труппы имели твердые условия в своих контрактах, и ко всем приходящим девушкам всегда относились с легким презрением. Редко кто из них действительно становился звездой и добивался настоящего успеха. Тут ларчик открывался очень просто. *Цирковые* работали семьями. Они с раннего детства трудились на манеже, равно деля все трудности и обязанности между собой. Приходящие девицы, настроенные на легкую жизнь, обычно тут не задерживались. Обязанности Судифь были невелики: она приносила на манеж нужные вещи, которые использовались другими артистами в их номерах, потом ей оставалась, просто стоять рядом, повторять широкие взмахи руками, привлекая, таким образом, к номеру внимание зрителей. Другие обязанности коврового работника были невелики. Красивые ноги не отвлекали зрителя, потому что иногда

приходилось носить форменные брюки. Единственный ее фурор был в номере семейной пары, где она заменила женщину-акробатку. Там срочно пришлось научиться вставать на двигающийся шар, и выполнять несложные манипуляции с цирковыми атрибутами. Теперь она усиленно училась акробатике, пыталась жонглировать, но пока все было на самом невысоком уровне.

– Не переживай, – говорили тогда ей, этому сразу не научишься!

Та, короткая замена повысила ее статус в группе, но ненадолго. Супруга акробата благополучно поправилась, и вернулась в свой номер. Именно тогда ей предложили её контракт, мужчина просто выбил те деньги для новенькой. Чуть позже она стала полезной, красивой оберткой этого цирка. К ней уже все привыкли, тем более к ее странному библейскому имени. Правда, все испытывали затруднения, переспрашивали – из какой именно главы святого писания это редкое имя. Но этот факт только повысил ее в чужих глазах. Супруга акробата еще немного ревновала своего мужа к «этой молодой девчонке», но потом они подружились. И та женщина стала даже покровительствовать ей. Самым захватывающим в выступлении было не только участие в номере, но и простое завершение программы. Когда под оркестровый марш все выходили на последний «парад-але». Стоять под бравые звуки, и выполнять поклоны, когда сотня зрительских глаз смотрит на всю труппу и всех, кто так или иначе помогал участвовать в этом зрелище. Где-то по спине пробегали мурашки, кажется, что давление не справится, и вот-вот она улетит вверх, а светлый сверкающий купол примет ее в свои объятия. Туш вот-вот смолкнет, и все разойдутся, а пока можно стоять во весь рост и ловить внимание толпы. Это пока не слава, но делить это состояние с остальными, вот что было очень важным на тот момент. Заканчивалась последняя композиция. Все уходили в тень, шоу завершалось. Она ловила пальцами набежавшую слезу, и вытирала ее так, чтобы не размазать свою дешевую тушь.

Сезаль

Так и было, ей следовало много работать над собой, это мало напоминало тренировки в обычной школе танцев или на занятиях по спортивной гимнастике. Тут от неё требовалось выполнять все указания настоящего мастера, который согласился за пятьдесят долларов в месяц давать ей уроки цирковой акробатики. Сюда входило все, чему только можно было ей научиться. Она упорно тренировалась, часами жонглировала разными предметами. А потом лезла на канат, невысоко установленный, под противные

возгласы своего нового мастера. Старый алкоголик, который нынче следил за животными, он прекрасно знал свое дело, и понимал, что кроме него никто не научит эту девушку, как правильно выполнять те или иные трюки. И, кажется, что она с этим смогла смириться. Она хотела выступать самостоятельно, но для этого следовало найти свой номер.

– Настоящий мастер всю жизнь вынашивает свой номер, которым может удивить публику. Например, иллюзионисты. Они все вроде бы выполняют одно и то же! И со стороны, кажется, что невозможно создать что-то новое. Но проходит время, и кто-нибудь показывает публике свое шоу, которого, заметьте, никогда ни у кого не было!

Сезаль обычно давал ей нетрудное задание, следил за его выполнением, потом давал следующее задание, опять внимательно следил за ней, потом напоминал о первом, и требовал, чтобы девушка сама совместила оба задания в одно целое, и говорил, что именно следует добиться. Это обычно касалось жонглирования, которым он владел мастерски.

– Положение рук! Следи за руками при выполнении трюка. Е-моё, осанка! Что ты с собой делаешь? А ноги? Как я тебе показывал? Ну? А как ты расставляешь свои ноги? И куда ты отводишь свой взгляд? А где твоя улыбка? Почему я тебе все время должен об этом напоминать?

Эти реплики он обычно вставлял в свои бесчисленные рассказы и истории, обрывая повествование на самом интересном месте.

– Знаешь, я с раннего детства хотел быть иллюзионистом. Но очень трудно придумать настоящий, свой фокус. Сегодня за использование чужих наработок можно попасть под суд. Помнится, как в тридцатых годах фокусник Гораций Голдин подал иск против табачной компании R. J. Reynolds Tobacco Company. Они использовали объяснения, им запатентованного фокуса «Распиливание женщины на части», в рекламе новых сигарет. Посуди, что это такое? Куда ты опять опустила свою голову?

Старик указкой поправил ей подбородок, отвернулся.

– Рекламная кампания, по-моему, называлась или «Весело быть обманутым», или «Веселее знать». Она состояла из элементарных разоблачений фокусов. Господин Голдин потратил очень много времени, но не смог выиграть дело. Налицо утечка информации, не более. В своем следующем номере он распиливал ассистентку уже не обычной, а циркулярной пилой. Что замерла? Как он это делал? Для многих остается загадкой.

Сезаль прошелся вглубь зала, исчез в темноте, потом

вернулся, продолжая разглагольствовать.

– Конечно, это все секреты оборудования, отличная физическая форма исполнителей и отработанная техника. Да, вращающаяся пила выглядела тогда убедительно. Ну, в смысле, очень внушительно! И, помнится, некоторых зрителей буквально тошнило в первом ряду. Как ты сама понимаешь, что это был хорошо поставленный цирковой номер.

С этого момента он стал рассказывать о себе, это был обычный треп.

– Но я сам выступал чаще всего на улице. Это все у меня происходило быстро. И мне не нужно было никакое получасовые шоу, с кучей зрителей, со сложным реквизитом и прочими понтами. Скажем, я просил случайных зрителей загадать карту из колоды, и поместить ее обратно. Вот, выбирай! Потом мне стоило просто бросить карты в сторону. Ап-ля, это твоя карта?

На одежде девушки прилипала карта, выбранная ею. Старик морщинисто щурился, это был его коронный номер. И колода, которую он использовал, будучи клоуном на арене, в несколько раз была больше обыкновенной. Сейчас он просто мешал Судифь своим исполнением, продолжать жонглировать, но девушка знала, что многое он делает специально, желая отвлечь от ее работы. Еще она знала, что он виртуозно владел своими руками, и если бы не испытывал тяги к спиртному, и не страдал болями в суставах, то был бы самым непревзойдённым иллюзионистом, или клоуном-фокусником. Именно от этого человека Судифь впервые услышала про *выступление настоящих чародеев*. Возможно, что это была просто цирковая байка, но подвыпивший Сезаль так убедительно об этом говорил, что она смогла поверить.

– Оно проходит один раз в пять лет. Лучшие мастера этого жанра собираются в одном городе, и показывают самый лучший свой номер. Жюри судит самым строгим образом. Номер должен быть безупречен. Посторонних людей туда не пускают. В прошлый раз там выступало «Трио Валенти», и знаешь, они могли выиграть. Но в какой-то момент все пошло не так. А Дэвид Копперфильд со своими фокусами все испортил. Жюри оказалось в трудном положении. Им явно понравилось выступление семьи Валенти, но у Дэвида была целая программа новых трюков. Собственно говоря, это на него все делали ставки. Поражение подкосило Серджио Валенти, тем более что он потом потерял Анну-Марию. Его номер считался самым невероятным. Это не то, что всегда показывают зрителям. Кстати, у нашего Дона Луиджи подписан контракт с Валенти, он скоро должен приехать.

Больше разговоров на эту тему не было. И сколько бы Судифь

ни пыталась узнать о выступлении чародеев, цирковые странным образом отмалчивались.

– Да, это просто байка, кому ты веришь?

Иллюзионист

Он появился, согласно заранее оговорённому контракту, когда его афишами уже заполнили весь город. «Дуэт от Серджио Валенти». Невысокий, изящный немолодой мужчина. Седеющий брюнет с тонкими усиками, его взгляд всегда был завораживающий. Голос бархатный, когда нужно резкий и повелительный. Лицо еще не стянуто морщинами, какие бывают в его возрасте, кажется, что маг знал секрет вечной молодости! Он почти не старел! Господин директор, когда тот появился за кулисами, схватился за сердце, у мага не оказалось его верной партнерши. Причину, по которой она не появилась вместе с ним в городе, они при остальных цирковых старались не озвучивать, но было видно, что иллюзионисту было трудно сдержать себя. На этот раз господин директор достал другую бутылку из своего бутафорского сейфа, он налил крепкий бренди в стакан себе и своему старому друг. Они выпили, но не сразу. Маг смотрел на прозрачное стекло пузатого стакана, не торопился, словно грел в руках этот напиток.

– Это уже не первый раз! Заметь, я прощал ее, но теперь, не знаю, от некоторых номеров мне, очевидно, придется отказаться!

– Постой, у меня уже несколько недель работает девушка, ковёрная. С ней уже стал заниматься Сезаль, и он говорит, что из неё будет толк. Она не боится высоты, начала жонглировать, но, самое главное, она очень красивая. Ты можешь брать ее в некоторые свои номера, а потом обучишь остальному. Сезаль по-прежнему много пьет, ему вредно давать деньги в руки, но он начал ее учить. Я сам видел. Отмечу, она упорная. И что не лишнее, она невысокого роста, легкая, и может поместиться в любой твой ящик. Присмотрись к ней!

– В моем возрасте учить новую помощницу, чтобы она через полгода ушла с арены? Нет, я уже стар, столько сил было потрачено, столько времени я отдал ей! Саломея! Как она могла? Она единственная, что осталась у меня после смерти ее матери Анны-Мари. Я уже старик, в нашем бизнесе так трудно ставить настоящие номера. Новички всюду воруют идеи, используют новые технологии. Получаются новые рецепты старых трюков! Сам знаешь, какая тут конкуренция! Если я не буду выступать, то меня скоро забудут. Я всегда думал, что семейный номер станет нашим счастливым билетом. Этот молодой подонок, француз Жорж! Он украл не только наш старый семейный секрет, он увел Саломею в другой цирк! Лучше бы она вообще прекратила

выходить на арену! Не знаю. Что мне делать? Лучано, где ты берешь это пойло? Сколько тебе говорил, что есть вещи, которые стоит держать для настоящих друзей!

Дон Лучано попробовал из чужого стакана и расхохотался. Маг снова его обманул. На столе стояла темная бутыль. Не понимая, как это ему удалось, он поискал в сейфе другую бутылку, достал чистые стаканы и снова разлил бренди. На огонек в кабинет директора зашел пожилой Сезаль.

– Я знал, что старый товарищ не откажет, нальет своему другу, Сезалю.

Это, впрочем, и были все его слова. Дон Лучано сказал, что на сегодня хватит, и спрятал все бутылки в сейф, но по какой-то странной природе вещей в руках Сезаля опять оказалась пузатая представительская бутыль. Он задом попятился к выходу, и уже не собирался больше задавать вопросов, о которых не хотел забыть в начале беседы. Дальше он поспешил к загону для лошадей, где был намерен осушить остатки этой бутылки. По пути ему встретилась его ученица, он заговорщицки ей подмигнул, и сообщил, что его старинный приятель остался без помощницы, и, очевидно, Судифь должна просить господина Директора «за это место».

– Тут, конечно, все дело в господине Серджио, но ему очень сложно угодить. Он полон горечи, и печали. Ему трудно понравиться, но я знаю способ. Ты должна выспаться, а утром я вас познакомлю. Бросай эти булавы, нагрей воду, помой свою голову, соберись, как следует. Попроси льда из холодильника. Силы тебе скоро потребуются, поверь, он настоящий учитель. Если он возьмет тебя, то, считай, детка, что тебе выпал счастливый билет в этом цирке. Знаешь, какой они имели тогда оглушительный успех? «Трио от Серждио Валенти!» Когда его жена Анна-Мари была жива, они исполняли столько замечательных номеров. Успех был незабываемый! Да, что там! Публика вставала с мест, когда заканчивалось очередное их представление! Да, найдешь меня тут, но только, пожалуйста, разбуди на этот раз без воды, я хочу немного отдохнуть, трудная была неделька. Да, не забудь, принеси мне лед!

Начало новой работы

Иллюзионист оставил несколько трюков, которые всегда выполнял в одиночку. Но теперь у него был новый ассистент, с которым можно было увеличить количество номеров. Он еще раз проверил новенькую. Сначала от нее требовалось тихо сидеть на лавке среди зрителей, а потом он выведет ее на арену. «Подсадная утка», а весь номер строился на том, чтобы «случайный зритель» стал участником номера. Ничего особенного

ей делать не пришлось, но это был пробный шар. Девушка напялила на голову темный парик, прилично оделась, и если бы кто-то пытался узнать в ней служащую цирка, то полной уверенности в положительном результате не было бы. Она точно изменилась. Сам номер был простой. Маг выхватывал зрительницу из зала, а потом бесконечно долго доставал из ее карманов вещи, которые там уже лежали. И все зрители, кажется, догадывались об этом, но не подавали вида. Кролика и пару голубей Судифь точно не прятала, поэтому их появление из складок ее жакета оказалось неожиданностью. Ее отчаянное сопротивление и крик выглядели очень правдоподобно, появление огромных животных вызвало смех у всех. Следующие дни они долго репетировали другой номер. Кажется, что отношения этих двух людей стали как-то складываться. Мужчина присматривался к девушке, давал ей советы, различные на первый взгляд бессмысленные поручения и задания. А еще Серджио приказал девушке сесть на диету.

Оказывается, что ему требовалась более стройная помощница. Свои взгляды на новенькую он не скрывал, впрочем, как человек вежливый и тактичный, он придавал их отношениям некий ироничный оттенок взрослого человека к ребенку. Если бы он знал, что та постоянно голодает, то лишний раз задумался бы над этим своим предложением.

Потом они много занимались. Мастер Серджио медленно показывал ей фокусы, которым она должна была обучиться. Вещи мгновенно исчезали из его рук, и должны были появиться в руках девушки. Она находилась на некотором расстоянии, и заметно передать предметы было невозможно. Очевидность немыслимого трюка должна быть полная. Все было просто, но на самом деле так не выходило. Простые движения с мелкими предметами, всегда на счет вслух, но некая магия так и не появлялась. Происходил очередной сбой, предмет уже появлялся в нужных руках, но обычно раньше, чем требовалось.

– Все должно быть синхронно! Пойми, мы показываем обман, и все знают, что мы их обманываем, а потом создается иллюзия, что это все-таки магия, не обман.

Он начинал считать, не понимая, что его голос уже имеет некоторое влияние на девушку, уводит ее в транс, сбивает с ритма. Судифь в очередной раз повторила трюк, уронила предмет, потом последовал очередной фокус, но возник сбой. Мастер махнул высоко над собой рукой, щелкнул пальцами, это обозначало, что на сегодня хватит, она сама должна все убрать, и до утра будет свободна. Сам он тут же покинул зал. Девушка со слезами на глазах, не понимая, что, собственно, происходит,

упала на колени. Собрала медленно предметы. Следовало уходить, сейчас рабочее место займут для тренировки другие участники. Старик, который помог ей собрать все предметы их номера, спросил, что происходит. Девушка сказала, что ничего не понимает, для неё все выглядит, словно в тумане. Коверный усмехнулся, он прекрасно понимал механизм происходящего.

– Просто прекрати считать! Почему? Все очень просто, считая, ты попадаешь в транс. Это такой фокус, когда Серджио может влиять на зрителей, которых вызывает на арену. Считается, что настоящий маг так может загипнотизировать весь зал. Знаешь, детскую такую считалочку, где следует перечислить весь королевский двор? Начни говорить ее вслух, потом про себя. Каждый герой должен появиться в нужный момент. Король, королева. Молочница, дьякон. Паж и конюх. Каждый свой предмет свяжи с персонажами, а цифры и числа оставь в покое. Мастер забыл, что, считая, он непроизвольно влияет на спутника. Это его личная магия, ты тут совершенно ни при чем.

Девушка пересчитала мелкие предметы. Шары, рыхлые мячики, которые обычно быстро теряются в бездонных карманах. Фигурки небольших животных. Одной явно не хватало. Она оглянулась, в поисках этого предмета, но старый Сезаль виртуозно взмахнул рукой, и фигурка мгновенно оказалась в его руках. Он улыбнулся, и морщинистое лицо обрело доброе выражение, словно резиновая маска расплылась в гримасе. Девушка поцеловала старика, и фигурка мгновенно исчезла в кармане ее рабочего комбинезона. Считалочка была самая простая, родом, откуда-то из далекого детства. Следующий прогон происходил уже в цирковых костюмах. Иллюзионист отрабатывал номер, громко кричал, махал руками, обращаясь к воображаемой публике, точнее, к пустым местам. Девушка мямлила считалку, и тут Мастеру пришлось под это подстраиваться. Потом ему понравился это оборот, стало очевидным, что номер стал синхронным, и все у них теперь получилось.

Вечером они показали это представление среди всех остальных. «Подсадной уткой» был местный паренек, которого взяли на время стоянки. Парню повезло, на некоторое время он стал звездой цирка. Фокус с голубями он сам так и не понял. Все остальное запихивали, то есть «заряжали» при нем, а появление пугливых голубей для него стало явным шоком. Особенно всем в зале понравилась его личная реакция. Номер с предметами прошел на «ура!», сначала все действительно выглядело ловким фокусом. Потом произошел сбой. И зрители поняли, что их обманывают. Но в третьей стадии возникла иллюзия, что все до

этого было обманом, а сейчас вообще непонятная магия. Мячики появлялись в руках так быстро, что сомнений больше не было, маг знает некий секрет, и успешно пользуется им. Стоило ему спрятать, смять свой шар, как девушка разворачивала точно такой же в своих руках. Потом они жонглировали предметами, которые тоже странным образом менялись в количестве. Тут все было очень просто. Когда предметов становилось много, Судифь прятала их, а когда нужно было увеличить количество атрибутов, Маэстро ловко вытаскивал их из всех тайников. Судифь жонглировала сама, потом в паре с Мастером, потом опять сама. Ее скромный пиджак поглощал мячи, когда она ловко подносила к определенному месту сразу два предмета. Один всегда оставался в ловушке. Номера длились совершенно недолго. Арена, освещенная в тот миг, поглощала всеобщее внимание. Публика с интересом рукоплескала им. Чуть позже, когда они очутились за кулисами, там стояли свои зрители, они тоже хотели поздравить. Господин директор протянул девушке новый контракт, чтобы она ознакомилась, и подписала. Один пункт был особо завуалирован. Девушке следовало отработать три года, отказаться от всего, что раньше обозначало свободу. Кабальный пункт был необходим, Мастеру Серджио нужна была такая гарантия. Девушке также запрещалось разглашать секреты всех номеров. Она подписала все, не глядя. Потом был небольшой банкет, все цирковые поздравляли ее с праздником. Так получилось, что этот день совпал с днем ее рождения. Об этом никто не знал, но только не господин директор, который оформлял ее документы. Еще поздравляли другую парочку с помолвкой. Пили легкий сидр, бокалы были настоящие, их вытаскивали в особых случаях, подобных этим праздничным дням. Поднос разносил маленький карла, который исполнял роль нового клоуна. Будущие супруги уже давно были вместе, просто решили узаконить свои отношения. Девушка ждала ребенка. Такие события тоже были не редкость. Маэстро устало постоял среди остальной пестрой братии, потом ушел в свой вагончик – трейлер. Ему следовало переодеться, потом сходить в душ. Он уже был в том возрасте, когда вечерний стакан алкоголя хочется встретить в глубоком удобном кресле.

Сезаль успел разбавить свой сидр другим алкогольным напитком, и его хорошее настроение невольно передавалось остальным. Он дарил всем воздушные шары, некоторые были заполненные тяжелым гелем. Это было неожиданно, с виду обычный воздушный шар вдруг начинал падать в ноги. Это вызывало смех. Остальные шары появлялись в его руке. Кто-то обязательно помогал ему их завязывать и передавал остальным.

Потом они отпустили настоящие шары в воздух. Громко смеялись, чувствуя себя как одна единая семья. Судифь смахнула счастливую слезу – сколько еще всего будет впереди. В мыслях крутилась детская, почти дурацкая считалочка. Спать она пошла в вагончик иллюзиониста, ей пришлось отказаться от своего прежнего места, потому что там уже обосновались молодожены. Они несколько агрессивно отвоевывали себе территорию. Больше свободных общих вагончиков не было. На новом месте у неё был свой угол, где висел неудобный гамак. Следовало привыкать к этому. Правда, маэстро пообещал сделать ей лежанку на антресоли. Но, вероятно, забыл.

Следующий номер программы иллюзиониста, который стоило освоить, был связан с декоративным ящиком. Его следовало распилить. Точнее, пилили ассистентку, которая должна была находиться в ящике. Это был самый распространённый номер, в особых объяснениях он не нуждался. Судифь помещали в ящик, там она должна была находиться в неподвижном положении. Маэстро сам быстро протыкал ящик шпагами. Остроту лезвия Судифь уже смогла оценить, ей приходилось часто носить эти предметы на тренировке. Мастер готовил номера без посторонних. Тот период, его время для тренировок был священным для остальных. Итак, сначала он протыкал ящик шпагами, а потом ловко распиливал пополам острыми пластинами. Этот трюк выглядел не очень интересным, но Мастер был виртуоз в своем деле. Он все проделывал стремительно быстро, и, казалось бы, острые и большие пластины делили ящик до самого минимума. Судифь была слишком велика для этого атрибута, специально для нее пришлось перестраивать заднюю стенку ящика. Такие мелочи можно было заказать, но Мастер не хотел посвящать чужих людей в свои секреты, поэтому многое ему приходилось делать самому. Номер получился стремительный, и гарантировал интерес. Они его с успехом опробовали, но решили, что одного показа в новом месте за раз будет достаточно.

Другие номера

Следующим свободным вечером Валенти хотел начать репетировать очередной трюк. Он достал совершенно новый ящик, который в процессе демонстрации должен был подняться на некоторую высоту, где подручный крепил его за крюк. Девушку при всех предварительно опускали в этот ящик, наглухо запирали сверху крышкой. Все видели, что деться ей там было некуда. Потом эффектное колдовство с прозрачной тканью, взмахи волшебной палочки, и ящик устремлялся вверх. На месте оставалось неподвижное ложе на стойках, где практически негде

было спрятаться. Пока все воображаемые зрители задирали головы, Валенти крутил барабан огромной лебедки.

Останавливался. Демонстративно указывал вверх. Затем все замирало, он доставал свой музейный пистолет, и производил выстрел. Конфетти брызгами летело во все стороны. Срабатывал с громким щелчком запорный механизм. Ящик вверху глухо раскачивался, потом частично раскрывался, и оттуда вылетала стая цирковых голубей. Да, птицы принадлежали дрессировщице, которая ими занималась. А самой Судифь в открытом ящике не было. Строение, которое уже не напоминало ящик, медленно опускалось, его опять собирали в конструкцию, и закрывали магической материей. Опять несколько виртуозных пассов условным магическим предметом, ящик открывали, и девушка, как ни в чем не бывало, поднимаясь, выходила наружу.

Потом, во время показа этого номера зритель впадал в шок. Никто не мог взять в толк, как все это происходило, все с недоумением «пялились» на арену, потом смотрели вверх. В какой-то момент иллюзионист требовал свои аплодисменты. И ему, конечно, все рукоплескали. Это был несколько изменённый номер его семейной программы. Если в первом варианте, участвовали дочь и жена, похожие друг на друга, как две капли воды, то в этом варианте Валенти обошёлся лишь ассистенткой Судифь.

Номер с дочерью выглядел совершенно иначе. Но он был украден молодым французом, которого полюбила его пропащая дочь, Саломея.

– Ох уж мне эти французы!

Спрятать девушку. Это оказалось непросто. Если в первом варианте дочь и жена были миниатюрными женщинами, то молодая Судифь выглядела рослой. Под нее пришлось менять все старые атрибуты, на вновь сделанные. Это все потребовало некоторого времени. Мастерские, где могли изготовить подобный инвентарь, были не всегда доступны. Сохранить тайну номера могли лишь проверенные годами люди. Те, кому можно было довериться. В местах, где таких людей не было, Маэстро заказывал вещи отдельно, по эскизам, которые потом сам собирал на месте. Весь его багаж всегда хранился под замком, чтобы случайно посторонние люди не увидели *некого* секрета фокуса от циркового реквизита, и не сообщили об этом прессе, или другим заинтересованным лицам. Как только следовало собрать нужный цирковой атрибут, Валенти сам собственноручно приходил и делал. Иногда это были части чего-то целого, что следовало вынести на арену, иногда все собиралось в полумраке коверными, пока зрителей отвлекал клоун, или другой работник сцены.

Вариантов было немного, но секрет этого фокуса оставался неразгаданным. Основные атрибуты Серджио возил в отдельном контейнере, который всегда можно было поставить на цирковой грузовик. Когда колонна выстраивалась в один ряд, то любой горожанин легко узнавал эти, цирковые машины.

Поклонник

Прошла первая успешная неделя. Цирк отработал в одном городе, и благополучно перебрался в другой. Казалось, что «черные дни» прошли, все налаживалось. Вновь пришел успех, который все боялись сглазить. Популярность некоторых актеров, зрелищность номеров обеспечивали цирку постоянный доход. Директор потирал руки, он уже планировал новое ревю в разных крупных городах, к которым много лет боялся подступиться. В очередном городе они были намерены провести несколько недель. Быстро разбили лагерь, установили изгородь. Шатер широко распахнул свои крылья, встряхнулся и обрел единую форму. В город на улицы выехали служебные легковые машины, которые призывали всех горожан обязательно посмотреть новые представления цирка. Кажется, что все было в угоду приезжих, но оказалось, что город еще не покинула труппа их конкурентов. Те давно отыграли свои номера, но в силу необъяснимых причин задержались в городе. По негласному договору они должны были уже прекратить свои выступления, но именно в день приезда нового цирка устроили последнее представление. Обычно существовал временной буфер, когда город отдыхал от приезда чужих гастролеров. Этот случай выглядел провокацией. Цирк дона Лучано прибыл в заранее оговоренные сроки. Поэтому он хотел предъявить свои претензии другим. Опять же, с конкурентами не воюют. Мало ли что, рядовые члены труппы часто меняют вывеску, переходя в другие коллективы. Иногда директора сами нуждаются в помощи, если не могут выполнить условия ранней договоренности. Очень часто приходится совместно выкручиваться из сложившегося положения.

Теперь Дон Лучано ждал, когда конкуренты обозначат свои намерения. И последнее выступление в день открытия его представления, показалось ему вызовом. Он приказал, чтобы все были очень внимательны, и не впустили на цирковое представление чужаков, которые могли затесаться среди зрителей.

– Провокация! Как это низко! Честное слово. Могли бы предупредить заранее, мы бы откорректировали свои планы!

Этого ничего он делать не собирался. Идти на уступки, и смещать сроки выступлений, для него подобное поведение – это признак слабости. Открытие своего шоу в данном городе

планировалось заранее, и было связано с наступающим городским праздником. Если бы конкуренты уехали вовремя, то горожане проявили бы интерес к новичкам, а так, они сильно повлияли на доходы. Между тем, открытие началось без происшествий. Новички привезли много номеров с дрессированными животными, достаточно других интересных представлений. Но зал оказался заполнен не полностью. И это вызывало сильную тревогу. Во время представления господин директор внимательно изучал зрителей, он еще подозревал, что среди них есть пособники конкурентов. В третьем ряду находился молодой человек, одетый во фрак. Сама по себе одежда вызывала настороженность. После выполнения трюка с летающим ящиком, Судифь получила от него букет роз. Как только маэстро взглянул на человека, который вручил эти цветы его помощнице, то сразу же изменился в лице. Серджио явно узнал этого человека, тот искусно копировал его внешность. Он не подал виду, довел все до конца. Когда они скрылись за кулисами, он потребовал выкинуть эти цветы. Судифь, которая еще никогда в жизни не получала таких шикарных роз, поколебалась в нерешительности. В этот момент все «закулисье» с интересом притихло. Потом тихо вздохнула, и покорно опустила цветы на старую тумбу. Когда все разошлись, она вернулась, и забрала свой букет. Приносить в трейлер его не стала, просто повесила на зеркало в общей гримерной. Когда представление завершилось, дон Лучано собрал совет. Пригласили и Маэстро Валенти. Им следовало обсудить сложившееся положение, если конкуренты не уберутся, то ожидаемых сборов точно не будет.

– Нужно послать парламентеров. Или мобилизовать все силы, чтобы показать все самое лучшее. Пригласить представителей прессы. Не знаю, пусть это будет наш последний бой!

Но ничего этого не потребовалось, конкуренты, отыграв свой последний тайм, с избытком попортив новичкам нервы, собрали свой обоз и тронулись в путь. Утром на месте их стоянки обнаружили только мусор и огромные кучи навоза. На следующий день выступления помощница иллюзиониста вновь получила букет роз. На этот раз его вынес незнакомый молодой человек. Это повторялось вновь и вновь, на протяжении всего срока пребывания цирка в городе. Две недели пролетели быстро. Город с интересом встретил новую цирковую труппу, которая не обманула всех ожиданий горожан. Таинственный поклонник больше не появлялся. Цветы выносил нанятый представитель некоего агентства, которому заплатили за доставку, юноша не присутствовал на всем представлении, он появлялся только перед номером иллюзиониста. Вычислив это, Маэстро попросил дона

Лучано, чтобы он передвинул время их номера. В тот раз молодой человек не смог вручить свои цветы. Он прибыл позже. Но горожане уже сами были рады отблагодарить своих любимцев. Цветов и подарков было достаточно. Молодой человек осознал свою ошибку, и уже стал караулить нужный номер, непосредственно в зале, покупая полный билет. Следует отметить, что Судифь нравилась зрителям, они часто аплодировали именно ей, скандируя ее необычное имя. Такая популярность у зрителей понравилась дону Лучано. Он еще раз поговорил с мистером Валенти, и они вместе рассмотрели для контракта девушки еще один пункт. Поощрение, в виде накопления. Девушка забирала себе подарки и цветы, и могла хранить их в своем будуаре. Это был стол Анни-Мари, который пришлось вытащить из грузового контейнера. Теперь у ассистентки иллюзиониста была своя гримерная. Цветы от неизвестного поклонника появлялись и в следующем городе. Месье Серджио объяснил, что это все происки его завистливого друга – француза, который увел его дочь. Он оценил новый номер Маэстро, и решил подбить клинья в отношения с его помощницей.

– И даже, не строй иллюзий, этот пройдоха вскружил голову моей дочери. Теперь он пытается подобраться к тебе. Смотри в оба. Я не потерплю за своей спиной никаких отношений.

Месье Серджио очень переживал разлуку с дочерью, он прекрасно знал, что она находилась в том самом цирке, который гастролировал в предыдущем городе ранее. Ему сигнализировали люди, которые якобы симпатизировали его стремлениям. На самом деле все выглядело иначе. Мелкие интриги питали воображение окружающих, они с удовольствием вклинивались в очередное действие, видя в этом некоторое исключение.

– Завистники, что поделаешь! От них не скроешься, и никуда не денешься. Зато их можно использовать, они сами готовы помочь, главное быть и оставаться достаточно объективным.

Месье Серджио объяснил дону Лучано, что это только начало тонкой игры. Очевидно, что новые его номера будут иметь большой успех.

– Следует только запастись терпением. И не дать испортить наш окончательный триумф.

Новый трюк

Это был необычный номер. Самое интересное, что его подготовили в полнейшей тайне, практически без свидетелей. Сезаль помогал в последних репетициях. Но во все детали этого трюка посвящён не был. Новый город открыли новой программой. В цирке появились хищники! Дон Лучано переманил к себе

одного русского дрессировщика, который имел двух тигров. Питомцы требовали много внимания, а прежний контракт утратил силу, когда защитники животных устроили пикет перед цирком. Тот директор очень испугался за репутацию своего цирка и прервал договор с русским дрессировщиком. Практически выставил его за ворота, но позвонил одному своему знакомому, чтобы избежать остальных юридических проблем. Профсоюз работников цирка в таких случаях готов помочь, но долго содержать животных никто не торопился. Помощь подоспела вовремя, дон Лучано прислал грузовик с рабочими. Те быстро помогли с пожитками, и уже через несколько часов русский артист был в крепких объятиях нового директора. Тот посоветовал «не поднимать волны», и предложил новый контракт. Это был трюк прежнего директора, судебные издержки по старому контракту могли подорвать его репутацию, поэтому он обо всем договорился с доном Лучано. Да, трюк иллюзиониста. Он заключался в использовании на арене трех ящиков. Три одинаковых ящика крепили цепями, чтобы поднять их вверх, как качели. В один предварительно ложилась ассистентка. Все ее прекрасно видели. Иллюзионист просил зрителя нарисовать краской – спреем на ящике знак, обычно это был крестик. Потом ящик закрывался, и вся эта конструкция поднималась в воздух, где медленно кружилась. Ящики не соприкасались, но в какой – то момент пошли на сближение. Сложилось впечатление, что цепи запутались, а ящики сошлись с противным стуком. Все сидели, задрав головы, смотрели вверх. Маэстро при стуке делал вид, что сильно нервничает. Дает знак, конструкция медленно опускается. Но ящики уже вращаются отдельно. Тут он просит открыть ящик с крестом, а тот пуст.

– Очевидно, она перелезла в другой ящик!

Такое его смелое, почти ехидное заявление вызывало легкую усмешку. Все внимательно следили за номером. Действительно, девушка оказалась в другом ящике. Зрители что-то понимали, но не могли допустить, что она действительно перелезла. Очевидно, что спрей данной краски обладал неким свойством, мог исчезать, а поверхность другого атрибута была чем-то обработана и проявляла знак. Номер нравился, но вызывал недоумение. В другой вечер, или, может быть, через два выступления, этот трюк неожиданно изменился. Парень, которого попросили нарисовать знак, изобразил смайлик. Это было неожиданно, потому что в этом номере всегда должны были использовать подставного зрителя. Но на арену вырвался другой, явно «заказанный противником зритель». Он нарисовал знак, а после эффектного подъема, цепи опять легонько сошлись, и ящики на некоторое

время соприкоснулись. Когда опустили конструкцию, Маэстро спросил: «В каком ящике находится девушка?»

Кто-то показал на ящик со знаком, другие указывали на соседний. Да, Судифь вновь оказалась в другом ящике. Если кто-то наблюдал оба номера, то заметил, что стороны ящиков, которые обычно бились друг о друга, были разные. Эффект от этого возрос. В местной прессе вышел целый репортаж, который рассказывал о девушке, чье имя стало нарицательным. Его стали связывать с самыми популярными фокусами мистера Валенти. Через несколько номеров, ящики соприкоснулись все три подряд. Девушка потом оказалась в третьем. Это вызвало шквал аплодисментов.

В день последнего выступления Маэстро не стал показывать этот номер. Он ограничился тремя простыми номерами, которые показывали в разных частях программы. Зритель так и не дождался интересного трюка. Мастер выглядел уставшим, он не успел отремонтировать систему цепей, и не стал рисковать. Кто-то проник в цирк и украл несколько элементов, их заменить не удалось. Очевидно, что противник решил изучить трюк сам, и нанял воров, чтобы те похитили реквизит. Дон Лучано очень огорчился, но было сделано так, чтобы в прессе ничего не вылезло. Ящики никто не трогал, они хранились под замком, в совершенно другом месте. Мастер смотрел на реквизит, вздыхал. А ведь, ему с трудом удалось поставить этот трюк. Все детали данной карусели были тщательно вымерены и отработаны. Поддон, на котором лежала девушка, мог быстро перемещаться в обе стороны. Под силой собственного веса, девушка стремительно перемещалась в нужном направлении. За ней тихо захлопывалась стена, никто не видел просветов или намеков на этот вариант. Потому что сначала внимание всех было сосредоточенно на краске – спрее, который, якобы, обладал исчезающим эффектом. Именно эта затравка изначально была сразу ловко подброшена в толпу. И многие ожидали некоего остаточного явления или следов на ящике. Целая система предохранителей и стабилизаторов гарантировала, что ящики не откроются раньше, и девушка не вывалится на голову зрителя. От номера пришлось отказаться, потому что цепи и шестерни движения тоже оказались важной частью фокуса. Вымеренное расстояние и размеры атрибутов помогали вовремя подогнать нужный ящик к ящику. Весь фокус укладывался в период, пока играла нужная мелодия. Обычно сбоев не было, если что-то шло не так, то всегда имелся другой вариант. Например, Маэстро мог намеренно смыть знак водой или якобы затруднить зрителю поиск нужного ящика. Вариантов было множество, каждый имел кодовое название,

чтобы помощники могли прийти на помощь и что-то перестроить.

Гастроли продолжались, и никто не заметил, что русский дрессировщик и Судифь стали встречаться. То, что они познакомились, это было обычным делом. Не в вакууме же они живут, столкнулись, пообщались. Молодой и энергичный новичок нравился всем зрителям. Многие женщины были не против завести интрижку или даже долговременный роман. В труппе тоже было достаточно свободных дам. Но Заслав, так звали русского дрессировщика, выбрал небольшую Судифь для общения. Первым забил тревогу дон Лучано, он напомнил девушке, что та обременена некоторыми обязательствами перед ним. Контракт был очень строгим.

Особого повода для скандала не было, но Маэстро с тревогой смотрел на эти отношения. Он не мог ничего запретить, но дать развиваться чувствам молодых точно не собирался. Появились едкие придирки, которых раньше никогда не наблюдалось. Возникли трения, увеличились часы отдельных тренировок. Маэстро требовал, чтобы девушка соблюдала режим, и ее частые отлучки стали вполне очевидны – она влюбилась. Если раньше она уединялась на задворках цирка, чтобы полюбоваться ночным небом или цветами, которые ей стали дарить, то теперь рядом появился высокий и стройный русский дрессировщик. Они часто шептались в уединении. Он много рассказывал, она очаровано слушала. Потом был громкий скандал. От русского потребовали, держаться от иллюзионистов подальше. Цирковая труппа разбилась на две части. Одна поддерживала влюбленных, а это было вполне очевидно, что парочка испытывает друг к другу нежные чувства. Ищут взглядом друг друга, некого взаимного одобрения. Другая часть придерживалась нейтралитета. Нет, это был холодный расчет, им нравились возросшие доходы с появлением группы хищников, но чужак имел нестандартный вид, от него веяло независимостью. А это, вероятно, мало кому нравилось. Так или иначе, страсти внутри накалились, и это уже напоминало лотерею, где поставить на победителя означало предвидеть исход. Но счастливого исхода не получилось, русский дрессировщик однажды заказал автомобиль, упаковал вещи, забрал животных и уехал к себе, куда-то в Россию. Откуда у него появились деньги? Этого никто не знал, но всем показалось, что девушка даже не успела с ним попрощаться.

(Продолжение следует)

«Вот король спешит на трон,
Королева видит сон,
Королевич у ворот,

Вытирает грязный рот.
Нет принцесс и душек – фрейлин…»

Боря! Это, не райская работёнка! Городская сказка

Перечень всех участвующих лиц:

Боря, Борислав Восжанский, стажер – ангел, в прошлом типичный американец во втором поколении. Католик, литовец или поляк, это пока точно не ясно. После сорока умер по неизвестной пока причине, диагноз тоже непонятен. Рост 172 см, вес 76 килограмм. ***Алекс Восжана*** – его дочь. ***Алекс Восжана*** – седьмое имя, возможно, это его двоюродная племянница, дальняя родственница. Девушка из цветочного салона, одетая в просторный комбинезон. ***Люси*** – девушка-подросток, которая видит Борю таким, какой он есть.

Майкл – третье имя. Он свободный художник. ***Коллекционер*** – друг дона Педро. ***Пациент –*** тяжело больной молодой человек, сын Дона Педро. ***Девушка – панк*** – случайная прохожая на улице, одета в старую джинсовую одежду, штаны перевязаны гитарными струнами, покрытые ржавчиной. ***Консультант*** – чиновник из небесной канцелярии. Его временный пастырь. Образ размыт, ничем особенно не отмечен. Просто выделялся поведением. ***Лаура*** – первое имя. Это девушка, красивая молодая мексиканка, много училась, работает. ***Женщина*** – подруга Лауры, соседка. ***Дон Педро*** – второе имя, богатый, пожилой мужчина, который утратил смысл жизни, последнее время проводит в спальне. После ссоры лишился сына.

Сани – третье имя, тяжелобольной мальчик. ***Девочка*** – соседка Сани. ***Дон Диас*** – пятое имя. Наркоторговец. Полный тип из мексиканской диаспоры. Дорогая, без особого вкуса одежда, высокие кожаные сапоги, широкополая шляпа, несколько золотых цепей и крестов на шее, на запястье.

Бруно Феррари – шестое имя, молодой человек. Вторая скрипка в

оркестре.

Консьерж – случайный свидетель. ***Старуха с палкой. Женщина с к осой*** – непостоянный образ собирательницы чужих душ, возможно, что это была сама Смерть, или нечто, работающее на неё.

Сантьяго – рыжий щенок. ***Лаки*** – продавец щенков, сосед Борислава.

Водитель грузовика – подозреваемый.

– Итак, схема простая. Меня зовут Боря, а точнее Борислав! Мои предки очень давно прибыли в Северную Америку. И родом они были, откуда – то из Польши. Сколько себя помню – все время жил тут. Я недавно умер, но случилось что-то странное, никуда там так и не попал. Теперь я почти ангел, я так думаю. Мне выпал второй шанс вернуться, и выполнить ряд важных поручений. А так как в жизни я никогда святым не был, то и ангел из меня вышел неважный.

Боря стоял посредине улицы, и не узнавал этот город. Было по-осеннему сыро и холодно. Но этого всего он даже не почувствовал.

– Где я? – проорал он, но никто на него пока не обратил внимания. Задрал голову вверх, этажи возвышались над ним, и уходили в облака. Оглянулся вокруг. Бесконечный ровный ряд домов, перекресток авеню и неизвестной стрит. Номеров домов пока не видно, – всё искажено, словно в тумане. Нужно подойти поближе, чтобы разглядеть. Вообще он сам очень изменился, вот и зрение стало совсем другое, не так как раньше, не так, как это бывает у обыкновенных людей. Да, он видит, но как-то больше сверху, порой сбоку, и к этому очень трудно привыкнуть. Он сделал шаг и опять ничего не понял.

Было очень сложно управлять своим телом, порой ему кажется, что это совсем и не тело, подобная телесная, или ватная конструкция. Она ещё постоянно перестраивалась. Много думал. – Интересно, все посланцы на Землю имеют такие неудобства, или только я?

Сейчас одет он был в непонятную хламиду, надо отметить, что одежда также могла на нем меняться, это было очень неудобно, потому что все это оставалось непредсказуемым. Сами подумайте! То легкое пальто, то тяжелый плащ, то вообще невероятная, национальная одежда, о принадлежности которой он раньше не догадывался. Итак, где он? Возможно, что в Нью-Йорке, но это не так важно. В его руках список людей, которым он должен помочь за очень короткий срок.

Помнится, что Консультант, который его готовил к этой задаче, только качал своей головой, шлёпал губами в молитве, и перебирал тонкими пальцами деревянные звенья чёток. Странно, но он только помнил эти пальцы, губы и чётки, а лица Консультанта совсем не помнил, нет. – Может быть, у него никогда не было своего лица? Да, список указывает только первую и последнюю графу, и самое главное, что в последней было имя его дочери Алекс, правда, оно было написано на латинице. Но он в этом уверен. Список это нечто похожее на

свернутый бумажный свиток, который появляется все время где – то рядом, когда наступает нужный момент. Как только он выполнит первое задание, то сразу узнает следующее, их всего семь, и он должен поторопиться. Семь желаний самых простых людей на белом свете.

Самое печальное, что он всех видит, и его видят, но каждый человек как-то по-своему. И видят его в образе определенного человека, поэтому данному виденью следует как-то соответствовать своим поведением. Исходя из всего происходящего, ему придётся постараться, ведь мало ли что может случиться. Следующим правилом было соблюдать равновесие некой своей силы, тогда он сможет быстро перемещаться. Это, если он все сделает правильно, иначе ему придется ходить, как обычному смертному, или ещё хуже. Что может быть хуже, он пока не представлял себе. Но если долго не ошибаться, то любая стена – не препятствие, и расстояние – не преграда. Поэтому не важно, какой это город. В другое место мира он бы все равно никогда не попал. Вы можете спросить, – что он видел в раю? Рай он почти не видел, даже не уверен, что был там. То каменное, пустое место раем назвать было сложно, по крайней мере, именно там ему предложили сделать выбор.

С одной стороны серая стена, собранная из грубых, шершавых блоков. Она уходила высоко в поднебесье. Снизу – настоящий гранитный пол, рядом с ним – обычный деревянный стул. Остальные стороны были как – то ограниченны в изображении. Где-то висела фиолетовая плесень, всюду капала вода. Ничего хорошего это место ему не напоминало. Унылое и серое, спрятанное от солнца и неба. С другой стороны нагромождение полок и старых предметов, покрытых пыльными покрывалами. Всё это тоже терялось вверху, и давило только своим присутствием. Он помнил, как требовательный, пожилой мужчина, почти старик, тихо повторял, что «главное – это сделать всё правильно!» Вот, если бы Боря был прилежным католиком, тогда он бы, наверное, знал все правила, а так, помнит всё, с пятое на десятое. Ну, десять заповедей он знал точно: «Не убий! Не прелюбодействуй! Не возжелай жены ближнего своего! … И так далее» Пора было идти, или лететь. Он, очевидно, задумался, и чего – то не заметил. Огляделся. Рядом столпилось много водителей, машины которых встали колом на проезжей части. Оказывается, что это он, своим появлением создал вокруг себя настоящую пробку. Они все дружно вышли из своих машин, и громко между собой обсуждали этот случай.

Да, люди видят его таким, каким хотят его видеть. На перекрестке, прямо на проезжей части, все видели грязно одетого

бомжа, который пошёл отлить, и спокойно шарил рукой по своей ширинке. Это Боря пытался увидеть, что у него там, потому что, к великому своему ужасу, не ощутил себя ни мужчиной, ни женщиной. А, впрочем, важно ли это было в данный момент?

Он поспешно и неуклюже отошел к соседнему дому. Вернее, его туда отнесло, словно ветром. Пробка автомобилей мгновенно рассосалась. Про него просто все забыли. В тени дерева на корточках сидела немного обкуренная девушка – панк, она его видела совершенно иначе. Её старые протертые до дыр джинсы были стянуты ржавыми гитарными струнами. Рядом валялся порванный рюкзак. Зачем она так одевается? Это не объяснимо. Он для неё был, как высокий викинг, с чудовищными татуировками, с огромной бородой и целым рядом вставленных металлических зубов и скобок. Боря ей хищно, пьяно улыбался, а она, казалось, улыбнулась ему в ответ. Ничего этого сам Боря не понял, он пока не привык к своему меняющемуся имиджу, и вообще к этому этапу своей полу жизни.

Следовало торопиться, но его опять потянуло куда – то. Это ещё одна особенность, некоторые люди его могут притягивать. Вот на скамейке сидит милая старушка. Она признала в нём свою соседку, имя которой уже не помнила. И называла его то Матильдой, то Мартой. Теперь она ухватила его за рукав, и готова была рассказать последние новости, которые произошли за эти двадцать лет после их разлуки. Боре это оказалось невмоготу, но он чувствовал, что та находится на грани, и ей следует выговориться. Поэтому он сначала не торопит ей, слушает, но потом просто целует её в дряблую щёку, и уходит. Та замерла. А ведь она ещё не рассказала о своих удивительных снах, которые её часто преследуют.

– И запах, откуда я знаю этот запах?

Первое имя. Лаура. Первая была девушка. Это красивая высокая молодая женщина, её родители давно переехали в Америку из Мексики. Теперь она сама гражданка этой страны. Много училась, где-то работала. Информация приходила сплошным потоком из ниоткуда, она была почти не нужна Боре, это были лишние факты из чужой жизни, он даже не хотел их знать. Теперь он просто знает их, и все. Понятно, что он пока не научился всем этим управлять. Сейчас она не уверена в себе, от неё недавно ушел парень. Теперь она находится на грани истерики. Он нашёл её высоко, на крыше жилого здания. Как нашел? Словно мог видеть сквозь стену, сквозь ряд стен только её смутный силуэт, остальное только отвлекало. Дальше он торопился, пришлось постараться, чтобы туда попасть.

Он осторожно приблизился, очевидно, нужно дать ей привыкнуть к нему. Но она видит в нём не мужчину, а женщину, которая смогла с ней заговорить. Там же они и сели, чтобы всё обсудить. Сначала говорили о ней, потом об этом парне. Она бы ещё долго говорила о себе, если бы это не случилось. Сам Боря больше молчал, он должен был догадаться обо всем, но не сразу. Он долго не мог сосредоточиться. Где-то в её глазах видел свое отражение, и это его пугало. Внезапно девушка прильнула к нему, обняла за талию, и горячо поцеловала. Он почувствовал запах её тугих волос, яркую теплоту кожи, соленость слез, пыльную грязь, оставшуюся от помады и, ещё что – то. Это «что – то» разбивалось на его открытых участках кожи в частицы, в молекулы, потом в атомы. Энергия и тепло ломали все видимые сочетания остальных предметов. Потоки смазанно сматывались в живую струю, потом рассекались на отдельные участки, светились, издавали свой неповторимый звук, который давил на его уши, где-то отдавал болью глубоко внизу, в районе диафрагмы, если она у него была. А еще это был некий общий тягучий дискомфорт, куда он стал оседать, медленно падать. Все это бессмысленно, многоцветно и бесконечно вращалось рядом, пока он пытался овладеть собой. Он был словно в тумане, ему хотелось еще и ещё повторить каждый миг их соприкосновения. Оказывается, что он мог что-то чувствовать, и это ему порядком понравилось, оно, словно заполняло его до самого края, раскачивало, убаюкивало, и выплескивалось наружу. Некоторое время они были вместе, потом девица ушла, словно ускользнула в темноту. «Теперь с ней всё будет в порядке», – подумал он. Потом он понял, что всё испортил, потому что его некоторые способности исчезли, а ему самому стало крайне неуютно, зыбко, холодно, и самое главное – это было очень тяжело. На плечи словно навалился гнёт. Обратно пришлось идти пешком. Лестница, казалось, была бесконечной. Его самого буквально шатало! Отравление избытком чувств, оно длилось очень долго, а нужное равновесие так и не настало.

– Первый урок – соблюдай своё собственное равновесие! Да, на бумаге имя девушки исчезло, словно сгорело. Но появилось другое имя. Оно сразу засветилось ярким светом. И Боря пошёл пешком, искать очередную свою жертву. Он уже чувствовал, как будет недоволен им его консультант. Он как бы видел, что тот уже чмокает своими губами, молится и осуждающе качает головой. Боря – Борислав, но какая теперь разница. Конечно, он католик, но в день своего тринадцатилетия, и первого причастия в церкви он уронил высокую свечу на пол, и поэтому получил в лоб деревянным крестом, рука падре не дрогнула, это душа не

выдержала. Пожилой священник долго потом отмаливал этот свой непростительный грех. Больше всего были недовольны родители Борислава.

Затем, как – то в молодости, он проболтался на исповеди, что состоит в подростковой банде! Больше того, он пронёс в церковь огнестрельное оружие. Оно как раз выпало из-за пояса, тут-то его и «повязал» местный прихожанин – полицейский детектив. Кстати, банду тогда «замели», ребята были им крайне недовольны. Произошло все случайно, но друзья тогда от него отвернулись, – думали на него. Судья срок ему не дал, но, честно сказать, приятного тогда было мало. Опять, жаль, было родителей.

Имя второе. Дон Педро. Вторым оказался мужчина. Он беспомощно лежал в своей огромной постели, в своем безобразно пустом доме, совершенно не желал вставать. Оказывается, что он ждал своего сына.

До него тоже пришлось долго добираться. Это был отдельный богатый район, улица с шикарными двухэтажными коттеджами, чугунными оградами, и красивыми деревьями. Решетки для ангела – не проблема. В какой-то момент он понял, как их следует проходить. Пройдя через дверь здания, он остановился, тут следовало быть осторожным. Дверь в спальню была открыта. Хозяин сразу услышал, что в комнату кто – то вошел. Ответ на его вопрос, откуда он тут взялся, Боря пропустил. Он уже считал, что дело сделано, что ничего проще этого нет! Сейчас он покажется этому отцу в образе сына, они поговорят, и все будет сделано! Но ничего подобного не случилось. Этот, «Второй номер» его сразу расколол. Больше того, он увидел в нём демона. – Нет, не райская это работа! Боря кое-как попытался убедить старика в обратном, мол, в комнате темно, привиделось, с кем не бывает, давайте откроем штору, и убедимся. А я, мол, социальный работник из отделения местного госдепартамента департамента. Можете телефон взять, проверить. А номер не дал. Сам взял старый адрес пропавшего сына, чтобы найти эту заблудшую овцу!

Темнело. А идти пришлось пешком, больше того, Боря не представлял, где он находится, и как его, этого постороннего человека ему теперь искать!? Стал спрашивать прохожих, у полицейского, у нищего возле забора, у бармена за стойкой в ночном заведении. Но те видели в нём непонятно что, и поэтому отправляли всегда не туда, куда нужно. Боря не может сосредоточиться, да, и время, которое отпущено ему на Земле,

уходит. Он явно не справляется. Между тем, стремительно темнело. Но вот он встречает девушку – подростка. Симпатичная, дерзкая, появилась, словно ниоткуда. Она первая спрашивает, чем ему помочь. Так Боря понимает, что есть ещё люди, которые видят его таким, каким он когда – то был. Девушку зовут Люси, она сегодня прогуляла уроки.

– А тебе не поздно гулять? Та только скривила губы! Адрес для неё не проблема.

– Пошли! По пути он понимает, что у него нет денег на проезд. Говорит об этом.

– Не беда! И она показывает, как можно ездить бесплатно, где следует проходить, чтобы тебя не видели камеры наблюдения. Оказывается, что его камеры и так не видят, но вот люди! Они видят, и обычно грузят его своими проблемами. Люси в такие минуты тихо стояла рядом, давилась от смеха. Через некоторое время они вместе нашли этого сына. Тот находился в больнице, под чужим именем, без документов, без страховки. Местонахождение подсказал сосед из трущоб. Позвонили старику, тот почти немедленно приехал. Его привез шикарный лимузин с личным шофером. Дон Педро сам стал ухаживать за своим сыном. Вытер ему лоб влажной салфеткой. Тот его не замечает, они когда-то сильно поссорились, сын чуть не стал наркоманом, он бросил дом. Старик стоит перед кроватью на коленях, просит у него прощения. Это испанский язык, не каждый может понять. И Боря, видя, что ничего не получается, обнимает их обоих, тратит на них свои и так небольшие силы. Этим он уговорил парня простить отца.

Наверное, произошло чудо, не знаю. В бумаге сгорело второе имя, а появилось третье.

Имя третье. Майкл. Теперь Боря мог бы передвигаться быстрее, но он не желает бросать свою новую знакомую. Девушку по имени Люси. Он смог объяснить ей, чем именно занят, и знаете, это ее ни сколько не удивило. Так они идут вместе искать третьего человека. Им оказался молодой, бородатый художник в широкой, шерстяной рубашке. Он был в дым пьяный. Сидит в уличном баре и пьёт, а увидав Борю, он чуть не падает со стула от смеха. Разговаривать именно с таким трансвеститом ему ещё не доводилось. – Каким?

Этого Боря так и не узнал, зеркало в зале, словно издевалось над ним, вообще ничего не показало. В чём его проблема? Его талант никто не признает. Направление его живописи никто не понимает. Тот рисует сугубо прагматичные вещи, которые перетекают в фантасмагорию, а это сегодня никому не нужно.

Например, нарезанный хлеб стекает на потолок со стола. Картина с непонятным названием, «О краткости бытия». Они с соседом долго спорят о пустяках, Люси пьет свою «колу», её присутствие вызывает раздражение у пожилого бармена. – Ей тут не место! Они видят, что он может вызвать полицию. Вот они, наконец – то, выходят, гуляют по ночному городу, оказалось, что это небезопасно. Тут их пытаются ограбить, и даже избивают. Боря пока в силе и может изменить положение, он спасает друзей. Грабители видят в нём тех, кого когда – то в жизни бросили. Один – свою беременную жену, другой – избитого соседа, который сегодня попался под горячую руку. Им становится страшно, стыдно. Они убегают. Художник не понимает, почему их перестали бить, но его хмель бесследно проходит. Дальше они решили проводить девушку домой, ведь уже поздно. По пути заходят в студию Майкла, смотрят на его картины. Художник давно в долгах, от него даже ушла его подруга.

– Чем он может ему помочь? Боря понимает, что картины нужно продать, самое простое это внушить владельцу галереи, что такие работы имеют будущее. На это надо время. И это будет обман. Боря понимает, что это не выход. Тогда он идет к телефонному автомату, звонит в долг, то есть в кредит знакомому старику, и просит приехать. Дон Педро крайне раздражен и недоволен, но он находится у Бори в долгу. А раздражение – это его постоянное старческое состояние. Шикарная машина привозит старика в этот район, он сам появляется в грязной студии. Они отошли в сторону. – Чем-то нужно помочь, может быть, возьмёте на комиссию пару картин, и скажете что-то хорошее этому художнику. Боря даже ничего не внушает. Старик отходит. Он сначала был крайне недоволен, а потом поднимает с пола картину, где изображена девушка у забора, правильно переворачивает её, потом долго, молча, на неё смотрит. Держит на вытянутых руках. Его глаза старчески слезятся. Она напоминает ему его жену, мать сына. Сказал, что это купит сам, а остальное, наверное, заберет его друг. Тот коллекционер, и помешан на таких вещах, чтобы было с элементами фантасмагории. Он тут же звонит, ходит по грязной студии, долго разговаривает по мобильному телефону с невидимым собеседником. Тот, несмотря на поздний вечер, находится где – то рядом, в городе.

Приезжает пожилой коллекционер, у него тоже шикарная машина, но совсем другого цвета. И теперь в переулке стоят две дорогие тачки с личными водителями. Они друг друга знают, тихо переговариваются, угощают сигаретами. Художник показывает картины, коллекционер и старик молча смотрят. Оба

лезут за своими чековыми книжками. Боря видит, что третье имя в его списке вспыхнуло и исчезло. Пора кое-кому отправляться домой. Старик сделал им одолжение, довёз их до дома девушки. Потом возвращается к сыну, в больничную палату. Они прощаются. Оказывается, что у девушки новая мачеха. Они давно не ладят, просто дочь не может забыть свою мать. – «Хочешь, я на миг стану матерью, и ты сможешь поговорить с ней?»-«Нет, но всё равно, спасибо тебе! Ты классный, когда не пытаешься обмануть других людей!

Спасибо!» Она целует его в щеку. Оказывается, что мачеха и отец целый день ждут её. Они долго её искали, и волновались. А Боря предстал перед ними в образе полицейского, или они сами его за него приняли. Но всё обернулось, как нельзя лучше.

Имя четвертое. Сани. Следующим было имя маленького мальчика. Он болеет и скоро умрёт. Боится, что оставит свою семью в большом горе. Боря нашёл его сразу, и предстал в образе сестры милосердия. Но чем он может ему помочь? Его пока никто не учил делать чудеса, или лечить тяжелобольных. Поэтому он просто слушает его. Оказалось, что у мальчика была подруга. Она была старше его, жила в соседней квартире, но недавно они поссорились, из – за пустяка. Тут Боря начинает падать. Сначала вывалился из многоэтажки, потом оказался на улице. – «Опять, эти непростые отношения!»-сердится Боря, и уходит в асфальт ногами по колено. Все проходят мимо, словно не замечают его. Погружение медленно продолжается. Он барахтается, словно тонет в настоящей воде. – «Ты слишком много переживаешь!» – слышит он над собой голос. Он отвлекается, поднимает свою голову. Машет приветливо рукой. В какой – то момент понимает, что выглядит более чем нелепо. – Меня зовут Боря! – Вижу, что не Мигель! Давай руку! И как только тебя такого в эту программу взяли? Перед ним стоял статный, пожилой мужчина в черном пальто. И если провести аналогию с персонажем какого-нибудь голливудского фильма, то он был похож на шофера из «Крестного отца-2». Молчаливый помощник, ломающий всем челюсти. Конечно, он таким не был, просто похож. Почему – то этот парень так не менялся, как это случается с Бориславом.

Он помог ему выбраться из мягкого, почти жидкого асфальта. Самого звали Габриелем, с этим именем его крестили, поэтому после смерти он его и получил. Он не тот самый, что архангел. – Ты слишком много думаешь, как человек! Много сердишься! Поэтому много делаешь лишнего, и твои силы на исходе, а нужно ещё полсписка сделать. Ты можешь не успеть!

Это он заглянул куда – то, и увидел весь его список. Даже это

было ему подвластно. – А как мне быть? – Очень просто, находишь иминната, читаешь молитву, человеку станет лучше, и он сам всё для себя сделает правильно, нужны только твои светлые помыслы! Они расстались, дальше Габриель словно испарился. Но через несколько минут на Борю падает тело человека с крыши. Он падал с улыбкой на лице. – «Ничего себе, светлые помыслы! Надо поспешить!» – подумал Боря, вылезая теперь из-под тела этого типа, ему самому ничего особенного не было, повылезали только острые прутья, напоминающие ребра, сломалась рука, выпал куда – то глаз. Оказывается, что у него тоже были ребра! Прыгуна уже увезла карета «скорой помощи», а Боря спрятался в толпе, и никто понять не мог, как это произошло, куда делось второе тело, которое тут должно быть. Борю все видели иначе. Он быстро поправил на себе суставы и кости, но глаз так и не смог правильно настроить. – «Это было не совсем то, что требовалось!» – подумал Боря. Он успокоил первую девушку, как только мог, не осознавая, что она хочет видеть в нем, прежде всего, женщину, соседку по дому, с которой её многое связывает. Оказывается, что раньше она сама не отвечала той взаимностью.

– «А случай с отцом и сыном?» Тут ему стало жалко обоих, он сам рано потерял родителей, поэтому понимал их, как нельзя лучше. Было еще далеко не утро. Соседскую девочку он нашел случайно. Она вошла в ночной магазин, куда ходила за хлебом, и стояла у кассового аппарата.

Как он понял, что это она? Заглянул в мысли мальчика, увидел нечто вроде следа, образа. Увидел – запомнил, протянул что – то, словно невидимую нить, никогда так не делал. Но все оказалось очень просто, попробовал, и это получилось. Теперь следовало её как-то уговорить. Но как? Он подошёл к ней. Какой он ей кажется? Об этом он пока даже не догадывался! Ну, не умел он управлять такими вещами, и никто его этому не научил. Главное, что он её нашел. Когда он заговорил, то понял, что просто найти ребенка было не главное. Она оглянулась, и слегка от него попятилась. Не ожидала, что высокий пожарный инспектор обратится именно к ней. Пока Боря понял, что происходит, успел наделать массу ошибок. Он уже знал, как зовут эту девочку, откуда она родом. Но, как объяснить, что он делает поздно ночью тут, в дежурном магазине в форме пожарного? Он вдруг почувствовал себя крайне неудобно, тяжелая огнеупорная куртка почти не «дышала», каска на голове буквально мешала ему видеть все вокруг, толстый ремень плотно стягивал пояс. За спиной видел неудобный баллон с кислородной смесью. Откуда

он все это знал? Он затрудняется сказать, но пришлось придумать целую историю, чтобы оправдаться. Это было бессмысленно, девочка смотрела на него с почтением, почти с испугом. Потом случилось что – то непредвиденное, она заплатила за продукты, и бросилась из магазина прочь. Он вышел за ней, почувствовал, что меняется. За спиной появились крылья, его кожа вдруг потемнела, взмах, и он поднялся над землей. Такого эффекта от себя он не ожидал, нет, все дело в девушке. Эта она его таким видит, но почему?

Так он её потерял. Способность кого – то найти, она распространялась только на человека из списка, а остальные люди требовали больше времени, некоторых сил и внимания. Бежать за ней он не мог, его крылья буквально двумя взмахами подняли его высоко в небо. Плотный воздух охватил его, газопотоки, словно эфир, заполняли его легкие. Легкость открывало дыхание, хотелось петь. И тут приземленная мысль все испортила, он подумал, очень скверно о чём – то подумал, и полетел камнем вниз. Лететь можно было долго, но получалось стремительно и неумолимо. Как падение. О чем он смог подумать в эту минуту? Точно, он попытался вспомнить, как он умер, и не смог. Вот это означало его падение. Потом он попытался вспомнить свою фамилию, и не смог. Но в конце списка стояло имя девушки: «Алекс Восжана». Значит, его фамилия всё-таки Восжанский, а зовут Борислав. Он католик, ещё он поляк! А вот и нет, он, наверное, литовец! Вот, тебе раз, Борислав забыл свою национальность. Что это? Неужели это началось, и память потихоньку покидает его? Нет, только не сейчас, он не успел. Вот падение прекратилось.

Имя пятое. Диас. Что – то произошло, пока Боря мог только догадываться, может быть, тот мальчик Сани уже умер. Появилось пятое имя. Некто Диас. Боря представил себе его. Тот находился в четырех кварталах от того места, где он только что находился. Благо остались крылья, ему пришлось подумать о чем – то светлом, большом, чистом. Взмах, и он оказался выше стоящего рядом здания. Теперь, если просто спикировать, можно добраться до этого самого Дона Диаса. Полный, высокий тип из мексиканской диаспоры. Дорогая, без вкуса подобранная одежда: высокие кожаные сапоги, широкополая шляпа, золотая цепь и крест на шее, точно такое же дорогое украшение на запястье руки, поэтому золотой крест нередко оказывался сжатым в его кулаке. Остальное он рассмотреть не успел.

«Почему они все время носят шляпы?» Опять стал падать.

«Хоть вообще ни о чем не думай. Ладно, придется идти пешком, тут осталось совсем немного, за углом нужное здание, третий этаж, дверь по коридору направо».

Здание было не в самом хорошем состоянии, консьерж только поднял голову, и утвердительно мотнул челюстью.

«Что он, интересно, увидел?»

– Ты поможешь мне?

Оказалось, что служащий тяжело ранен, и истекал кровью. Этого Боря понять сразу не мог, просто его поразило, что этот человек сейчас умрет, а он его так видит. Жизнь уходит из него, словно тепло. Службу «скорой помощи» ему никто не вызвал. Наверху явно что-то происходило. Оттуда послышались многочисленные выстрелы. Если он хочет успеть, то нужно поторопиться. Но Борис протянул руку к умирающему человеку, и как – то облегчил его боль, взяв все на себя. Сначала это его сильно обожгло, руки, словно обагрились чужой кровью. Капля за каплей его тело заполнило нечто чужое, теплое, можно сказать, что живое. Потом умирающий консьерж перестал хрипеть, облегченно вздохнул и безвольно застыл.

«Что с ним делать? Я, конечно, не падре, но умереть так, без причастия, это грех. Впрочем, столько людей сегодня умирают вот так, без причастия, и ничего. Опять богохульство. Прости меня, Господи! Что делать с его душой, как её отпустить?» Боря понял, что впустил в себя нечто такое, что можно было назвать чужой душой. Что ему делать? Он не собирался быть «душехранилищем» чужих оболочек!

Ему нужно было спешить наверх. Он стал подниматься по лестнице, когда увидел впереди отвратительную старуху. Длинные, косматые волосы болтались с разных сторон. Тонкие губы, длинный хищный нос.

Она шла ему навстречу. На ней болтался нелепый балахон, – такое темное одеяние, в руках деревянная рукоятка от косы. Но самого лезвия орудия не было видно. Старуха сразу преградила ему дорогу. Выжидающе уставилась на него, пытаясь понять, что это тут происходит. Ей самой нужно было срочно оказаться внизу, потом опять спешить наверх. Кто – то успел перехватить душу, и этот кто – то теперь стоял напротив неё, и всем своим видом напрашивался на большие неприятности. Увидев Смерть, а это, конечно, могла быть только она, Боря попятился, стал молиться. Прочитав три раза молитву «Пречистой деве Марии», он так ничего и не изменил. Старуха продолжала стоять, устало глядя на него. – И долго это будет продолжаться? Твои молитвы уже услышаны, верни мне моё! Боря озадаченно стал озираться, он

решительно не знал, что делать дальше.

«Ну, забрал я чужую душу, но это произошло случайно. Что делать дальше? Как мне быть?» Тогда старуха дотронулась до него своей палкой. В месте соприкосновения появился свет. Теперь рукоятка стала настоящей косой. И это острое лезвие вытянулось из ниоткуда. Оно высосало чужую вещь из субстанции, которую представлял собой Боря. Нельзя было сказать, что ему стало легко, но эту потерю он как-нибудь переживет. Старуха уже не выглядела такой безобразной и страшной, какой появилась, теперь это была настоящая дама в драповом пальто. Она взмахнула рукояткой косы, и та обернулась длинным зонтом. Теперь ей тут делать было нечего, она поспешила наверх, к следующей своей жертве.

Как поспешила? Ну, во всяком случае, не улетела на своем зонтике, воспользовалась лестницей, как все простые смертные люди. Боря поправил свое тело, раны нигде видно не было, странный укол прошел почти незамеченным. Но крылья за его спиной исчезли. Ему нужно было найти этого Диаса, пока его не опередили. Он стал медленно подниматься по лестнице, потом понял, что может сократить путь, вошел в стенку и вышел уже на самом верхнем этаже. Теперь следовало спуститься на целый этаж, он ещё раз проделал этот фокус. Стена, словно плотная, густая масса, пропустила его через себя. Бетон был словно жидкий, одно усилие, и тело преодолело его. Он не видел пока нигде препятствий, даже элементы железных конструкций казались ему пластичными и нестойкими. Ему нужно было только не задерживаться. Движение, если его не завершить, было бесполезным. Самое главное, это представить себе конечную цель. Боря еще немного ошибался в расчетах, поэтому часто промахивался. На третьем этаже уже давно перестали стрелять. Это был простой голый коридор, который имел несколько дверей по обе стороны. Вокруг в воздухе стояли плотные пороховые газы. Нужно было найти этого Дона Диаса. Дверь в нужную комнату была выбита, внутри помещения на полу уже лежало несколько человек. Очевидно, эти люди были нападавшие. Видимо, что они так и не смогли добраться до своей цели. Стояла какая – то пыльная завеса, везде лежали ошметки от штукатурки, дешевых обоев. Где – то, очевидно за стеной, орало радио, – «рок – н-рол жив»!Кругом валялось автоматическое оружие, его было достаточно, чтобы держать длительную оборону, но оно не помогло никому выжить. Некоторые автоматы Боря видел в кино, там они назывались не иначе, как «узи». Дон Диас лежал спиной на полу там же, в самом центре этой некогда живой кучи. Рядом валялась его шляпа. Его простреленная рука висела плетью, кто –

то успел наложить на неё жгут. Но кровь все равно сочилась по рубашке, еще капала со лба. Нет, оказалось, что это был совсем не жгут, а золотая цепочка от украшения, пригодилась. Сам он был ещё живой. Где – то в районе груди было свежее ранение, ему не помог даже бронежилет. Человек был ещё в сознании, потому что сразу поднял голову.

– Что тут произошло?

Об этом Боре было трудно судить, но он представил, как эти шесть человек сломали двери, и ворвались в комнату. Два человека внутри отчаянно защищались, открыли огонь сразу, через дверь. Но это не помогло остановить нападавших людей. Несмотря на численное превосходство, их атака захлебнулась. Дон Диас и напарник стреляли с положения, лёжа, по ногам вошедших людей. Это их спасло, но ненадолго. Оставшиеся в живых нападавшие перегруппировались, и снова атаковали. Потом стрельба прекратилась. Теперь Дон Диас таращил свои глаза вокруг, смотрел на Борислава, молился, призывая всех святых спасти ребенка, он сам никого уже не видел. Боря огляделся, там действительно была колыбель, и маленький ребенок. Он лежал среди груды пакетов со смертельным грузом. Наркотики! Многие пакеты были проткнуты, порошок высыпался. Ребенок перебирал испачканными руками, уже распеленался. Борисав схватил в руки голого ребенка. Тот был мокрый и сильно орал. Как он мог его не слышать? За спиной открылась дверь, он оглянулся, так и есть, – женщина уже была тут. Но ее не интересовал маленький ребенок, она стала тыкать всех подряд своим ужасным зонтиком и закончила с Доном Диасом. Тот так и не оправился. – Посторонись, вечно вы мешаетесь под ногами! Что она имела в виду под местоимением «вы», это осталось непонятным. Очевидно, что таких, как он, в этом районе было немало. Борислав скомкал со стола чистую скатерть, и вышел с ребенком на руках.

«Матка Борза! Да, какой ты тяжелый! Что мне с тобой делать?» И мысль быстро материализовалась в знакомый образ здания. Приют для детей, это почти рядом. Можно было дойти пешком. Где – то выла сирена, следовало спеленать мальчика, – но как? Боря вышел в другую комнату. Там тоже были трупы. Повернулся, прижал ребенка к груди и двинулся прочь. Лестница вывела его на улицу.

Имя шестое. Бруно. Как только сгорело пятое имя, появилось следующее. Некто Бруно. Борислав представил себе этого человека. Это был ещё молодой человек, который находился сейчас в самом центре города, мчался в скоростном лифте

огромного небоскреба. Следовало поторопиться, это место было очень далеко от того района меблированных комнат, где сейчас находился Боря. Ребенок на руках долго не мог успокоиться. Борислав понимает, что так никуда не успеет, но бросить дитя не может.

Впрочем, есть выход: к зданию подъехала карета «скорой помощи», люди выскочили с носилками, когда они вернутся, то обнаружат малыша в салоне машины. Это было единственное, правильное решение, которое пришло в голову, странно, но образ приюта погас, как только Боря увидел машины. На него опять никто не обратил внимания. Он незаметно перешел улицу, пора было найти своего Бруно, пока не передумал мечтать.

Так оно и случилось. Бруно давно вышел из здания, и направился куда– то, наверное, по своим делам. Информация шла широким потоком. Его сексуальные наклонности, его детство. Потом появились сведения о его работе, оказалось, что он музыкант в оркестре. Вчера был концерт, там во время него что – то произошло, что – то случилось. А сейчас он возвращался со свидания. Маленький человек в большом городе. Сейчас он поймает такси, и уедет. Следовало что – то предпринять, но что? Боря посторонился. Внезапно шестое имя исчезло с бумаги. Это могло обозначать лишь одно – у него нет больше срочных желаний, ради которых следовало тревожить небесную общину. Боря повернулся к нему спиной, и зашагал к себе домой.

Имя седьмое. Алекс. Следующим и последним в этом списке именем было Алекс. В том, что это его дочь, он даже не сомневался. Но что это? Как только Боря представил себе седьмого человека, то понял, что глубоко ошибся. Алекс Восжана оказалась его далекой родственницей, скорей всего, двоюродной племянницей. Они с его дочерью были погодки, имели одинаковые имена и фамилии. Родители этой Алекс были почти коренными американцами, то есть жили тут давно. В отличие от них, родители Борислава были иммигрантами. Родственники были самые, что ни на есть дальние, почти чужие. Как он мог так ошибиться? Просто он думал именно о дочери, а размытый образ в конце списка явно ввел его в заблуждение. Что это меняет? Он по-прежнему должен всем помогать, выполнить свою миссию, чтобы вернуться. Но он ждал встречи именно с дочерью! Такое разочарование, он почти все сделал, но так и не сможет увидеть «свою» Алекс. Он вдруг вспомнил тот последний день своей жизни, когда ему нужно было куда – то успеть. Он переходил дорогу в неположенном месте. И внезапно остановился. Дальше картинка пропала. Но что – то очевидно случилось, потому что

некоторые вещи он видел, но откуда – то со стороны или свысока. Движение автомобилей давно встало. Подъехала карета скорой помощи, вокруг тела засуетились люди. Знакомая уже фигура женщины промелькнула возле врача, но не остановилась, прошла дальше, незаинтересованно. Потом опять туман. Видение исчезло. Последний человек обозначился четким контуром, где – то на торговой улице, на заднем дворике. Боря преодолел несколько кварталов, оказывается, что ещё недавно он проходил это место несколько раз, но ничего особенного тут не было. Впрочем, не было и сейчас. Это было последнее испытание. Его задание, последние свидание с этим миром, и следовало поторопиться. Это был пустой торговый павильон.

Он нашёл её в цветочной оранжерее, где она работала с раннего утра до обеда. Девушка сидела на коленях и тщательно утрамбовывала землю в горшке небольшой лопаткой. Одета она была в рабочий, просторный комбинезон, в обычную клетчатую рубашку, обута в резиновые сапоги, на голове волосы перевязаны темным платком. Увидев постороннего человека, Алекс поднялась с колен, выпрямилась, и направилась к нему.

– Должно быть вы за цветами для мисс Ллойд! Они уже готовы, следует переложить все в тележку, но это только до машины. Я уже все подготовила, пошлите, покажу, где стоит рассада. Она повела Борю в другой павильон, где должна была выдать клиенту несколько ящиков с рассадой для зимнего сада какой – то мисс Ллойд. Боря поплелся за ней. Вернее, ему казалось, что он плетётся, на самом деле, его тело само двигалось низко над землей, но никто этого почему – то не замечал. Девушка была занята своими заботами, а Боря – своими проблемами. Он решительно не понимал, какие у этой девушки могут быть проблемы, и чем он может ей помочь. Нужно было найти точку соприкосновения, чтобы контакт был полный, иначе все было бы напрасно. Но это не обозначает, что достаточно взять её за руку, и тогда он все поймет. Следует порыться в её голове, или вызвать на откровенный разговор. И судя по тому, что произошло, она приняла его за рядового посетителя. В других случаях, его миссия была бы удачней, а тут следовало поработать мозгами, нарыть нужную информацию, чтобы не ошибиться.

Так и есть, вот стол с ящиками, вот тележка. Но если продолжать в том же духе, то все это куда – то следует увезти, а машины у Бори не было. Время шло, а он так ничего и не придумал.

– Машина подъедет чуть позже, я просто зашел проверить, готов ли заказ. Мне ещё нужно отлучиться, очевидно, что мой

напарник приедет быстрее меня. Я вижу, тут все в порядке.

Он уже дотронулся до руки девушки, но ничего не произошло, с ним ничего не случилось, нужную информацию он так и не получил. Всё что ему удалось считать с её ладони, никакого существенного тревожного сигнала не несло. Родители девушки находились ещё «в полном здравии», постоянная работа в павильоне и в цветочной лавке, учеба на вечерних курсах, ещё ранее отмечались встречи с молодым человеком. Но ничего странного, тревожного или угнетающего. Он ничего не видел, а это обозначало одно – он должен ждать. С девушкой могло случиться нечто такое, что не было связано с ней ранее.

Времени у него не было. Тот период, что ему отпустили, он бесследно прошел, сейчас все исчезнет, он просто не успел. Но странное дело, ничего не исчезло. Никто никуда его не торопил. К зданию подъехала машина с фургоном, постояла, потом оттуда вышел высокий сутулый мужчина. Очевидно служащий, который должен доставить заказ той самой мисс Ллойд. Тут неожиданно Боря почувствовал временное онемение в конечностях, это наступал момент его распада. Скорей всего, сейчас его тело рассыплется, а он сам предстанет перед своим строгим Консультантом. Именно в этот миг он видит грузчика, который возвращается с плотным огромным пакетом в руках.

«Не может быть! Ведь он несет завернутое в полиэтилен тело девушки. Следует что – то предпринять!» Но его время куда – то бесследно ушло. Он ничем не может помочь бедной девушке. Грузчик оказался серийным маньяком, который прятал тела своих жертв в хозяйском саду. Его очередная жертва была эта самая Алекс Восжана, которая до этого момента ни о чем не подозревала. Мужчина кинул тело в фургон, и вернулся за рассадой, он отсутствовал несколько минут. Единственное, что Боря смог сделать, он рванулся к фургону, но грубая материя собственного тела ему больше не подчинялась. Не было даже сил, чтобы дёрнуть ручку, и открыть дверь. Спасти! Он беспомощно огляделся, рядом с кабиной стояла длинная лестница. Она имела выгнутые вперед фиксаторы, которые именно сейчас были направлены внутрь. Боря вспомнил, что, выходя, он случайно опрокинул эту лестницу, и когда она поползла вниз, просто придержал ее, но не поправил. Теперь этот незначительный факт поможет ему. Он всем своим телом бросился на эту самую лестницу, и смог сбить ее с места. Она медленно сползает, опрокидывается, с грохотом падает, и двумя штырями разбивает лобовое стекло грузовика. Мужчина еще не знает, что произошло на улице. Но в конце улице появился полицейский патрульный, который услышал звон разбитого стекла. Он медленно

направляется к машине. Вот-вот, что – то произойдет, но Боря ничего этого уже не видит, его вызвали в совершенно другое место.

Перемотка. Он приготовился увидеть Консультанта, но когда открыл глаза, то с изумлением понял, что находится в здании знакомого уже городского госпиталя. Сам Боря лежал на больничной койке, и целая система проводов и трубок обволакивала его тело. Где – то мигала сигнальная лампа, было слышно, как капает вода из крана, шорох шагов за дверью. Это был далекий фон. Итак, вместо знакомого Консультанта он увидел лицо незнакомого ему доктора. Тот показывал ему свои пальцы и медленно что – то говорил, или о чем – то спрашивал. Но именно эти звуки он никак не понимал.

«Семь. Их было всего семь!» пытался сказать Борислав, но не смог. Врач, обращаясь к кому – то, сообщил, что так иногда бывает: если человек вышел из комы, то он не сразу сможет осознать происходящее. Проверил его рефлексы. Посветил фонариком в глаз. Что – то стало проясняться. – Очевидно, что нашему пациенту еще повезло, сильных нарушений у него не обнаружено.

Боря резко повернул голову, рядом с врачом находились его жена и дочь. Они втроем заполнили всю видимую им картинку, потом его глаза закрылись, изображение частично сложилось, потом еще раз несколько свернулось, и он провалился в совершенно другой свой сон. Консультант монотонно читал молитву, перебирал деревянные четки. Борислав стоял рядом. Но ничего сказать тут было невозможно, оставалось только слушать. Тот сообщил, что, так как Боря не успел выполнить до конца все свои задания, его решено было оставить в «запасной лиге».

– Но вакантных мест в «лиге» пока нет, и, учитывая некоторые ваши личные заслуги, вам предлагают вернуться на исходную точку. Тут его лоб поморщился. Видимо, это было коллективное решение, но никого рядом не оказалось.

«Зачем? Чтобы начать всё сначала. Это называется перемотка». Что – то вокруг стало усиленно происходить, действуя, словно в обратном порядке. Боря уже давно ничего не контролировал, просто ждал.

Утро.

Это было то самое знакомое утро, когда для Борислава все решительно изменилось. Утро, когда он стоял на тротуаре, и уже сделал свой последний шаг. Но вместо удара, послышался скрип колес. Машина, которая должна была его сбить, остановилась.

Гневный водитель – таксист выскочил из кабины и стал размахивать руками. Боря элегантно поправил свое пальто, и взмахнул невидимыми крыльями, оказался где-то позади. Позади на несколько минут. Теперь недоумение и гнев шофера выразились другими отчаянными ругательствами, но уже по совершенно иному поводу.

На тротуаре беззащитно сидел рыжий щенок. Боря стоял на улице, и видел все это. И тут он что – то вспомнил. Это было некое знание того, что еще не случилось, чего с ним пока не произошло. Тогда он решительно перешагнул через бордюр и нагнулся. Подхватил пса, и ринулся обратно. Шофер уже садился в салон машины, чтобы продолжить свой путь. За его машиной отчаянно сигналили другие нетерпеливые водители в своих машинах. Это Нью-Йорк! Щенок был рыжий. Какой породы? Возможно, что сеттер. Информация об этом объекте шла сплошным потоком. Грамоты с печатями, родословная. Где– то, в соседнем доме Боря представил себе картонную коробку с такими вот одинаковыми щенками. Лаки, хозяин, продавал их по газетному объявлению. С ним связывались по телефону, потом подъезжали на угол этой улицы, где Лаки забирал свои деньги, и отдавал проданного им щенка.

«Зачем мне нужен телефон Лаки? Я совершенно не собираюсь ему звонить!»

Этот пес случайно выпал из салона машины, которая давно уже отсюда отъехала. Боря знал, кому он подарит этого щенка. Как он найдет адрес?

«Тут нет ничего проще».

Просто он вспомнил отрывок своего пока не случившегося сна.

«Что? Приятно, почувствовать себя ангелом?» На этаж он поднялся, немного запыхавшись. Дверь в нужную квартиру оказалась открытой. Рядом в коридоре стояла уже знакомая девочка, которая сама не решалась зайти. Увидев мужчину с собакой на руках, она сначала посторонилась. Он вошел внутрь квартиры, но дверь за собой не закрыл. Девочка зашла следом. Боря вошел в комнату. Мальчик по имени Сани лежал одетый на заправленной постели, и смотрел куда – то в окно. На посторонний звук он медленно повернул голову.

Кажется, что появление в комнате незнакомца с пушистым маленьким комочком на руках не вызвало его недоумения. Оказывается, что он все время кого – то ждал. Боря протянул щенка, и положил его ему на колени. Сани взял пса за передние лапы, тот успел его атаковать, лизнуть в щеку. – Как! Как его

зовут? – Наверное, Сантьяго! Накорми его. Он повернулся к двери, которая уже отворилась, и на пороге показалась соседская девочка. – Я пойду, сегодня особенный день, и мне много нужно успеть!

– Ты еще придешь?

– Не знаю.

Борислав вышел из комнаты, и уже в коридоре разминулся с хозяйкой дома. Она посмотрела на незнакомца, но он вышел раньше, чем она появилась на этом этаже.

На улице было тихо. Боря прошел в телефонную будку и по памяти набрал нужный номер. Очень долго пришлось ждать, пока старик поднимет телефонную трубку. Он живо себе это представлял, и нисколько не торопил своего абонента. Послышался ворчливый голос. – Дон Педро? Это Бруно Феррари. Я – сотрудник детективного агентства, которое по вашей просьбе занимается розыском вашего сына. Да! Мы его нашли, запишите адрес. Номер палаты тоже запишите. Оплату данной услуги прошу сделать на имя Бруно Феррари, запишите данные. Встреча отца и сына происходила в больничной палате. Старик стоял возле кровати, и держал своего сына за руку. Но тот пока никак не реагировал. Одетый в халат Борислав тихо сказал, что на это нужно некоторое время.

– Теперь, когда все позади, он обязательно поправится, – и протянул свою визитную карточку. Дон Педро, не глядя, сунул ее в карман. Это была карточка малоизвестного художника, галерею которого Боря успел найти по пути сразу после звонка.

Майкл. Имя этого человека ничего не говорило старику, но он еще успеет побывать днем на его экспозиции, где увидит картину с изображением молодой девушки, которая была похожа на его жену. Эту картину он непременно купит. Лауру он увидел издалека. Она уже зашла в знакомый ему подъезд дома. Он даже подумал, что опоздал. Словно бонус возникли в уме номера нужных для этого случая абонентов. Между сердечным другом и подругой, выбор пал не на парня! Соседка Лауры подняла трубку, и услышала, что ее ждут срочно на крыше дома по следующему адресу. – Поторопитесь! Боря подождал немного, и когда мимо пробежала знакомая фигура, он отметил, что очевидно, соседка действительно того стоила. Следующий клиент был Дон Диас. Анонимную информацию о возможном заложнике получила экстренная «служба 911». Звонок поступил из здания, где проживал подозреваемый. Консьерж только отлучился на минутку, но именно ему потом припишут этот телефонный звонок. Полицейский наряд прибыл неожиданно, успел вызвать подкрепление. Теперь арестованных успели вывести из здания и

поместить в полицейский фургон. Их увезли, когда туда подъехали соглядатаи, очевидно, люди из преступного синдиката.

«Клиент жив. Оружие и наркотики конфисковали. Остальное было не моего ума дело!» – решил Боря, когда младенца забирали сотрудники органов опеки.

Оставались еще Бруно и Алекс. Следующий анонимный звонок он сделал из другой телефонной будки. Маньяка взяли в тот момент, когда тот пытался избавиться от улик. Потом Боря вскользь посмотрел телевизионный репортаж криминальной хроники. Про следующую жертву было только сказано, что преступник собирался ее похитить. Имелись лишь фотографии этой девушки.

«Все успешно складывается!» Когда Бруно получил по почте банковский чек, то очень обрадовался. Происхождение денег его пока не интересовало, он сразу оплатил долги своего друга. Вечером у них состоялся концерт, который прошел в этот раз удачно.

Эпилог

Художник его так и не узнал. Боря потом посещал его персональные выставки. Положение этого человека улучшилось, его картины покупали так быстро, что, казалось, он и нарисовать не успевает, а они уже были проданы. Правда, был среди его экспозиции небольшой эскиз, где он, очевидно на память, кого – то пытался нарисовать, но, видимо, ничего так и не получилось. Эскиз он никому так и не продал, хотя знакомый теперь ему коллекционер пытался дать за него хорошую цену.

Борислав появился незаметно, но спрятаться среди толпы ему так и не удалось. При первой встрече, мастер ещё пытался вспомнить, где он мог видеть этого человека, но это у него так и не получилось. Он издалека смотрел на Борю. Но память так и не пришла ему на помощь. Боря помахал рукой, как это было изображено на картине. И просто так улыбнулся, сказав, что, да, его часто с кем-то путают. Их встречу, которая изменила всю его жизнь, художник тоже так и не припомнил. Наверное, потому что она так и не случилась. Потом был еще поход на концерты, где играл на скрипке его знакомый Бруно. Борислав сидел в зале со своей женой. А в антракте столкнулся с ним в баре. Бруно непонимающе прошел мимо, потом зачем – то оглянулся. Борислав стал ходить в костел по воскресеньям, брал с собой обеих девочек. Они заново подружились. В храме все внимательно выслушивали речь преподобного отца, и мило

переглядывались, как это было раньше, в далеком детстве. Борислав смотрел куда – то вверх, на разноцветную мозаику, стараясь увидеть то место, где он, кажется, уже побывал, но так и не подошел для работы.

«Очевидно, что там что – то есть!»

Он при этой мысли ещё крестился, читал молитву и уходил, так и не исповедовавшись.

Защита для фюрера

Действующие лица:

1955 год. Франция. Ученые:

Лион – молодой ассистент доктора Илонга Канец, бывший узник концлагеря. 1929 года рождения.

Канец – доктор Илонг Канец, бывший узник трудового лагеря. 1910 года рождения.

Лаборант – помощник доктора Канеца. 1915 года рождения.

Охранник — молодой парень из персонала.

Посредник – продавец в лавке.

Проповедник – нацистский агент.

Пастор Дор – участник эксперимента, который дожил до конца войны.

Профессор – научный руководитель Лиона в университете.

1885-88 годы. Австро-Венгрия, Линц:

Иосиф-воин – уроженец Германии, он же Иоганн Вольт, военный агитатор.

Мария Мендель – сестра Иосифа, уроженка Германии, вдова.

Иохан Мендель – брат мужа Марии, уроженец Германии.

Рабби – раввин небольшого общества из пригорода Линца.

*Рахиль – до*чь раввина, жена Иосифа, уроженка города Линц Австро-Венгрии.

Беня – помощник раввина, несостоявшийся жених Рахиль.

Влад – австриец, душевно больной человек. Обладал чудовищной силой и слабым разумом.

1918-23 годы. Германия, Мюнхен:

Ади – ефрейтор, уроженец Австро-Венгрии.

Альберт фон Грехт – служащий германской армии, знакомый, однополчанин Ади.

Видеман – лейтенант германской армии.

Фердинанд Штегер – общий знакомый Ади.

Макс Цепер — художник.

Госпожа Клявелин – владелица спиритического салона.

Рудольф фон Зеботтендорф – ученый, владелец газеты, создатель общества, будущий член партии.

Карл Харрер – редактор газеты «Мюнхенер беобахтер».

Руд – помощник профессора Мюнхенского университета, офицер пехотного полка, боевик.

Дитрих – член партии, член тайного общества, аристократ.

Камрад Антон – основатель Рабочей партии Германии.

Марат – сын Иосифа и Рахиль.

Тереза – супруга Марата, которая потом родила сына Якова.

Эрих Людендорф (Ludendorff) – немецкий военный и политический деятель, бывший генерал пехоты, начальник Генерального штаба, родился близ Познани.

Матильда Людендорф – хозяйка светского салона, жена бывшего генерала.

Кар – комиссар баварских земель.

Майер – начальник политического отдела рейхсвера.

Эрнст Рем – начальник политического отдела рейхсвера, отдела армейской разведки, командир штурмовых отрядов СА, руководитель службы безопасности партии.

Герман Геринг – занимался военной подготовкой штурмовиков.

1933 год. Германия, Мюнхен:

Артур Коне – доктор, оккультист, руководитель отдела «Аненербе».

Фюст – профессор Мюнхенского отделения общества «Аненербе».

Вольф – молодой ассистент доктора Коне, член партии, внештатный сотрудник гестапо, 1915 года рождения.

Генрих – молодой ассистент доктора Коне.

Примечание: *постеры были использованы на основе фотографий из немецких архивов и кадров кинохроники.*

Глава первая, которая расскажет о военных действиях. А на Западном фронте без перемен? Людендорф. Участок под Ла Монтель. Ади. Местечко Уденарде. Пазевальк

1918 год. Хочу подробно разобрать этот период, чтобы читатель мог убедиться в том, что случилось потом, есть основная ранняя историческая закладка. Германская правящая элита всегда имела захватнические планы, которые осуществлялись весь период существования империи, и в последующих временных этапах. Внезапное исчезновение любого исторического лица не могло бы существенно повлиять на их планы.

После подписания главой делегации Григорием Сокольниковым Брестского договора, Германия еще удерживала за собой все оккупированные восточные территории до заключения общего мира. Напомним, что условия этого договора должны были принести германской стороне контрибуцию, суммой в шесть миллиардов марок золотом. Ожидалась по тем же условиям доставка необходимого сырья из России. Но самым главным достижением Брестского договора для Германии можно считать, общую победу на Восточном фронте. Иначе, это трагическое положение никак назвать нельзя.

Еще недавно, в первых числах апреля в Гамбурге императору Вильгельму был предложен «венский документ», суть которого заключалась в мирных условиях без уступок врагу. Его составили император Карл, Австро-Венгро имперский канцлер граф Чернин, генерал фон-Арц, генерал-фельдмаршал и генерал Люденфорд. Этот документ был настроен на благоприятный для союза исход войны, на который все еще надеялись. Но вот в чем дело, он не был вовремя обнародован.

Любая другая возможность договориться и выступить с новыми предложениями о мире просто рушилась. Почему? Наверное, все это упиралось в вопросы о будущем оккупированных территорий Румынии, Польши, в частности Галиции. И, конечно, полной невозможности вернуть Эльзас-Лотарингию соседней Франции. Тут никто не хотел идти на уступки. Немудрено, что все стороны надеялись на некую временную передышку, чтобы окончательно собраться с силами. Германская сторона всегда смотрела глубоко в будущее. Любое решение по этим вопросам ставило под угрозу все восточные

границы Германии. Например, сообщения с Восточной Пруссией, Литвой и Курляндией находились бы под ударом. Австро-Венгрия всегда рассматривалась, как транзитные территории, с которыми приходилось считаться. Польша обычно отделяла Германию от выгодного русского рынка. Любые уступки рассматривались, как политическая слабость, поэтому никаких соглашений достигнуто не было.

Что касается Австро-Венгрии, то ее канцлер граф Чернин был готов подписать сепаратный мир «без самой Германии». Но седьмого апреля был опубликован манифест его величества об избирательном праве в Пруссии. Это должно было сгладить революционный настрой населения, но оказалось началом общего политического падения. Независимая социал-демократическая партия уже тогда набирала вес, чего опасался в своих высказываниях имперский канцлер доктор Михаэлис. Было решено создать особое политическое отделение, которое объединяла бы мероприятия по защите государственного строя от попыток внутреннего переворота. Вспомогательное учреждение, чтобы противостоять забастовкам. Доктора Михаэлиса на его посту сменил граф фон-Гертлинг. А все эти решения так и осталось на бумаге.

Существовали еще такие зависимые от Германии территории, как Литва, Латвия и Курляндия. Они переживали сложные политические времена, требующие новых решений. Демократические силы Литвы начали травлю начальника административного управления графа фон-Изенбурга, ибо тяжелое бремя войны сказалось на всем населении этой страны. Голод в Германии заставил заняться заготовкой продуктов на всех окраинах, то есть за счет его местного населения. Так, например, отсутствующий картофель был заменен надолго брюквой. Порой с ландсратами, местными образованиями управления, не считались, их проблемы никто не изучал, то есть не решал. Они были зависимыми от центра, и могли бы с этим бороться. Возможно, что именно тогда возникла некая перспектива независимости Литвы. Но внезапно она смогла получить Вильно и другие территории Польши. Германия сознательно пошла на раздел Польского государства, чтобы усилить свое влияние и прикрыть свои восточные границы. Так было решено построить отдельное королевство, двор которого мог привлечь представителей польского и литовского дворянства в свою армию. Пруссия имела бы прежнее очень сильное влияние на Курляндию и новое государство.

Династический союз Германии с домом Гогенцоллернов должен был привести империю к новой базе людских ресурсов на

востоке, и возведению восточного оборонительного рубежа.

Но местные органы власти – ландсраты торопились решить свои целевые и узкие националистические вопросы. И, похоже, что теперь для них Германия была временным союзником. Они видели другие пути будущего для своих стран. Рядом строилось Советское государство. Многие невольно смотрели именно туда.

Такие страны, как эстляндии и лифляндии для германской империи виделись своими отдельными территориальными единицами. Россия по договору должна была освободить их от своего влияния.

А на западном фронте без перемен?

Теперь, пережив кризис 1917 года, германское командование могло перебросить все свои силы за Западный фронт, чем существенно спасти там положение. Очень скоро с германской стороны уже находилось сто девяносто четыре с половиной дивизий, когда со стороны Антанты было только сто восемьдесят шесть дивизий. Так началось новое наступление, где англичанам и французам пришлось отступать к морю, и в сторону Парижа. Сложилась полная уверенность, что скоро удастся прорвать морскую блокаду.

Но ожидался ввод американского контингента, который мог изменить весь ход военных событий. Еще пятого апреля 1917 года Соединенные Штаты объявили, что они находятся с Германией в состоянии войны. Их крайне обеспокоили победы подводных лодок и попытки Министерства иностранных дел Германии подписать военный договор с Мексикой.

Генерал Людендорф потребовал от германского Генерального штаба, чтобы Болгария отозвала американского дипломатического представителя из Софии.

– Это ли не очевидно, что деятельность данного дипломатического корпуса должна беспокоить всех германских союзников?

Конец марта ознаменовался прорывом фронта в районе Пикардии. Удар пришелся на стык пятой английской армии и шестой французской армии, где образовался Амьенский разрыв в пятнадцать километров. Но французы под командованием генерал Фоша смогли перегруппироваться и заткнуть эту брешь.

В апреле наметилось наступление во Фландрии, где со стороны англичан было всего семнадцать английских дивизий. Германская сторона имела двадцать девять дивизий. Это были очень кровопролитные события, и уже тогда отметились «примиренческие» настроения с обеих сторон. Добровольцы-агитаторы требовали заключения мира. Тут, сами понимаете, сказалось общее влияние революционных событий на Востоке.

Наступление на реке Эн уже вселило надежду опрокинуть англичан в море. Начальник Генерального Штаба генерал Эрих Людендорф воспринимал временный успех, как повод «продолжить наступление на Фландрию».

Июнь характеризуется попыткой окружить реймсскую группировку французских войск. Но ничего особенного не получилось. Германским войскам удалось форсировать Марну, но они не смогли закрепить полученный успех. А французы, которые сначала просчитались с направлением главного удара противника, сами возобновили «урское» контрнаступление, и практически выдохлись.

Казалось бы, Франция на этот момент источила все свои запасы, и не имела шансов на победу. Ведь численность ее и английских войск существенно уступала своему противнику. Самым сложным оказалось финансовое положение, все союзнические договоры принесли ей огромные суммы иностранных займов, которые уже были потрачены. Соединенные штаты и Великобритания были основными источниками этих денег. Банкиры этих стран вовремя обеспокоились.

–Нам нежелательно потерять своего должника.

Только ввод американских войск позволил изменить положение на всех фронтах. Болгария, Австро-Венгрия, Румыния, Турция. Выход из войны этих основных союзников Германии, плюс политический кризис власти внутри страны – все это стремительно вело к смене политического строя.

Четырнадцатого августа император Вильгельм приказал готовиться к мирным переговорам. Гинденбург и генерал Людендорф стали формировать новое «про-антантское» правительство, во главе с принцем Максом Баденским. Одновременно велась пропаганда на территории противника. Как отметил Людендорф:

«Опираясь на русскую революцию, оттуда должны были взывать к рабочим массам неприятельских государств, чтобы они также провозглашали и проводили лозунг «примирения всего человечества».

Но вдруг именно это стало происходить в самой Германии. Социал-демократы в рейхстаге стали угрожать революцией. Коммунистические фракции стали набирать силу.

Через нейтральные страны, через иностранный двор в Ватикане, в частности от нунция Паччели, Германия узнает, что Англия готова рассмотреть некоторые вопросы о мире, если будет решен «бельгийский вопрос». Вывести из войны одного из союзников Антанты на данный момент обозначало длительную передышку.

Отмечу, что Бельгия официально находилась в «прозрачном» нейтралитете. Да, она поддерживала самые тесные экономические отношения с Германией, потому что была завязана на них. Но полностью оккупирована не была. Ее использовали, как буфер. В рейхстаге даже ставился вопрос о присоединении этого государства к Германской Империи. Но решиться на это уже не могли. Так статс-секретарь рейхстага фон-Кюльман уклончиво заявил:

– Кто вам вообще сказал, что я собираюсь барышничать с Бельгией? Этот вопрос мне еще предстоит решить. Пока что мы Бельгией не торгуем.

Так поиски решений о перемирии с Великобританией, ни к чему не привели. Вызвать отдельно французских представителей на переговоры в Швейцарию тоже не удалось. Они просто туда не приехали. Эту попытку предпринял представитель министерства иностранных дел в Брюсселе фон-Ланкен. Так что сами видите – все планы «локальных мирных переговоров» не оправдались.

Германская Империя не получила долгожданную передышку, чтобы вести очередной период своей «оборонительной войны». Внешняя блокада подорвала подвоз необходимых запасов угля, железа, продовольствия из других регионов. Те ресурсы, которыми владела страна, они уже подходили к концу. И только наступательная война позволила продержаться в течение этой «трехлетней войны». Знаете, ведь любые военные действия на территории самой империи, они рассматривались, как заведомое поражение. Почему? Все очень просто, угольные копи Верхней Силезии – они не имели оборонительных сооружений. Стоило противнику лишь отрезать поставки угля внутри страны, как основные объекты промышленности встанут, прекратят работать железнодорожные линии. А это будет обозначать экономический коллапс. Именно для создания защитного вала вдоль Лотарингии и верхней Силезии требовалось такое перемирие. Заметьте, что это не окончание всей войны. Германский штаб строил далеко идущие планы, но сама история распорядилась по-своему. В Германии началась своя Ноябрьская революция.

Президент США Вильсон вынуждал Германию к полной капитуляции. В этот момент уходит в отставку генерал Людендорф. Того обвиняли во всевозможных грехах, приписывая ему все, что, собственно, от него вообще не зависело.

Численность американского контингента в Европе достигла двух миллионов солдат, а это очень суровый показатель. Двадцатого октября на линии противостояния Герман-Брунгильда-Кримгильда и Гундинг началось наступление.

Восстание революционно настроенных военных германских

моряков в Киле стало последней каплей в череде событий, способствующих демобилизации армии Германии. Перемирие было достигнуто в Компьенском лесу, потом последовало низложение кайзера Вильгельма, и завершение первой мировой войны.

Людендорф

Эрих Людендорф был вынужден вернуться в Берлин. За многие годы Матильда, его жена, вдруг почувствовала необходимость перестроить свой дневной график. Обычно муж регулярно приезжал домой на пару часов на служебной машине. Иногда она сама находила возможным побывать на передовой. Эти встречи были просто необходимы. Матильда, как положено жене военного офицера, занималась благотворительностью и всячески оказывала помощь военнослужащим германской армии. Жены офицеров устраивали благотворительные вечера, средства от которых шли на помощь раненым. Они также собирали посылки с теплыми вещами и продуктами для рядового состава. Это было трогательно, пока Германия не оказалась в полной продовольственной зависимости от своих союзников. Даже женам офицеров больше было нечего предложить для благотворительных целей. Но вот оно и случилось, их лишили служебного автомобиля. Нет, в случае необходимости генерал мог позвонить в диспетчерскую службу или напрямую в гараж, и ему прислали бы свободный автомобиль, но это был бы не его личный шофер. Чтобы посетить портниху или лавку, фрау Матильде приходилось заранее оповещать своего супруга о выезде, или воспользоваться частным такси, которые к тому времени уже появились. Возникли и другие перемены. Какие? У генерала появилось много свободного времени. Чем он занимался? Фрау Матильда с тревогой поглядывала на закрытую дверь кабинета, откуда доносилось недовольное сопение. Теперь муж, одетый в венгерский халат, молча сидел дома, там, в своем кабинете, бесцельно листал либеральные газеты, которые поливали его славное имя грязью. Иногда ругался, часто курил трубку. Жена видела, что он сильно нервничает. И тогда она пыталась его успокоить, подбодрить. Напрасно. Когда Матильда предлагала организовать торжественный вечер, он вяло ей поддакивал. На свой вопрос, о его будущих планах, Матильда только и слышала, что фон-Ланкен должен позвонить, принц Макс обязан сообщить, а статс-секретарь рейхстага фон-Кюльман что-то обещал генералу. Но шло время, никто не звонил, не сообщал, обещаний не сдержал. Нет, фамилия Людендорфа не попала в «черный» список, его по-прежнему узнавали на улице, знакомые приглашали в гости, а вот те, от которых Эрих ждал

милости, именно те почему-то сторонились его. Знакомый приятель, тоже боевой офицер, как-то предложил пойти в политику. Но бывший генерал еще ждал, что ему предложат государственный пост, портфель в министерстве, или место атташе в любой южноамериканской стране.

– Не стройте лишних иллюзий, Эрих. Лучше создайте свою партию, вас поддержат все военные нашей страны. Или начните писать мемуары. Можно купить газету, и заниматься только этим.

– Газету?

Вариант с газетой, им был, категорически отвергнут. Партийная организация для генерала оказалось очень заманчивым предложением. Он решил присмотреться к тем, что уже имеются. А что касается мемуаров, то эта мысль была самая трезвая. Людендорф уже имел некоторые записи, которые следовало довести до ума.

– Знаете, мой друг? Мемуары. Это то, что нужно, черт возьми. Еще можно сплотить всех наших военных патриотов.

– Как «Стальной шлем»?

– «Шлем»? Мы создадим что-то свое.

Участок под Ла Монтель. Ади

Но вернемся немного в прошлое. Бои на территории Французской Фландрии велись с переменным успехом. Осень 1918 года. Кажется, что положение стало безвыходным. Огромные массы вооруженных людей уже не поддавались управлению, антивоенная агитация ставила крест на любые попытки изменить сложившееся положение. Но война продолжалась, и следует отдать должное военной дисциплине, что не было такой части, где солдаты самовольно бросили бы расположение своей части! Вместе они представляли собой силу, от которой зависело их будущее. Это были очень опытные воины, за спинами у которых

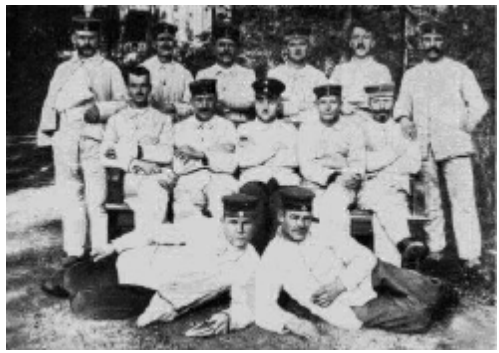
несколько лет войны. Они могли реально оказать сопротивление, поэтому командование еще возлагало надежды на выгодные условия перемирия.

Участок фронта под Ла Монтель. Тут, кажется, нет ничего примечательного, все стандартное, как и на других участках фронта. Если рассмотреть общее строение обороны, то можно отметить выгодное ее расположение. Главная полоса обороны составляет пятнадцать километров глубины, она обычно делилась на две-три линии траншей, но спереди была отделена от противника особыми позициями охранения. Такими дзотами, или укрепленными мешками с песком окопами, обнесенными колючей проволокой, пулемётные гнезда. Каждое из них защищалось проволочным заграждением шириной до тридцати метров.

Вторая полоса обороны была усилена лишь частично, на наиболее угрожаемых для прорыва участках. Третья же тыловая полоса еще не представляла собой сплошной линии окоп. Таким образом, в случае атаки противник должен был преодолеть некоторое расстояние под шквальным пулемётным огнем. Потом подавить с помощью артиллерии, или вручную забросать пулемётчиков гранатами. Затем наладить переход через проволочное заграждение. В это время со стороны остальных германских позиций велся постоянный огонь. Во время артподготовки, с этой позиции можно было убрать часть людей, которые потом всегда могли вернуться на исходные позиции. Сложная система подземных коммуникаций появилась в результате длительного противостояния фронтов. Позже этот военный период был еще отмечен, как «подземные войны». Инженерно-саперные части с обеих сторон вели длительные многоуровневые подкопы, которые, собственно говоря, мало к чему привели. Саперы успешно находили под землей противника, закладывали фугасы, топили штольни, использовали отравляющий газ. Повторяю, этот период был жестоким, но малоэффективным. Прорыть туннели на большое расстояние, противники друг другу просто не дали, они зачастую уравнивали свои шансы. Таким образом, они смогли спасти часть своих сил, спрятав их от артиллерийских обстрелов и авианалетов под землей. Так, со стороны Антанты были инженерные резервы, которые прибыли из далекой Австралии. Те противостояли германским саперным подразделениям, которые в гражданское время занимались на шахтах, рыли штольни.

За несколько часов до войсковой операции произошло очередное пополнение в расположении прифронтовых частей. Это были остатки переформированных частей, которых срочно успели

перебросить с восточного фронта. Так что новичками они не являлись.



Лагерь резервного батальона глубоко за линией фронта. Неровная линия палаток. По периметру расставлены часовые. Дали сигнал, чтобы все собрались. Прошла короткая перекличка. Ее провел сержант Аманна под руководством лейтенанта Фрица Видемана, добросовестного служаки. Остаток вечера личный состав решил провести у костра. Его зажгли в небольшом окопе, чтобы его не было видно издалека. Дым стелился по земле. Там же висит котелок воды с накрытой крышкой. Вода вот-вот закипит. Сидеть можно на низких скамейках, которые всегда возили с собой. Самое обычное дело: люди знакомятся, ищут земляков, спрашивают новости, или делятся небольшими запасами табака. Те, кто прибыл с восточной стороны, у них с табаком оказалось все в норме. Украинский табак из Галиции шел нарасхват. Новостей особенных не было, все ждали перемен в войне, а благодаря коммунистической агитации многие стали сомневаться в своей будущей победе. Расспрашивали толстого прусака, который уже не рад, что подсел к ветеранам.

– Это правда, что вы там братались со славянами?

– Было дело.

– С евреями тоже?

– А кто их там разберет? Возможно, что с евреями тоже.

– Значит, ты брат еврея?

– С чего это вдруг?

– Ну, раз братался с ними, значит брат.

– Найн, найн. То были матросы с Балтийского флота. Наступил момент, когда они перестали с нами воевать, а мы с ними. Они пришли к нам в окопы. Оказалось, что они агитаторы.

– Выходит, что ты братался с матросами-евреями?

«Западники» еще долго удивлялись таким рассказам, для них было непривычно любое задушевное общение с врагом. Вот вода

закипела, и можно было ее использовать. Все потянулись со своими кружками. Тут же отдельно сидел молодой ефрейтор связи, казалось, что он не слушал остальных разговоров, но если присмотреться, то можно было заметить и его реакцию. Этот связист был австрийцем по происхождению, а, как известно, в Австро-Венгрии раньше мирно проживало много различных национальностей. В последнее время в батальоне только и возникали разговоры о засилье евреев в Германии. Отмечу, что батальон принадлежал к частям германской армии. Ади упорно чистил свой шлем, он никогда не участвовал в прямых нападках на евреев, потому что в юности именно еврейские благотворительные общества не дали ему загнуться от голода в Вене. Теперь его личное мнение по отношению к этому народу было отрицательное, но он не забывал, как в приюте именно еврейские приятели чаще всего помогали ему. Так, бывший венгерский торговец картинами Йозеф Нойман отдавал ему необходимые для работы вещи, свои хорошие кисти и готовые холсты. На данный момент, он мог лишь отметить, что они принадлежат к «другой расе» и имеют «другой запах». Но это были самые распространеные в то время высказывания. После первого ранения его поведение резко изменилось, в городе, где располагался тыловой госпиталь, были совершенно другие настроения. Появился его приятель фон Грехт. На этот раз он принес и протянул молодому ефрейтору несколько свежих галет, завернутых в листовки. Следует отметить, что это был жизнерадостный человек. Его способность обрастать полезными знакомствами всегда удивляла всех окружающих.

– Грехт, вы порядочная скотина! После того, что случилось с вами и Мартой, вы должны на ней жениться! Вы знаете об этом?

– Фрау Марта ни за что не получит моего баронского титула! И знаете, почему? Потому что она не может выбрать между мной и тем унтер-офицером, который приходит к ней по нечетным дням.

– Ваш баронский титул – это только ваша неподтвержденная родословная. Так любой может говорить о своем высоком происхождении. И скажите всем, почему вам тогда не присвоили офицерского звания? Каждый дворянин в Германии имеет на это право.

– Это была неинтересная история…

– А, бросьте, Грехт, кто вам поверит, что вы дрались на дуэли, и поэтому вас лишили офицерского чина. Я видел вашу солдатскую книжку, там нет никаких записей, и напрочь отсутствует приставка фон.

– Это дубликат, после ранения мне выдали новую, а

восстановить запись оказалось невозможно. Ее просто залило кровью.

– Грехт, не морочьте всем головы, тогда вас ранило только в ногу. Потом, у писаря есть ваша учетная карта.

– Это была не моя кровь, осколком убило санитара, который меня тащил в лазарет.

– Я помню ту историю. Санитара убило потом, когда я тебя к нему вытащил. Все-таки вы скотина, Грехт!

Странно, но их отношения никогда не выходили за эти рамки приличия. Обращались друг к другу обычно на «ты», но если возникала приятельская перебранка, то австриец переходил на вы, желая тем самым болезненно уколоть однополчанина. На этот раз приятель решил сменить тему. Он присел рядом со связистом, оперся о его плечо, и мечтательно закатил глаза.

– Скоро наступление, мы выкинем французов в море, и войдем в Париж. Ади, ты никогда не был в Париже? Говорят, что француженки самые лучшие в мире кокетки и модницы. Как у тебя с французским языком? Парле франсе?

– Не беспокойся. Я достаточно знаю французский язык, когда-то любил смотреть французские фильмы, но не в этом дело. Если американцы высадят свой десант, то мы еще не скоро окажемся в Париже. За эти годы войны, я думаю, в Париже остались лишь нищие клошары и куртизанки.

– Говорят, что кайзер хочет подписать мирный договор, чтобы получить передышку, и укрепить наши позиции.

– Такое говорят только агитаторы. Кайзер не может предать германскую нацию. Впрочем, говорят, что возможно Макс Баденский теперь возглавит наше правительство.

– Жаль, что нет свежих газет. Всегда узнаешь новости в последнюю очередь. Но у меня тут есть еще листовки. Знаешь, с ними удобно ходить в сортир. Резать бумагу не нужно.

– Что там написано? «Австрийский император готов заключить мир без Германии». Это подлая пропаганда! Грехт, вы свинья. Зачем вы только берете в руки всякую гадость?

– Галеты почему-то вы гадостью не называете!

– Галеты не могут причинить вашему разуму вреда, как это делают красные листовки.

Все, кто находился рядом, посмеивались в такие минуты. Перепалка длилась бы дольше, но объявили отбой, и все, кроме часовых, должны были отправиться по своим местам. Следовало отоспаться, палатки укрывали от тумана и дождя, но не от ранней осенней стужи.

Постельного белья у солдат давно не было, его можно было увидеть лишь в лазаретах и госпиталях. Поэтому после длительного пребывания в окопах, от чистого белья раненые первое время испытывали настоящее состояние шока. Так, Ади, будучи раненым в последний раз, находясь в госпитале, никак не мог привыкнуть к накрахмаленным полотенцам, и светлым простыням, пахнущим хлоркой. В обычной полевой жизни, приходилось отказываться от таких мелочей, стирать белье было просто негде и некому. Даже господа офицеры не могли себе его позволить. Войска давно терпели недостаток во всем. Например, задержка в оплате жалования, в продуктах питания, в топливе. Топить палатки было уже нечем. Изредка удавалось получить со станции угольную пыль, или срезать пару тощих деревьев в тылу. Дневальный обязан был поддерживать тепло, но не всегда это удавалось.

Приятели еще немного посидели у затухающего костра, пора было уходить. Вдруг Ади вслух заметил, что всегда, с раннего своего детства хотел быть только солдатом.

– Это все англо-бурские войны. Именно они пропитали в нас, во вчерашних мальчишках, чувство германского национализма. Бисмарк навсегда останется моим кумиром! Наверное, потому что мой отец был сторонником Габсбургов. Альберт, тебе не кажется, что все наши детские игры в индейцев и ковбоев теперь переросли в нечто большее?

– Произведения Фенимора Купера и Карла Вея очень напоминают евангелие для миллионов австрийских и немецких мальчишек. А знаете, мой друг, что писатель Карл Вей никогда не жил в Америке? Все его приключенческие книги – это, так называемая, имитация принятого стиля.

– Наверное, я всегда знал это, но в душе не мог принять. Так бы разрушилась очередная детская мечта.

– Почему-то вспомнил твою собаку. Фуксль всегда был очень приветливым псом, правда, он с большим трудом стал понимать немецкий язык, но отметьте те фокусы, что он вытворял! Помнишь, как смешно он карабкался по лестнице?

– Эта гражданская свинья украла у меня мою собаку. Не верь после этого железнодорожникам. Особенно толстым.

– Я помню, какой картофельный рулет приготовил повар, когда ты вернулся после отпуска по ранению. Что там еще было? Или пироги, или хлеб с вареньем. После того, как мы ели крыс больше месяца, картофельный рулет стал поистине сказкой.

– Пес был вне себя от радости. А при первой встрече, так и норовил сбежать из окопа.

– Помнится, ты еще рисовал раньше. Как все это было давно.

– Швайн! У меня украли тюбики красок, и еще мой альбом. Представляешь, кто-то из новобранцев съел мои краски.

– Краски нельзя съесть. В их состав входит свинец, это заведомая отрава. Их очевидно продали.

– Козлы, настоящий солдат никогда ничего не украдет у своего соседа. Если кто-то умирает, то его вещи всегда отправят домой, или раздадут остальным, если у батальонного писаря адреса не окажется.

– Есть еще пару галет, но они завернуты в листовки.

– Черт с ними, с этими листовками. Давай галеты сюда, я голоден, как в первые дни войны.

– Я знал, что ты не откажешься, не зря тебя всегда называли «обжорой».

– Это прозвище прилипло, потому что ко мне, как австрийцу, никто не мог прислать посылку, и все мои наличные деньги уходили на еду.

– Знаешь, как австриец, ты неплохо держишься. Самый лучший посыльный – связной штаба второго батальона. Если бы тебе дали звание сержанта, то штаб лишился бы самого лучшего связного.

– Грехт, вы свинья, зачем вы напоминаете мне об этом?

– Закончится война, и мы обязательно посидим в самом лучшем ресторане Мюнхена. Надеюсь, что нашего пособия для

таких целей будет достаточно? Вы, как и прежде, посылаете продовольственный аттестат своей сестре?

– Мы с ней должны были получать пособие, как сироты. Но потом я отказался от своей доли, потому что до этого забрал себе все наследство нашей тети. Я не мог допустить, чтобы моя родная сестра подала на меня в суд. Не мог допустить тяжбы между родственниками. Я всегда мечтал о доме. Грехт, у вас есть свой дом?

– Нет, мой отец не смог оставить для меня родовое имение, оно ушло с молотка на торгах, когда потребовалось покрыть все его карточные долги.

– Так всегда. Когда нужны деньги, то проще всего взять их из семьи.

– Пошли спать, а то воспоминания захлестнули нас, а лейтенант Видеман уже третий раз недовольный проходит мимо. Это может обернуться хорошей трепкой.

Рядовой фон Грехт уже давно заметил, что из приятного молодого австрийца получился прилежный храбрый солдат. Но были и другие изменения, о которых он не мог не думать. После очередного ранения Ади провел некоторое время в госпитале в тылу. Это оставило в нем неизгладимый след. Больше того, парня словно подменили, он стал агрессивен по отношению к еврейской нации. Порой его буквально душила необъяснимая ненависть. Альберт знал, что тыловая жизнь оказала на парня не самое лучшее впечатление. Он даже сбежал оттуда раньше времени. Странно, но до возвращения он был более терпимый к остальным народам.

В то утро погода стояла дождливая, очень холодная, промозглая. Потом появился ветер. Ожидалась атака французов на близлежащий выступ. Сопка не имела особого стратегического значения, но если французам удастся ею овладеть, и укрепить там свой наблюдательный пункт, то германцам точно тогда не поздоровится. Это стало известно благодаря данным разведки. Так что атакующим частям в то утро не удалось достичь внезапности. С германской стороны так же началась атака, но с применением отравляющих веществ. Надо отметить, что планы этих воинских операций полностью провалилась. Ветер резко переменился, и отравляющий газ тяжелым облаком накрыл также германские передовые позиции. Несмотря на то, что всем выдали новые кожаные противогазные маски, к этому никто реально готов не был. К тому же несколько снарядов взорвались непосредственно в немецких окопах. Отделение второй роты первого резервного батальона, где служил наш знакомый ефрейтор, пострадало тоже. По роду своих обязанностей Ади был

связным посыльным штаба полка, и тоже находился по заданию на передовой. В его обязанности входило передавать устные приказы, когда возникали нарушения телефонной связи. От взрыва раскидало основной окоп, и часть командного пункта. Оглушенные солдаты еще долго лежали распластанные, но вот соседнее отделение немного оклемалось и пришло на помощь. Трупы оставили тут же в воронке, накрыв собственными их шинелями, а раненых и контуженных перенесли вглубь позиций. Ефрейтор еще подавал признаки жизни, поэтому ему повезло, что подоспели санитары. Рядовой фон Грехт успел помочь унести своего приятеля на сборный пункт. Ади пришлось держать за руку, начинался бред. Так что его тоже доставили санитары на носилках с передовой в баварский полевой лазарет. То, что эти солдаты были без оружия и носили белые халаты с красными крестами, прежде всего, обозначало, что в них никто стрелять не будет. И это было почти так, санитаров редко кто намеренно убивал. Естественно, они погибали под обстрелами во время бомбежек, но в остальное время их берегли. Порой они спасали раненых солдат и с противоположной стороны, но приоритет оставался за бойцами германской армии.

Немцам удалось воспользоваться паникой, вызванной газовой атакой, прорвать фронт и выйти к очередному рубежу, но форсировать его германские войска уже не смогли. Французы опомнились, подтянули свое подкрепление и сразу блокировали прорыв. Можно отметить, что это были последние кровопролитные бои на этом участке. От хлора пострадали тысячи европейцев, сотни из которых потом погибли.

Местечко Уденарде

Это был тяжелый день. Несколько сот раненых человек, конечно, не вмещались в две небольшие палатки полевого лазарета в Уденарде. Уже далеко стихли выстрелы и взрывы, а санитары продолжали подтаскивать очередную порцию. Многих успели перевязать, некоторых просто относили в сторону, потом их перетащат в соседний лесок. Там ими будет заниматься похоронная команда. Полевой хирург осмотрел ефрейтора, у того, как у многих, были повреждены глаза. Тот лежал на столе и беспокойно мотал головой. На бланк писарь уже успел нанести его фамилию, воинское звание и имеющиеся награды.

– Герой! Крест с мечами за боевые заслуги III степени! Черный шеврон. Знак отличия раненых! Звание ефрейтора присвоено ещё первого ноября 1914. Связной. А ведь это, следует понимать, конец военной карьере, инвалидность. Везунчик. И чего это он так орет?

Он кивнул санитару, чтобы тот сделал пациенту

успокоительный укол морфия. Потом сам сменил ему повязку и приказал отправить его в прусский лазарет в Пазевальк. Ещё нужно сделать обход, а потом будет время перекурить или даже перекусить. Ну, это как получится.

Что такое лазарет в Пазевальке? Это спокойное место тогда находилось глубоко в тылу. Скоро туда отбудет санитарный обоз. Тем самым, хирургу следовало резко снизить число своих пациентов. Многим нужно было оказать и другие, более кардинальные услуги, например, отпилить раздробленную ногу или поврежденную руку. Ампутацию оторванной конечности следовало сделать сразу, чтобы не появились признаки гангрены. День ещё не закончился, а ночь уже обещает быть бесконечной. Полевой баварский врач ещё раз огляделся. Он вышел из палатки. И тут же его внимание привлек высокий санитар. Кажется, что таких санитаров у них точно не было. Хирург вяло подал ему издалека знак рукой. Он вытер со лба пот, присел на плоский элемент пня, чтобы закурить сигарету. Долго и нервно искал свой серебряный портсигар с монограммой. С некоторых пор у него дрожат руки, он конкретно подсел на морфий, и, кажется, что конца бойни никогда не будет.

Высокая фигура в форме санитара. Человек медленно обходил раненых на носилках. Этот мужчина держал в руках флягу с жидкостью. Возможно, что его задача состояла в том, чтобы обойти всех лежащих бойцов и напоить их теплой водой. Это значительно снижало уровень смертности, ведь обезвоживание организма в промозглую погоду не сулило ничего хорошего. Казалось, что никто не обращал внимания на этого человека, а если бы присмотрелся, то, вполне очевидно, такое поведение насторожило бы любого. Санитар не просто обходил бойцов, он кого-то упорно искал. Каждого ефрейтора он незаметно протыкал солдатским штыком в грудь или в спину, когда якобы пытался помочь напиться воды. Все это он проделывал четко, чисто механически. Оружие тут же незаметно вытирал о бельё убитого, как бы бережно поправляя на нем край шинели. Если знаков различия на очередном военнослужащем, по какой-то причине не было, он также применял холодное оружие. В его задачу входило уничтожить одного человека, но в этом беспорядочном месиве, он просто не смог его сразу обнаружить. Он точно знал, слышал, что этого человека успели отправить в лазарет. Слов хирурга он не услышал, потому что находился уже далеко от того места, а своего человека не смог увидеть, потому что нужного ефрейтора укрыли простой солдатской шинелью. Сделав круг, неизвестный выпрямился, и поспешил удалиться с территории лазарета. По пути он снял белую накидку, которую

еще ранее просто одолжил у настоящего санитара, также заколотого им. Ему следовало уходить. Его элементарно могли запомнить, а когда обнаружат несколько заколотых человек, то возникнут ненужные вопросы, а так как он не собирается быть повешенным, то лучше вернуться в расположение своего отделения. Ему повезло, что он смог оказаться так близко от своей цели. Вот уже несколько месяцев он стремился, но не мог обнаружить нужного человека. Удалось ли ему убить свою жертву? Этого он знать не мог. В следующий раз тот обязательно попадет в его сети. И тогда, видит бог, его рука не дрогнет, и он не промахнется.

Ещё молодой Ади лежал с перемотанной бинтами головой перед входом в лазарет на носилках. Под дождем его тело дрожало, поэтому санитару пришлось укрыть носилки чужой серой шинелью. Рядом лежали каска и его походный ранец. Очень скоро подойдет обоз, и ефрейтора перетащат на телегу. Вот-вот станет действовать наркотик, и тогда он наверняка забудет то, что ему показалось. Вы спросите, что он там такого особого увидел? Серое утро началось с обстрела. Все уже знали, что скоро начнется атака, и тогда следовало ворваться на позицию противника, чтобы воспользоваться своим преимуществом. Но сначала следовало дождаться, пока обстрел даст нужные результаты. И тут артиллерия противника открыла ответный огонь, накрыла нейтральную полосу, сравняв несколько заградительных линий с землей. Они также готовы к атаке, но вряд ли готовы к появлению газа. Эту новинку уже применяли в нескольких местах и даже успешно. Где – то равномерно работал чужой миномет, обкладывая минами участок за участком. Если им повезет, то они точно накроют германских артиллеристов. Тех нынче вывели очень близко вперед, чтобы они могли оттуда вести более прицельный огонь. Из – за стрельбы этого миномета, наверное, все и случилось. Теперь никто уже ничего точно не скажет. Последний залп артиллеристов был самым неточным, и накрыло ряд своих, германских позиций. Тяжелые пары обрушились сначала глубоко в линии защиты противника, а потом своим крылом захватили и передовой край.

Что тут началось! Взрывом сначала разнесло наблюдательный пункт. Потом минами накрыло пулеметную точку. Туда как раз поползли несколько солдат с ефрейтором – связным. Застигнутые в пути, они лишь на мгновение стали свидетелями начала атаки. Ефрейтор успел вскинуть высоко голову. Противогазы мешали движению, и их было решено одеть потом. Но это «потом» наступило неожиданно, окатив всех ледяным дождем, который был уже отравлен. Поднялся страшный

свист. Помимо разрывов снарядов и мин, этот громкий звук буквально заполнил все пространство. Словно чудовищная громовая песня прокатилась над позициями. Под аккомпанемент невидимого небесного органа, усиленная ветром и звуковой волной, она накрыла вокруг все, изменив даже атмосферное давление. Казалось, что сейчас у всех смертных полопаются ушные перепонки.

Но пронесло! Вдруг перед Ади разверзлось темное небо, и он увидел много гигантских прозрачных крылатых существ, которые камнями падали с этого неба вниз, хватали что – то сильными голыми руками, взмах, и они быстро вздымались обратно, красочно перевертываясь, поднимались высоко в воздух. Крепкие широкие крылья монотонно работали усиленными лопастями, разбивая плотные потоки воздуха и опасные осколки мин. Такие завихрения ещё долго красочно светились в небе, отмечая уже никому не видимый след их быстрого полета.

Кто это был? Может быть, просто видения? Он не сомневался, что это были валькирии! Легендарные женщины-воины на своих крылатых сказочных лошадях. Они пришли за своим урожаем душ. Это легендарный древний бог Вотан собирал с поля сражения души умерших воинов, чтобы забрать их к себе, в Ваальхаву, а валькирии помогали ему в этом праведном деле. Никому нет дела до бесчисленных погибших в этот день. Армейский капеллан устроит похоронную службу, но потом, когда всех погибших приготовят к погребению. Чудовища-валькирии успеют собрать нужное количество душ, вырвав их из тел этих праведников и мучеников. Как их зовут? Сейчас точно и не скажешь. Но каждый немец с детства знает их имена, как и имена всех остальных языческих богов. Итак, это Брунгильда, Герхильда, Ортлинда, Вальтраута, Швертлейта, Хельмвига, Зигруна, Гримгерда, Росвейса и остальные. В тот день потребовалась сила и мощь их всех. И не беда, что они практически занимались мародерством. Это был только их промысел! Ади поднялся чуть выше, чтобы убедиться, что это все не сон, все именно так и происходит. Крылатые лошадиные создания и полуголые женщины-воины, как прозрачное целое, носятся по темному небу, ломая все представления о физических, земных законах. Вот одна такая лошадь устремилась и в их сторону. Дева повернуло своё лицо, гримаса ужаса озарилась на миг, блеск острых длинных зубов мелькнул страшным оскалом. Что – то опалило роговицу глаз ефрейтора, он вскликнул, закрыл ладонями лицо, но было уже поздно. Призрачное существо впилось руками в тело рядового, который находился рядом со связным. Она вытряхнула его душу и пропустила сквозь острый

ряд прозрачных зубов, вытягивая каплю за каплей его жизнь. Потом рывок, невероятный кульбит, и крылатый конь унес свою хозяйку высоко, к остальным сборщицам.

Пазевальк

Прусский тыловой лазарет в Пазевальке. Это тихое, спокойное место, куда раскаты грома с передовой линии доносят только напоминание о страшной ежедневной канонаде. Ефрейтору несколько часов назад сняли повязку. Врач ещё раз осмотрел воспаленные роговицы, аккуратно отодвигая в сторону его веки. Цвет кожи лица слишком отличался от остальных частей тела. Но была заметна положительная тенденция восстановления.

– Что ж, не все так плохо, как кажется, солдат! Если ты выжил, значит, это кому-то нужно. И прекратите впадать в ступор. Если не будете есть, то очень скоро загнетесь, депрессия – это удел малодушных нытиков. Что? Все время слезятся глаза? Попробуйте носить темные очки. Я думаю, что у вас еще все впереди. И следует заниматься гимнастикой! Массируйте руку, чаще ходите пешком. Поезжайте к морю. Знаете, как морской воздух полезен для здоровья?

Он сделал запись в толстом журнале, и отпустил пациента. Ефрейтор в стеганом больничном халате вышел из комнаты, чуть пошатываясь. Зрение ещё полностью не вернулось к нему, а ведь ранение, можно сказать, было очень серьезным. Кругом суета, ажиотаж. Все были поражены последней новостью. Объявлена капитуляция Германии. Власть великого кайзера, которому все присягали на верность, свергнута. Наступила новая эра, время новой республики.

Теперь никому нет дело до ефрейтора, и мало кто вспомнит, о чем кричал он в тяжелом бреду. Вообще никто ничего не вспомнит. Медсестра в тот момент только крестилась, уже больно жалко ей было этого молоденького господина ефрейтора. Пока Ади лежал в палате, у него было много времени, чтобы вспомнить свое детство, год, когда ему было шесть лет, и он переболел ветрянкой. Так, по крайней мере, ему потом сообщили. Он вспомнил, как долго лежал дома с большой температурой, как маленький темноглазый врач делал ему уколы, тихо шептал, что «все пройдет, дарлинг». Но не это было самое главное в его детских воспоминаниях. А основным были те события, которые предшествовали болезни! Он внезапно всё вспомнил! И тут он понял, откуда у него была эта тяга ко всему историческому, прекрасному! К искусству, к музыке. И к опере! Точнее, к изображениям древнегерманских богов! Он вспомнил тот далекий городской праздник. Когда мэр города господин Штраус готовил

приветственную речь – обращение к горожанам. Было настоящее праздничное шествие, потом устроили танцы в национальной одежде. Тут же состоялись состязания местных пивоваров и городских реставраторов. И самым интересным было появление в черте города отряда «ряженых» тяжелых рыцарей на защищенных в латы конях. Числом их было всего четверо. Четыре «ряженых» всадника с небольшим пешим эскортом. Тогда они прошли торжественным строем по центральной улице города, неся на древках своих копий штандарты древних городов, отсалютовали господину бургомистру и горожанам и выехали за черту города. С каким восторгом отнеслись все к их появлению, очень редко в городе бывают такие зрелищные представления. Пронёсся слух, что группа спешит на ежегодное представление в Пассау. Между тем праздник в городке продолжался, а ватага мальчишек устремилась за удаляющимся отрядом. Ади бежал среди них и прекрасно помнит, как они срезали дорогу лесной просекой. Он помнит, как на опушке леса эта группа чужаков устроила бивак. Быстро, со знанием дела были расседланы кони. Потом сами они все сняли свое снаряжение и сложили в кучу. И все это тогда оказалось настоящим. Кожаные рубашки у слуг, покрытые солью от пота. Тяжелые, красочные, просто идеальные кольчуги у господ. Латы блестели на солнце, полированные наконечники копий хищно горели своим огнем. Он мог поклясться, что там не было ничего бутафорского, даже тяжелые щиты имели некие объемные геральдические символы, в которых угадывались обозначения местных и дальних земель. Мечи и другое оружие было сложено в одном месте, чтобы оттуда удобно было его выхватить.

Пока принесли воды из ручья. Пока повесили котел. Развели одновременно два костра. А это в австрийских лесах строго запрещалось! Более того, на поляну принесли тушу молодого оленя. Его несли легко, словно перышко. Один из спешенных рыцарей, огромный бородатый атлет, единственным метким выстрелом поразил зверя из самого простого лука. Он сам громко оповестил всех об этом. По сути, этот акт браконьерства карался штрафом или даже тюремным заключением, но кто мог наказать таких людей? Но как это можно прогнать этих людей, если они в клубах дыма выглядят просто настоящими великанами? Они и говорили как – то иначе, и шутки у них были громкие и непонятные. Дети, которые пришли на поляну, словно очутились в далеком прошлом, когда охота и рыбная ловля были основным источником питания. Возле костра засуетились, потом повеяло горелым мясом, сладковатым дымом. Очень скоро по рукам пошли готовые куски филе, отрезанные с боков оленя. Они были

продеты на очищенные ветки и быстро подрумянились на тлеющем огне. Досталось по маленькому куску и детям, которых отсюда никто не гнал. Люди достали небольшой бочонок. Пиво было приобретено в городе, его быстро разливали в дорожные кубки и диковинные полые рога. Мужчины пили и кричали тосты, но ничего этого разобрать было невозможно, они словно говорили на другом, непонятном остальным языке. Скоро настроение этих людей изменилось. Подул резкий ветер, потянуло гнилью и сыростью, солнце скрылось за тучами. Лес словно встал плотной темной стеной. Тут главный отряда поднялся во весь рост, огляделся и отдал короткий приказ! Все люди поспешили вооружиться, выстроились строем в полукруг. Что – то тревожное висело в воздухе, криками они приказали детям убираться отсюда!

Потом он долго бежал домой. Ветки деревьев хлестали его по лицу. Дождь лил, как из ведра. Так лесной пир обернулся чудовищной трагедией. Всё это и вспомнил ефрейтор, двадцатилетний Ади. События, которые произошли с ним давно, но услужливая память спрятала их глубоко в подсознании. Родные тогда объяснили всё это болезненным бредом, что изредка возвращался очередным ночным кошмаром, когда он просыпался весь в мокром поту, желая убежать от сильного и беспощадного господина, смотрящего на него в упор! Неужели все это было лишь детским бредом? А как же сейчас, когда отряд валькирий обрушился на позиции, чтобы собрать свои трофеи? Может быть, это опять его воспаленный ум показал ему границы настоящего, за чертой которого живут легендарные и мифические существа, о которых сегодня все забыли? Нет, конечно, это не сумасшествие. Он отлично все видел.

– Они существуют, и только нужно поверить во всё это. Поверить, и сделать свой выбор, ничего ещё не потеряно. Я поведу за собой свой народ, нам есть, кому помочь. Наши боги с нами! А предателей мы сурово накажем.

Через несколько дней дежурный врач, спрашивавший о том, кто там все время так орет, услышит в ответ:

– Это наш герой, очевидно, что опять валькирии идут на посадку!

– О, Майн Гот! Сделайте же ему укол, пусть побыстрей заткнется!

Его выписали намного раньше, чем это было положено. Просто основное лечение закончилось, его признали годным к строевой службе, и отправили в часть, которая уже передислоцировалась в Мюнхен. Как только на железнодорожную станцию были отправлены несколько рядовых и офицеров, врач

приказал укладывать на освобожденные койки новых пациентов. Небольшая неразбериха случилась позже. Одного вновь прибывшего ефрейтора нашли с проколотым сердцем. На него не сразу обратили внимание, он слишком долго лежал накрытый одеялом, пока не стали вызывать на ужин. Тогда молодая сестра коснулась одеяла на кровати, оно сползло. Это заставило ее громко пронзительно закричать. Она обнаружила уже окоченевший труп.

Кровать еще имела старую учетную карточку, где значилась фамилия другого ефрейтора, которого утром выписали. Какое отношение он имеет к умершему солдату? Никто это толком не расследовал. Труп выглядел остывшим. Когда его осмотрели, то решили вызвать военную жандармерию. Почерк убийства был столь очевиден, что на это нельзя было не обратить внимание. Таким же сильным и точным ударом были убиты однажды несколько тяжелораненых офицеров возле лазарета после газовой атаки под Ла Монтелем.

Допросили медицинский персонал, оказалось, что в лазарете побывал высокий темноволосый санитар, который интересовался ранеными младшими офицерами. Был составлен точный словесный портрет. Очень скоро все близлежащие места были оповещены, что разыскивается французский диверсант, целью которого было устранение немецкого офицерского состава. Но Ади так никогда и не узнает об этом событии, его поезд уже вырвался на просторы другой немецкой области, где его ждал, как он надеялся, его батальон.

Глава вторая, о том, как появились первые проблески будущей грозы. Суть эксперимента. Лион

1955 год. Западная Европа. Филиал частного института физико-химических исследований. Это отдаленная труднодоступная территория. Представьте себе, такое закрытое лесным массивом со всех сторон поместье. Небольшой комплекс зданий в сельской местности, оснащенный отличной электрической станцией и независимой системой подвода воды. Черепичные крыши всех строений были опутаны сложной конструкцией антенн и громоотводов. Приусадебный периметр был обнесен высоким забором и рядом колючей проволоки. Само место было расположено крайне далеко от населенного пункта, до ближайшей фермы служащий мог доехать на автомобиле за два часа, долго плутая по извилистой лесной дороге, переезжая мелкие реки вброд. Штат сотрудников невелик, всего несколько человек обслуживающего персонала, охрана, две группы ведущих специалистов и два помогающих им лаборанта. Это, казалось бы, глухое место имело современные средства связи, радиоточки. Основные новости, о которых можно было узнать на тот момент – военные беспорядки, связанные с кризисом французского правительства в Алжире. После второй мировой войны наметилась стремительная тенденция деколонизации бывших африканских и азиатских колоний. Все это происходило очень болезненно, наверное, потому что никто к такому не был готов. Предвидеть, что колонии потребуют независимости, это было крайне неудобно. Да, кажется, что именно тогда сэр Черчилль подал в отставку по возрасту и состоянию здоровья с поста премьер-министра Великобритании, и эту новость тоже все горячо обсуждали. У Великобритании настали свои проблемы с колониями, которые трудно было решить в одночасье.

Суть эксперимента

Здание имеет несколько этажей, которые заполнены кабинетами, кладовыми, комнатами для отдыха и проживания персонала. Отдельное крыло отведено научной работе. Имеется небольшое подземное лабораторное помещение, где проводится данный эксперимент, целью которого является передача информации на расстояние, более того, передача ее во времени.

Доктор Илонг Канец пытается преодолеть временную нишу, чтобы найти в недалеком прошлом нужный объект для своего лабораторного опыта. Как он выглядит? Высокий, жилистый, без

лишнего веса. Широкое лицо, волевой подбородок, короткие седые волосы. Это сорокапятилетний мужчина, который за своей работой не замечает остальной жизни. Впрочем, газетными новостями он еще интересуется, как и игрой в шахматы в свободное время.

Его «генератор снов», это такая особенная энергетическая установка, которая развивает нужные для работы параметры, но найти подходящий «приемник» в прошлом оказалось проблематично. Мистер Канец жалуется своему новому коллеге, которого хочет посвятить в суть происходящего опыта. Они разговаривают почти на равных, несмотря на существенную возрастную разницу.

– Да, так и получается, что самое трудное, это найти в прошлом человека, который бы смог пойти с нами на контакт. Это должен быть психически нормальный человек, который смог бы осознать, что именно с ним происходит. Последний раз мы смогли найти такого мальчика, который вполне мог послужить нашим «приемником», точнее сказать, передатчиком. Он получал передаваемые нами осмысленные сигналы, и, самое главное, адекватно реагировал на них. Наш реципиент передает свои мысли в прошлое, но через наш аппарат. Это была почти двухсторонняя связь. Но потом все осложнилось, контакт исчез. Очевидно, что родители ребенка были обеспокоены случившимся. Возможно, что блокировка связи произошла в результате медикаментозного воздействия со стороны. Тогда мы ошибочно предположили, что ребенок перестал спать, или, что самое печальное, он умер.

–А как вы узнали, что этот человек из прошлого?

– Нет ничего проще. Установка настроена только на определенный пятидесятилетний – шестидесятилетний период и место. То есть, это должна быть Западная Европа конца прошлого века. Идея самого «сна-генератора» не новая, ее выдвинул один известный ученый, который в свое время сам добился некоторых положительных результатов. А в случае с «нашим мальчиком», нам удалось узнать его имя. Потом мы точно смогли установить дату его рождения по записям в метрических и церковных книгах. Более того, мы нашли этого человека. Им оказался пастор Дор. Нам удалось его опросить и тестировать. И он сам подтвердил, что в детстве ему снились странные сны, похожие на кошмары. «Голоса», которые с ним разговаривали, они изменили всю его жизнь, потому что родители поместили его в монастырь. Нам пришлось ограничиться только тем, что он сообщил перед смертью. Старик рассказывал, что сам поверил в свои разговоры во сне, но вот его богобоязненные родители, они приняли

соответствующие меры, обратились за помощью к врачам, потом в церковь.

– И как они добились подобной блокировки?

– Не поверишь! Самым простым способом – опаивали его успокоительными настоями, лечили травами. А потом, когда это дало результат, его ввели в лоно церкви. Там мы его потеряли окончательно.

Лион

Новый сотрудник с интересом смотрел на установку, о которой ему раньше приходилось только слышать. Перед ним расположены сложные осциллографы, широкие световые экраны, ряды столов, служащие непонятно для каких целей. Увидев удивленный взгляд, доктор Илонг пояснил.

– Это экран для воспроизводства изображений в сигналы. Трудно пока добиться точной трансформации, но, судя по прежним опытам, подопечный видел даже фотографии, которые можно было ему передать. Раньше мы пробовали найти контакт с добровольцами, которые были помещены в отдельные капсулы, и находились там, в постоянном состоянии сна. Две отдельные группы выполняли разные задания. Они ничем связаны не были, но в итоге спящие люди должны были увидеть сны, навеянные другой группой из будущего. Генератор настраивали на временной суточный период, и он транслировал звуки, изображения различных символов, фотографии и слайды. Результат был неутешителен. Добровольцы редко могли что-то вспомнить. Такое впечатление, что этот ряд опытов нам не удался.

Доктор Илонг сам с любопытством смотрел на нового коллегу. Лиону предстояло самому стать в некотором роде «подопытным кроликом». Доктор Илонг был намерен усложнить задачу своего эксперимента. Теперь с этой стороны «сна-генератора» должен был находиться человек. Более того, определенный человек.

Но никто не мог предположить, что в это, практически закрытое место попадет человек с явным психическим отклонением. Лион был подвержен навязчивой идее, кардинального изменения прошлого. Во-первых, он был ярым антифашистом. Взгляды свои он не скрывал, но и особенно не демонстрировал. Откуда шли корни этой небывалой ненависти? Все это последствия событий второй мировой войны. Она внесла много различных изменений в судьбы людей. Дело в том, что когда-то он сам являлся малолетним узником концлагеря, и вероятность его скорой смерти там была велика. По счастливой случайности, он трижды избегал смерти, а появившиеся воины

отрядов Красной Армии освободили оставшихся узников и спасли его лично от голодной смерти. Следует отметить, что особой любви к освободителям он не испытывал, потому что ничего тогда не понимал. Изможденного мальчика передали в общество «Красного Креста и Красного Полумесяца», поэтому он попал в Западную Европу, что решило его дальнейшую судьбу. Вот его родителям и родной старшей сестре повезло намного меньше, он всегда считал, что они погибли в газовой камере. Лион сам видел, как их отправили в особый подвал, откуда они уже никогда не вернулись.

Далекие родственники смогли дать ему немного ласки и тепла, помогли получить образование. Но тень прошедшей войны, как наколка номера на руке, вечно напоминала ему, накрывая его своим темным крылом частых приступов. Он давно уже не страдал голодом, но эти страшные приступы регулярно появлялись, чтобы лишить его сознания. Так, долгое пребывание в обыкновенной бакалейной лавке могло привести к выходу из реальности. Продавцы с удивлением наблюдали молодого человека, который приседал на колени, и со страхом озирался по сторонам, словно увидел далеких призраков. Действительно, любое изобилие продуктов, плюс их специфические запахи – все это приводило его в ступор, из которого он со временем научился находить выход. Врачи это объясняли приемным родителям кошмарами лагеря, но ничего страшного в этом не видели, прописывали успокаивающие лекарства.

Потом он вырос, уехал учиться, и, кажется, что благодаря усиленным физическим упражнениям, закаливанию холодной водой, ему удалось победить свой недуг. Уже потом будет отмечено, что выжившие узники концентрационных лагерей проявляют исключительные возможности самосохранения, открывая в себе огромные внутренние ресурсы во взаимодействии психического и физического начал.

Однажды он услышал, как играли дети. Своими чистыми, наивными спорами, они натолкнули его на мысль, что если как-то в прошлом убить одного человека, то прошлое изменится. Он представил себе, что кто-то убивает единственного, во всем виноватого в истории человека, и многое вдруг изменилось. Не было бы ни войны, ни лагерей. Его родители остались бы жить, и он сам жил бы другой жизнью. Это была его подсознательная идея, в которую он сам не верил, потому что регулярно подвергал ее критике, искал изъяны, противоречия. Он доказывал обратное, и наконец-то понимал, что это практически невозможно. Но именно такие рассуждения дали некий толчок в его дальнейшей научной деятельности. Его дипломная работа была очень

интересной для узких специалистов. Молодой Лион утверждал, что неизученные участки головного мозга человека не только хранят некую вековую память, но и могут позволить человеку совершать прыжки во времени, используя для этих целей, как тела своих близких предков, так и тела людей, с которыми, имеется какая-то кровная связь.

Конечно, это сразу вызвало усмешки многих коллег и однокашников, но Лиону удалось обосновать свои выводы некоторыми практическими экспериментами, когда он заставлял испытуемого увидеть что-то из прошлого. Он показал такие результаты, что заставило многих лишний раз призадуматься. Нет, это не был гипноз, как таковой. Наоборот, человек в его опытах совершенно не спал. Обычно он сидел на стуле, и был увешан проводами и искусственными датчиками, которые скидывали на самопишущие машины нужные показатели. Датчики крепились плотными лентами, специальными зажимами, они еще не имели присасывающих липучек, поэтому выглядели громоздкими и несовершенными. На голове у испытуемого был особенный штатив, который тоже был соединен с прибором. Лаборанту приходилось постоянно брать анализ крови, искать различия на всех фазах опыта.

– И проверьте уровень эритроцитов!

Дальше Лион использовал слабый электрический импульс, который посылал в нужный участок мозга, чтобы «разбудить» нужную часть памяти. Электроэнцефалограмма отмечает излучение энергии в мозге, и может служить для фиксации необычной мозговой деятельности. После проверки первичных данных старый преподаватель его университета предостерег молодого ученого, что такие импульсы могут быть опасны для здоровья и жизни человека.

– Но, профессор, тут все и так понятно! При состоянии нормального бодрствования сознания в мозге функционирует лишь десятая часть клеток. Мои поиски и размышления заставляют меня допустить в качестве гипотезы существование в мозге высшего аппарата, – по большей части неисследованного. Более того, он связан с прошлым. Это подтверждается той частью памятью, которой обладает каждый человек, и она не принадлежит лично ему, потому что она – часть прошлого.

– Откуда вам известно, что данная часть мозга действительно отвечает за прошлую память? Ведь любая ошибка может привести к полному стиранию всей информации, более того – всей личности человека! Такие эксперименты напоминают мне опыты фашистских палачей в лагерях смерти. Откуда у вас такая уверенность, что вы идете по правильному пути? Я не могу

разрешать вам продолжать такие опыты в дальнейшем, по крайней мере, не в стенах нашего университета. Поймите правильно, мозг человека – это пока неизученная нами сфера, и тыкать туда вашими электродами, очень опасно. А если с вашим добровольцем что-то случится? Тогда ничего не спасет вашу карьеру, а, возможно, и жизнь. Поймите, меня правильно, мой дорогой Лион! В память о вашем отце, прошу, оставьте все это! Хотя бы лет на двадцать!

– Но, профессор! Двадцатилетнее отставание даст фору американцам и русским сделать прорыв в этой области, когда у нас уже есть ряд высоких показателей!

– Эти данные весьма внушительны, но что потом? Измените все показатели? Затем вы увеличите частоту, или станете применять воздействие на другие точки мозга! Да? Или просверлите в черепе дырку, чтобы добраться до самих мозгов?

Мэтр строго посмотрел на своего ученика. Впрочем, в последних словах чувствовался сарказм. Лион поразился минутной откровенности старого ученого, его практической подсказке всего будущего эксперимента. Напоминание об отчиме только вызвало досаду. Тот всегда был против его научной деятельности, но уходить в бизнес Лион не собирался.

–Еще я думаю, что у нас пока не готова аналитическая база. Чтобы обработать всю полученную вами информацию, чтобы точно определить те или иные точки, безопасные для проверки.

– Но мы говорим о новейшей технике, предназначенной для того, чтобы привести в движение сверхбыстрые механизмы в спящей части нашего мозга.

– Тем не менее, я повторяю, что это очень опасно. Следует проверять каждый свой шаг.

Тут академик был прав, Лиону мучительно не хватало людей, и простой техники, чтобы правильно анализировать итоги опытов, исключить все ошибки. Но кто даст ему этих людей и столько дорогих приборов? Если даже учитель отказывает ему в поддержке.

– Так можно тыкать указкой в небо, все равно она куда-то попадет. Поверьте, молодой человек, иногда следует что-то не сделать, чтобы не навредить науке! И вообще, все это мне напоминает работу машины профессора Эдисона. Правда, ему пришлось от нее отказаться. Вам следует поступить таким же образом, поверьте!

Лиону отказали в лаборатории, если он не перепрофилирует все свои работы. Парню пришлось закончить свое обучение. И покинуть кафедру. Именно тогда он стал задумываться над ролью одного человека в масштабе истории. Идея, что устранив одно

звено, можно повернуть всю историю вспять, она не давала ему покоя. Но чем больше он об этом думал, тем больше находил контрдоводов к своей теории. Роль человека казалась ему цельной в совокупности с другими факторами, но в остальном он видел появление данного человека на исторической арене, скажем так, нелогичным! Целый год он занимался самостоятельной исследовательской работой, подрабатывал случайными заработками, а потом получил приглашение от доктора Илонга Канеца, который в его прежних работах не видел ничего опасного. Сам доктор Канец нередко использовал закрытые материалы немецких ученых мужей, и удивить его смелостью подхода было трудно.

Что касается финансирования? Деньги на его исследования давали некоторые европейские институты и закрытые общества, которые не требовали быстрого результата, но четко определили область будущих разработок. Конечно, результаты должны быть использованы в военных целях, чтобы иметь возможность противостоять коммунистическим разработкам в этой области. Доктор Канец упорно выстраивал свою линию исследования. Но параллельно его коллеги вели другие опыты, которые тоже интересовали институт финансистов.

Филиал

После осмотра служебных помещений доктор Илонг и его новый коллега Лион вернулись на двор. Доктор нещадно курил сигареты, и отметил с сожалением про себя, что его пачка опустела. Он знал, что в его комнате сигарет тоже не было. Снабжение филиала было самым умеренным, такие вещи, как спиртное и сигареты, приходилось покупать самим. Собственно говоря, в Европе еще не наступил пик продовольственного благополучия, и многие товары приходилось покупать почти «из-под полы». У доктора был знакомый в ближайшей деревне, куда следовало наведаться самому. Тот регулярно поставлял для него иностранные папиросы. Илонг предложил прогуляться, по пути хотел показать пару живописных мест. Они натянули теплые свитера, простые плащи, обулись в резиновые сапоги и вышли. Доктор дал напарнику охотничье ружье, ничего не объясняя.

Тропинка начиналась у запертой калитки, ключ от которой доктор взял на вахте. Они покинули поместье, и плотные, высокие кусты поглотили их. Под ногами едва угадывалась светлая каменная крошка. Так продолжалось несколько сот метров, потом лес оборвался, они уперлись в хлипкую ограду, за которой можно было видеть обрыв. Чуть в стороне небольшая речка имела ветхий помост, по которому приятели быстро пересекли водную преграду. Было тихо. Тут уже не было такой

плотной растительности, встречались обгоревшие толстые стволы деревьев. Очевидно, что пожар выжег все на этой стороне, а река не позволила сжечь все остальное. Тропа вела в сторону, где снова показался более молодой лесок. Ученые остановились у небольшого холма. Док рукой указал на тропу, ведущую далеко вверх. Его красивое, волевое лицо озарилось на миг загадочной улыбкой.

– Там имеется прекрасный вид сверху. Но сегодня мы туда не пойдем, нет времени. Нам следует побывать в деревне, и вернуться дотемна.

Они еще немного поплутали, и оказались на околице небольшого поселка. Обошли по проселочной дороге, оказались на центральной улице. Мимо прошли два здоровенных, хмурых парня с охотничьими ружьями. С ними никто не здоровался, возможно, что жители просто не любили соседей – ученых, которые претендовали на обширные лесные территории. Этого Лион не знал. Косые взгляды остальных прохожих жителей, никто не отвечал на его приветствия, когда он вежливо пытался здороваться.

– Не обращай внимания, они видят в нас чужаков. А таких, поверь, никто не любит.

Все дома в поселке были каменные, добротные, они словно выросли среди вековых сосен, ничего не испортив своим появлением. Хилые изгороди, словно пограничные зоны, разделяли дворы, указывали на территориальную разницу. Ни привычных садов, ни огородов. Несколько каменных хлевов, сараев для скота. Двери всюду деревянные, массивные. Изредка можно было видеть каменные строения колодцев, крыши которых были покрыты дранкой или черепицей.

В небольшой лавке их встретил служащий. Он рассчитал местного жителя, записав его долг в толстый талмуд, поднял голову и приветливо улыбнулся. Это был молодой парень, первый из жителей, который так реагировал на появление ученых. После короткого разговора, тот достал приготовленный заранее плотный пакет и получил наличные деньги. Шотландское виски, импортные сигареты и папиросы из города. Все это было дорогое удовольствие для сельской местности. Жители обходились французскими сигаретами, южным вином и местным крепким самогоном. Ещё парень передал доктору пакет, который для того оставил водитель грузовика. Обычно почтовую корреспонденцию доставляли из ближайшего отделения связи, и проверяли. Это послание носило частный характер, и не должно было попасть в руки любых проверяющих. Доктор радостно кивнул, и они вышли.

– Это письмо от моей сестры. Она живет в ближайшем городе,

просто передает знакомому водителю, когда тот едет в деревню. Так проще, наши письма будут проверять службы, это условие, как часть контракта. А сестре я ничего особенного не пишу. Просто поддерживаю деньгами и продуктами.

Они ушли достаточно далеко по дороге, где присели перекурить. Точнее, дымил доктор, а Лион с интересом рассматривал растения. Звякнув стеклом в пакете, Илонг открыл конверт. Письмо было на одном плотном листе. Ничего особенного, но доктор радостно прищурился. Они еще немного посидели, и вернулись на тот участок, где начиналась их тропинка. Дальше шли молча. Спиртное отдали охраннику. Он сразу же расплатился. Это был его заказ.

Первый рабочий день. Доктор Илонг, Лион и лаборант составляли план на ближайшие три дня. При первой встрече пожилой лаборант долго с прищуром смотрел на молодого ученого, словно хотел что-то вспомнить. Грузное тело этого человека было удивительно подвижным, напоминало объемный шкаф на колесиках. Никто из остальных не заметил его минутного замешательства.

– Сначала я хочу повторить все твои дипломные разработки. Шаг за шагом, чтобы понять, куда потом можно будет двигаться. Нам дадут одного добровольца, который послужит на все время этих опытов. Если результаты стабильно повторятся, то я хочу попробовать то направление, с которым связаны мои работы. И если это удастся связать, мы поищем наш объект в некотором прошлом, и наконец-то установим новый контакт.

Так и сделали. На второй день опытов, записывая результаты, Лион уловил закономерность: чем больше он развивал диапазон импульсов, тем больше появлялось новых показателей. Приборы, которые они смогли задействовать, давали более широкую картинку всех работ. Это его реально обрадовало. Пожилой лаборант крупного телосложения терпеливо записывал диктуемые цифры. Кажется, что того ничего не смущало. Суровый, немногословный человек с бычьей шеей. Пока это была обычная работа, ничего удивительного. Доктор Илонг сам пытался повторить опыты молодого ученого, но теперь удалось заполучить его самого, и значит, дело в этом направлении пойдет быстрее.

В комнате лаборатории находился еще один немолодой уже человек. Это был не местный, приезжий тип, которого пригласили для этого эксперимента специально. Ему пришлось раздеться, чтобы исследователи смогли описать все физиологические особенности его тела. Доброволец безмерно прищуривался, его бил нервный тик. Как было написано в медицинском листе, это

отголосок контузии. Пациент сам ничем примечательным не отличался, его рентген головного мозга всегда находился под рукой у специалистов. Потом его приготовили к опыту, он был терпеливый малый, иногда мог пошутить. После воздействия, его спрашивали, что он такого мог себе представить.

– Я словно вновь оказался на Восточном фронте. Однажды там нашу роту внезапно накрыло артиллерийским огнем, мы все вжались в грязный снег. После чего меня ранило в шею. И я потерял сознание. Благо тогда меня успели перебинтовать и отправить в лазарет. Но сейчас я снова пережил это событие, до самого своего «без сознания». А потом словно увидел что-то другое, очевидно, что это уже была другая война. Оружие и форма совершенно другой эпохи, там меня сразу ранило в голову, и я словно вернулся. Что это, доктор?

– Не волнуйтесь. Это тоже часть эксперимента. Сейчас мы повторим некоторые детали, и если вы что-то увидите, то сразу прошу описать подробнее.

Настройка происходила медленно, доброволец слабо щурился, его глаз вновь стал дергаться. Он опять впал в прошлое. Лаборант на миг замер, в его обязанности входило не дать заснуть пациенту, чтобы сохранить чистоту данного эксперимента. Как только он видел, что доброволец прикрывает глаза, он хлопал его по ладони, потом приходилось даже ущипнуть. С его внушительной комплекцией, у испытуемого возникало противоположное чувство, он заранее испуганно вздрагивал.

– Что нового?

– Опять бой, но это, как в старом кино. Враги наступают, а нас накрыло взрывом. Только это я и успел увидеть.

– В деле написано, что ваш отец воевал во Фландрии, и там получил серьезное ранение в голову. Так?

– Так. Вы хотите сказать, что я увидел все глазами своего отца?

– Кто знает? Возможно, это так, а может быть, и нет. Трудно судить по таким отрывочным сообщениям. Вы могли вспомнить часть увиденного раньше фильма или воспоминания старших товарищей, скажем, рассказ отца или дяди. Это словно наложение на ваши собственные воспоминания о войне.

Следующие полтора дня ничего нового не произошло, доброволец устало кивал головой, его замучил нервный тик, но нового он так ничего и не увидел. Доктор Илонг был крайне рад, постоянный результат от независимого источника, это его вполне устраивало. Теперь можно было переходить на более сложные части опытов. Осталось только расписать все показания данного

этапа, чтобы документ для архива был полностью готов. Сложные диаграммы, разрезы, контуры – все это требовало точного описания. Все подробности легли в сценарий. Самописцы были самыми передовыми на тот момент времени. Лаборант усердно собирал и склеивал бумажные листы. Кажется, что ни один из замеченных факторов не был забыт. Пациента отпустили в комнату отдыха, завтра он уедет домой, его контракт закончился. Потом можно будет взять другого добровольца, или вызвать этого же.

Глава третья, в которой читатель узнает об отделении исследований оккультных наук. Генрих

1933 год. Берлин, Далем. Пюклерштрассе, шестнадцать. Здесь, по этому адресу был особняк, где находилась штаб-квартира загадочного «Аненербе». Особенно никто не рекламировал эту организацию, но несколько символов на самом здании трудно было не заметить. Огромного роста швейцар находился тут днем постоянно. В его обязанности входило услужливо пропускать вовнутрь служащих и гостей, объясняя остальным праздным прохожим, что они явно ошиблись, принимая данное здание за гостиницу. Если попасть в само здание, то можно поразиться отголоску былой роскоши и убранства, любая гостиница могла позавидовать такому оформлению. Широкие коридоры, великолепные мраморные колонны, мягкие ковровые дорожки, красивые люстры, очевидно, первые хозяева этого места имели хороший доход в своих африканских колониях. Множество дверей с загадочными вывесками. Нам нужно в самый конец коридора. Вот сюда.

«Отдел исследования по парапсихологии, спиритизму, оккультизму и другим наукам»

Это была небольшая, аккуратная вывеска, она находилась перед входом в комнату, в здании было много различных тематических кабинетов. Следует отметить, что в данный период времени все оккультные науки являются официально запрещёнными в Германии. Этот отдел занимался сей сферой вполне законно. В кабинете находятся два человека. Один, молодой ассистент, пишет под диктовку высокого мужчины с пышной бородой. Это известный оккультист Артур Коне. Он

возглавляет давно данный отдел, но имеет все основания переименовать его, дописав «в области безопасности» в самом конце. Доктор Коне добился некоторой самостоятельности в своих работах, но новая реконструкция всей организации требовала от него кардинального изменения своего статуса. Оказалось, что ему следует переехать в Мюнхен, сдав кабинет своего отделения в штаб-квартире под другие, более перспективные исследования. Его молодой ассистент Генрих выглядел робким юношей в этих стенах. Это была только видимость, парень уже давно пустил тут корни, пропадая все свободное время в огромной библиотеке данного общества.

– Мы им не подходим! Я не понимаю, что, собственно говоря, изменилось? Изыскания в области локализации духа, деяний, наследства индогерманской расы. Популяризация результатов исследований в доступной и интересной для широких масс форме. Они, что, смеются?

Профессор еще раз стряхнул мел с брюк, который случайно раздавил руками.

– Генрих, все решено. Профессор Фюст зовет нас к себе, в Мюнхен. Он обещает дать отдельный корпус, или даже целое здание. Это так у нас называется реорганизация. Бюрократия окончательно победила в Берлине. Тут стало выгодно устраивать торжественные встречи ордена, и всячески расширять штат. Скажите, а кто будет работать?

– Значит, мы надолго прервем наши опыты? Сборы. Переезд. Новое место. Это займет много времени!

– Глупости. Начинайте упаковывать весь наш архив. Соберите документацию и все основные наши наработки. Самый ценный материал я уже сложил в свой портфель. Мебель мы оставим тут. Больше ничего нас не держит. Отправляетесь с Вольфом сразу, как только получится. На месте вас встретит ассистент профессора Фюста, только телефонируйте ему. Я буду работать дома, потом подъеду, как только вы устроитесь и сообщите об этом.

– А что делать с объектом?

– Пусть Вольф займется им сам. Этот Иосиф нам еще потребуется. Можно взять для сопровождения пару местных полицейских, пусть они присмотрят за ним в пути. Но помните, ни за что не отстегивайте его, а то он опять сбежит. Он выглядит стариком, но это все так обманчиво. Если он сбежит, наши наработки надолго встанут.

– Но Вольф собирается в свою невероятную полярную экспедицию!

– Пускай поможет нам еще раз, а потом едет, куда хочет. Я

так и думал, что его увлечение СС взяло верх. Он может сделать политическую карьеру, научная работа его мало интересует.

Генрих

Следует отметить, что с Иосифом-воином им просто повезло. Когда он попал под внимательный взор тайной полиции, то вполне заслуживал расстрела за свою подпольную деятельность. Но доктор Коне заинтересовался некоторыми рапортами. Оказывается, что сестра некоего Иосифа видела будущее, и рассказала об этом своим родственникам. Более того, она утверждала, что кто-то из будущего специально связывался с ней, чтобы рассказать об одном человеке. Всю последующую жизнь Иосиф пытался найти определённого человека, чтобы, вероятно, убить его. Череда смертей действительно подтвердилась. Иосиф в какой-то момент присоединился к коммунистическому движению, и нашел там несколько помощников, которым доверил свою секретную миссию. Он не знал, что некоторые люди были связаны с полицией, а затем с гестапо. Те уже долго следили за подпольщиками, а потом всех арестовали. Намечался сильный скандал, резонанс ожидали просто невероятный. Как же, попытка покушения на главу целого политического движения. Пробежав глазами все дело этого Иосифа, доктор Коне увидел то, что не заметили остальные.

– Вот как? Кто-то в будущем искал связь с этой самой Марией. И они добились в контакте ощутимых успехов. Очевидно, они проделывали какие-то опыты. Вероятно, это можно сделать самому. Я считаю, что такое воздействие на людей, является очень перспективным направлением науки.

Доктор был очень влиятельный человек, и этого было достаточно, чтобы более весомые люди заинтересовались его идеей. Он выдвинул очень смелую гипотезу, и его выслушали. Они дали на опыты добро, выделили средства, и громкое дело «о покушении» было изъято. Это вызвало раздражение у некоторого круга людей, которые видели в судебном процессе рост своей карьеры. Именно тогда доктору пришлось взять в свою группу молодого Вольфа, именно он курировал провокатора в подпольной группе Иосифа, именно он собирался стать полезным своему политическому движению.

– Идея безопасности со стороны оккультизма? Это выглядит, как бред, но если подойти с рациональной стороны вопроса, то становится очевидным, что кому-то в будущем удалось победить время и расстояние. И это была чисто научная работа, поверьте, никакого оккультизма. Когда мы поймем, как все это должно будет работать, то мы построим сами такое оборудование. Ничего сложного. Уже существует много наработок других людей,

следует только найти верное решение.

Несколько недель моральных и физических пыток, и Иосиф рассказал все, что узнал от сестры, и многое из того, что наблюдал сам. Теперь перед Артуром лежал целый портфель старых бумаг. Это был личный архив «Иосифа-воина». Многие документы были заполнены на вощеной хорошей бумаге, поэтому прекрасно сохранились. Список детей поразил доктора Коне, среди них он увидел знакомое сегодня всем имя. Генрих тоже поразился собранному архиву.

– Генрих. А ведь Вольф был прав. Достаточно было просто найти способ, чтобы от них избавиться, история изменилась бы навсегда. Как вы думаете?

– На этом Вольф бы сделал карьеру в партии. Но пожелал вести научную работу, для него это оказалось тоже интересным. Но посмотрите, как эти предсказания точны. Хронология событий почти не нарушена. Этот Иосиф мог бы стать богатым человеком, если бы просто грамотно следовал предсказаниям.

– Вполне может быть, что он и есть богатый человек. На самом деле, что мы о нем знаем? Где он провел столько время до войны? Есть ли у него семья? Какое еще у него было имя? Вы должны изучить эти бумаги, и сообщить мне, как он мог это использовать. Очевидно, что вся его борьба стоила немалых денег. Кто-то должен был заботиться о нем. Вольф все время говорил о сионском заговоре. Но Иосиф словно появился из ниоткуда. Где его связи с синодом? Возможно, мы что-то упустили. Возьмите папку, начните все сначала. Составьте список вопросов, которые я задам нашему дорогому другу. Он не откажет мне, если я буду знать что-то еще. Сам по себе Иосиф уже битая карта, но где-то есть его друзья, единомышленники. Та организация, в которой провокатор смог выйти на него, она ничего нам не дает.

Через неделю Генрих имел уже целый список фирм и организаций, которые могли быть причастны к деятельности Иосифа. Но наступающий переезд смешал все его карты. Он еще хотел пройти сам по некоторым организациям, находящимся в Берлине, чтобы показать фотографию Иосифа, в надежде, что кто-то вспомнит этого человека. Быстрый финансовый успех в довоенное время. Самое простое, это международная торговая биржа. Всем известно, что деньги делаются именно там. Но как найти след таких денег? Генрих почти придумал способ, как обнаружить их, просто его временно отвлекли.

Глава четвертая, в которой читатель узнает об Иосифе-воине, и почему старейшина чужой общины его не поддержал

Иосиф. Мария. Орден

Линц. 1895 год. Старик сидел в глубоком раздумье. Он уже давно закончил обычную молитву, но продолжал беседу с собой и своим господином. Это была очень тяжелая проблема, очевидно, что не подвластная ему вообще. С одной стороны, он почти знал, что может изменить все будущее, и смерть одного ребенка выведет из-под удара его народ, с другой стороны, а что если это план Господа?

– То, кто я такой, чтобы вмешиваться в Твои планы, не зная истинных Твоих помыслов? Мой народ десятилетиями жил в рабстве, потом поднимался на невиданные вершины. Восстанавливал Иерусалим, и вновь терял его. Его рассеяли по миру. Возможно, что судьба одного мальчика ничего не решает. Умрет один, появится другой! Если Ты хочешь, чтобы мы страдали, значит, так оно и будет! Слова браконьера ничего не значат. Он, конечно, не врет, его сестра в припадках видит будущее, и слышит голоса. Но это все от демонов, от лукавого! Никому не постичь великого Твоего замысла, никому Тебя до конца не понять! Мы готовы, взвалить на себя новые невзгоды, чтобы вернуть себе единство нашего народа. В припадках женщина говорила о государстве колена израилева. Так будет воля Твоя, аминь!

Все началось с того момента, когда в общину пришел высокий молодой человек и назвался Иосифом-воином. Само то, что юноша выбрал вторым именем звание, это говорило о многом. Практически войн в Европе не было, они шли лишь в далеких колониях, как вооруженные столкновения, о которых редко писали в прессе. Его рекомендации были проверены. Заверенные подписями очень почтенных людей, которые зря писать не будут. Эти мужи тоже не смогли решить возникшую проблему, но игнорировать предсказания всё же не стали.

– Что тебе нужно, Иосиф-воин? С чем пришел ты в этот город, и что привело тебя в нашу маленькую общину?

Он рассказал, что недавно его сестра стала слышать голоса, которые сообщали ей о новом испытании для всего народа. Грядет битва, но она будет только началом нового злого века. Европу ждет страшная «темная чума», которая поразит сердце каждого жителя, и евреев буду держать, как скот, как рабов за

колючей проволокой. Клеймить, как скот. Но если вовремя устранить корень этого зла, то многое изменится.

– В чем же сестра видит корень зла?

– В вашем городе есть мальчик, сын лесника. Ему уготована участь стать врагом нашего народа.

Старик не понял, о каком именно ребенке идет речь, поэтому переспросил.

– Как фамилия отца этого ребенка?

– Waldhütter.

– Это не фамилия.

– Сестра сказала, что предсказание связанно с лесничим, или со смотрителем. Точно имя неизвестно. Но какая разница? Если их несколько, то, вероятно, следует убить всех. Это изменит всё будущее, и наш народ будет спасен, избежит Холокоста!

Собеседник ужаснулся таким речам. Высокий молодой человек с бледным лицом так просто заговорил об убийстве ребенка! Старик невправе был решать сам такую проблему, он сказал, что ему нужно подумать. Юноша ушел, так и не заручившись его поддержкой. Вполне очевидно, что он решил сам найти ребенка, и решить задачу уже своим способом. Разрешить убить человека, ему, как руководителю целой общины? Он, конечно, созвал собрание, где не стал скрывать цель приезда этого человека. Сначала это вызвало всеобщее негодование. В синагоге высказались все. Единого мнения не было.

– Это может повлечь очередные гонения.

– Погромы. Вы слышали, что устроили в России?

Речь шла о первой волне еврейских погромов на юге России. Это были беспорядки, когда коммерческая несостоятельность некоторых русских общин привела к недовольству и зависти к чужим успехам. Обычно, такие слухи распространялись очень быстро. Было решено, не оказывать никакого содействия и помощи Иосифу, а слова его сумасшедшей сестры должны быть всеми забыты.

Потом парня арестовали, кто-то посчитал, что он оказался простым браконьером. И именно он охотился в заповедном лесу, тем более жег там костер. Теперь, когда его заключили под стражу, он обреченно ждал приговора суда. Старику передали, что он хочет с ним встретиться, следовало подготовиться к встрече. Для этой цели он заручился разрешением судьи. Он шел, как старейшина местной еврейской общины. Судья поморщил нос, он ничего не имел против свидания, но последние события в городе вызвали у него острый приступ изжоги. Кто – то проник в городской архив и похитил старые, никому ненужные бумаги. Потом, после летнего городского праздника, кучка ряженых

комедиантов устроила в лесу пиршество, если верить показаниям местных мальчишек, они еще убили оленя. Их, конечно, искали, но никого так и не нашли. Иосиф сидел в общей камере. Он был одет в скромный черный сюртук, на голове ермолка. Он был спокоен. Оказалось, что он не смог выполнить свою задачу. Из выбранных детей никто особенно не выделялся. Он сообщил, что сестра дала ему еще одну зацепку.

– Скоро будет большая война, и там я его обязательно найду.

– Теперь ты уже знаешь его имя?

– Нет, но какая разница. Я знаю имена и фамилии всех детей, которые родились в этом городе, и переехали сюда из других мест. Я найду его методом исключения, но через несколько лет. А там, никто мне уже не помешает.

– А если это воля божья? Ты не задумывался?

– Смерть нескольких человек или гибель всего народа? Что бы вы выбрали, Рабби?

– Я сам задаю себе этот вопрос, и никак не могу найти на него ответ. Чем я могу тебе помочь, Иосиф-воин?

– В гостинице остались мои вещи. Возьмите из моей сумки список детей, и оправьте в почтовом конверте по адресу, который указан в моем рекомендательном письме. Больше у меня просьб не будет. Австрийские законы очень суровые, но я скоро выйду, и это мне пригодится, когда снова возобновлю свои поиски.

В тот же вечер Рабби, никому не доверяя, сам проверил сумку Иосифа. Там действительно оказались списки детей, о которых говорил молодой воин. Старик пробежался по бумагам своими подслеповатыми глазами. Уперся в одно имя. Родители этого мальчика недавно вызывали врача, и тот ребенок находился на грани жизни и смерти. Благодаря уколам, которые сделали вовремя, его жизнь удалось спасти. Вряд ли чужак знал об этом факте, с его позиции, все они должны были умереть.

– Пусть ищет, если хочет. Он, что, не понимает, что исправить будущее просто невозможно? Если бы во времена Ирода можно было убить всех детей, то Иисус никогда бы не попал на крест.

Иосиф

Окрестности города Линца встретили его коротким, летним дождем, панорама, которую он увидел, была достойна творчества любого немецкого художника. Радуга разорвала смуглые облака, водоорошение прекратилось. Теперь мостовая блестела яркими каплями этого небесного дара. Гулко стучали в сводах католического храма отзвуки дороги. Удары копыт, лязг колес, говор людей. Он, почти не промок, стряхнул влагу с волос, вытер тыльную сторону руки о край полы своего полупальто. Еще

несколько минут ходьбы, и он оказался в нужном районе. Это был небольшой рынок на площади. Теперь ему необходимо было спросить, где находится нужная улица. Австрийский городок отличался от тех мест, где ему доводилось бывать. Он прекрасно понимал многие европейские языки, на других свободно разговаривал. Его красивое открытое лицо внушало доверие, улыбка могла бы сломать сердце не одной красавицы, но все это было не ко времени. Он сам отказался от многих мирских благ, про себя решив даже дать обет безбрачия. Он считал, что все это может помешать его великой миссии. Его целеустремленности могли бы позавидовать некоторые революционеры, искариоты.

Мария

Недавно он потерял очень близкого человека, и тень этой потери была для него ощутима. После смерти родителей совершеннолетняя Мария поспешно вышла замуж. Брак был недолгим, женщина стала вдовой. Но она сумела воспитать брата, и помогла получить некоторое образование. Однажды она сильно простудилась, оказавшись в ледяном осеннем потоке. Болезнь трудно было победить, и вот когда казалось, что надежды не было, она стала поправляться. Но, ненадолго. Именно тогда у нее появились эти самые приступы видения. Она рассказывала о своих страшных снах, но все это было расплывчатым и непонятным, пока не появились голоса. Словно определенный человек навязчиво и многократно проникал в ее сознание, расспрашивая о ней самой, и рассказывая о далеком будущем. С его слов Мария смогла составить некую общую картину. Там, в этом будущем, пройдет много кровавых войн, свершиться большое количество различных преступлений против народов. Против их народа! Некто Лион рассказал о своем детстве, даже не рассказал, а вспоминал. Перед Марией возникли ожившие картины ужаса лагеря, где тот провел несколько самых тяжелых в его жизни месяцев. Упоминание о Холокосте врезалось в память. Она видела не просто заключенных, которых привозили в товарных вагонах для скота, она видела газовые камеры, кучи пепла, клубы дыма, которые изрыгали трубы печей крематория. Плотная, вязкая пыль постоянно висела над тем местом. Лион говорил о фашизме, о чудовищном человеке, на котором, по его мнению, лежит вина за все это. Он даже называл его имя, но связь с будущим не походила на телефонный разговор или на что-то еще. Образы и слова, возникшие в голове женщины, были обрывочными и неясными. Даже даты и названия местности были сначала непонятными для нее. Лион сам многое узнал от Марии, она вслух говорила о себе, отвечала на некоторые его вопросы. Так, она узнала, что нужно сделать. Название нужного города она

не могла знать, но Лион представил ей описание городского герба. Те обрывки информации дали ей общую картину. Тогда многое успели записать, ведь она все рассказала брату и еще другому родственнику. На семейном совете было решено проверить ее слова. Молодой Иосиф немедленно собрался в дорогу. Влиятельные знакомые помогли ему оформить заграничный паспорт. Следовало покинуть Германию, чтобы отправиться в соседнее государство. Так он и поступил.

Когда он сделал полдела, и определился с именами возможных претендентов, то понял, что сам убить никого из детей не сможет. Это было выше его сил. В свободное время он смог познакомиться с каждым из них, но издалека, чтобы как-то настроить себя против них. Ничего не выходило, это были простые дети. Имена он добыл самым простым способом, выписал из церковной метрической книги. Остальные взял в архиве местного магистрата. Когда он соединил их оба, то переписал все начисто, его «список Иосифа» был практически готов! Хорошо, что ему попалась очень хорошая плотная бумага из офиса магистрата Линца. Но она, увитая вензелями и гербом города, теперь выглядела для него очень устрашающей.

– Что теперь делать? Их всех мне следует проверить, или убить! Но ведь это пока дети? Кто-то из них станет мировым злодеем, а остальные не виноваты!

Его внезапный арест был для него спасением. Очевидно, что его просто предали. Он прекрасно все понял, когда сразу не получил ответ. Там же он получил печальное известие – его сестра умерла. Старик, который принес эту весть, печально опустил голову.

– Мне жаль твою сестру, Иосиф! А еще больше, мне жаль тебя, сынок!

Орден

Конец восемнадцатого века. Это время, когда во Франции, Англии и Германии образовались общества посвященных, тайные «герметические» ордена, объединявшие могущественных лиц. Но, заметьте, все они пошли по разным направлениям. Этот период для Европы характерен быстрым ростом капитала за счет азиатско-африканских колоний. Но вместе с богатством в Европу проникли самые различные религиозные обряды и чужие традиции. Стоит отметить, что Европа давно была наследницей всех существующих религий. А мода на оккультизм всегда была крайне популярной. Например, считается, что масонское братство – это более усовершенствованная, можно сказать, современная структура старинных тайных обществ, которые всегда правили миром. Таким загадочным движением, проявившимся в эпоху

Возрождения, можно обозначить розенкрейцеров. Так, например, Жан Турньяк в свое время утверждал, что влияние на мир разрывается между «орденом семидесяти двух» и «орденом Зелёного дракона». Чем они друг от друга отличаются? В этом сразу разобраться нелегко. Северная Африка и Евразийский континент практиковали два религиозных культа – лунный и солнечный. Это очень конфликтные организации, которые постоянно друг с другом соперничают. Они имеют свою символику, свои секретные знаки, свой цвет. Тут все уходит в глубокую древность. Так, например, прямыми наследниками лунной концепции были кельты, «ионийцы», которые в свое время очень сильно повлияли на развитие Римского государства. Приверженцами солнца были дорийцы, поклонники Митры. Но и тут не все так просто. Галлия разделялась на две касты: труженики, «пеки», пикарды и жители башен, «жасы», «гои», богиней которых была Беллона, Билена. Итак, народ – это крестьяне, ремесленники, а также клир, жреческое сословие, они поклонялись солнечным божествам Эсусу и Теутату. В итоге, возникли две ветви правящей монархии: капетинская, последующая от Катта Валлона, и общеимперская. Тут многое сопряжено с политическим влиянием Папы Римского. Почему? Лунопоклонники власть Рима всегда ставили под сомнение, и пытались ее урезать. Солнцепоклонники, они наоборот, считались сторонниками Папы. Данная вражда оставалась постоянной на протяжении многих веков. Позже солнцепоклонники были объединены в тайный «Орден Четырех» – «Орден Кварты». Лунопоклонники объединялись в таинственный «Орден Пяти» – «Орден Квинты», именно им принадлежат идеи Реформы, протестантство, что значительно ослабило власть Папы. Солнцепоклонники тоже не отличались единством своих рядов. Помимо престола Папы Римского, некоторое время существовал Иерусалимский Патриархат, с его рыцарями Храма, тамплиерами. Эта тайная доктрина была прямой противоположностью сложившейся власти Рима, но все-таки принадлежала приверженцам солнца. Она перешла португальскому Храму Христа, позже ее перенял Орден Иезуитов. Говорят, что «Орден Кварты» создал масонство, чтобы бороться со своим противником, но те смогли проникнуть и в ложу, чтобы изнутри вести свою борьбу. Поклонники солнца создали «орден Геродона», который впоследствии стал «Шотландским древним и принятым обрядом». Поклонники Луны отделились в гугенотское масонское братство «Адельфов», которое переросло в «Карбонариев». Все это противостояние завершилось революцией. Оставшиеся течения, их можно назвать прямыми наследниками прошлых битв и ряда

политических интриг.

Отметим, что очень сильное влияние на умы того времени имели идеи Рене Генона. По сути, он разделял любую власть на касты жрецов и воинов. В каждый крупный временной период любой территориально-исторической эпохи происходила революция, которая завершала смену власти. Но все это имело свою конечную цель. И, согласно его теории, упадок традиционной цивилизации, это стремящееся ускорение пришествия «Земного Ада». Внерелигиозное и внеинициатическое состояние цивилизации Генон называет «профанизмом». Тайные организации на протяжении тысячелетия ведут свою борьбу. И весь современный мир – это плод такой борьбы. Его теория, точнее утверждение о существовании «Семи башен Сатаны», которые соответствуют «персонам» семи главных ангелов, падших вместе с Люцифером, указывает на то, что очередная эволюции мира должна привести к величайшим беспорядкам. Египетский фактор мэтр не считал определяющим, так как сама египетская цивилизация рассматривается им как комбинация западной атлантической и африканской тенденций. Но они давно деградировали, а современные тайные общества уже имели новые направления. Например, «Hermetic Brotherhood of Luxor» – англо-саксонское общество с центром в Соединенных штатах Америки. Именно отсюда идет теософизм Блаватской и оккультизм Папюса. Все современные тайные организации Генон считал посредниками между чистыми дьяволопоклонниками и внешним культурно-политическим миром, призванным под видом восстановления духовности, открыть путь подчеловеческим и демоническим сущностям. Мэтр указывал на наличие значительного числа иудеев среди активистов наиболее страшных и разрушительных тенденций в современной цивилизации, а также среди «агентов влияния». Он отводит «nomadisme devie», некоему неортодоксальному иудаизму, особенную роль. Этим легко объясняется, почему большинство социалистических и коммунистических лидеров были евреями. Ведь Антихрист должен быть евреем по национальности, причем обязательно из колена Данова.

Именно на основании его работ французский эзотерик и конспиролог Жан Робен в Германии будет развивать свою бурную оккультную деятельность. Все это тогда, словно огромный котел, сумело вместить в себя, чтобы низвергнуть на мир новым взрывом оккультно-магического невежества. Отсюда пошли корни эзотерических учений госпожи Блаватской, арманизм Гвидо фон Листа, идеи Ланца фон Либенфельса, популярное «Учение о мировом льде» (Welteislehre) и многое другое. Лист писал в своей

книге «Мистериальный язык индогерманцев» о германской традиции как исключительной носительнице духовности и мудрости предков. Это дало поворот на возникновение особых нордических идей. Именно это время дало почву для создания через двадцать лет «Общества Туле» Thule-Gesellschaft, лидером которого станет Рудольф фон Зеботтендорф. Сильные медиумы этого общества сумели приподнять полог в ближайшее будущее. Они утверждали, что наступило время ковать единство германской нации. И дали некие смутные предсказания, основываясь на которых все стали искать для себя нового вождя.

Глава пятая, в которой читатель узнает о некоторых событиях в Веймарской Германской республике. Лекция

1919 год. Мюнхен. Ади нервно поежился, поправил очки с темными стеклами. Фронтовой приятель уговорил его сегодня посетить научную лекцию. Тому перепало сразу два пригласительных билета. Они встретились. Лишних денег на конку у них не было, пришлось идти пешком. До войны Ади жил на квартире Иозефа Попе, владельца магазина на улице Шлейсхеймер. Теперь там осталась вдова бывшего хозяина. Настроение было не самое лучшее. Возможно, что прогулка по городу, который когда-то подвергся воздушной атаке французской авиации, не предвещала ничего хорошего. Но потом оказалось, что руины разрушенных зданий давно оградили, и приступили к сносу. Солнце мешало своим ярким светом, и темные очки были кстати. Они так и шли, медленно рассматривая достопримечательности, о которых приятель всегда имел свои весьма колкие комментарии. Австриец окунулся в некоторые воспоминания. Он прекрасно знал эту часть города.

– Смотри, если пойти в ту сторону, то можно увидеть церковь Святого Петра, Sankt-Peter-Kirche.

– Знаю, когда-то на холме Петра, Petersbergl поселились монахи из монастыря Шефтларн, а потом оттуда стали строить весь город. Недаром название города связанно с монахами.

– В соборе святой Богородицы находится саркофаг из чёрного мрамора императора Людвига IV Баварского. Говорят, что отпечаток ноги у входа в храм оставлен дьяволом.

– Это самый высокий собор в Мюнхене. Меня самого привлекает готика, игра органа.

– Если пойти в том направлении, то можно увидеть старый мост на реке Изар. Говорят, что он сохранился. До войны я часто любил там рисовать.

– Брось, мы уже опаздываем, нам некогда смотреть на такие древности. В этом городе еще много мостов. Если тебе хочется что-то мне показать, то на Мариенплац этого добра хватает.

– Мюнхенская резиденция Виттельсбахов. Именно отсюда Людвигу III пришлось бежать в прошлом году.

Через три часа мероприятие закончилась, и они вышли из здания. О чем была научная лекция? О рунах, о германских великих древностях и богах.

Лекция

На небольшой сцене в удобном кресле сидел немолодой человек и спокойным, хорошо поставленным голосом начал свой рассказ о германских мифах. Рядом стоял стол, где он в любой момент мог налить себе в стакан воды из графина. На столе стоял прибор для показа слайдов. Сбоку зрители могли видеть небольшой экран, там все время менялась картинка. За спиной находилось несколько софитов. Вскользь оратор напомнил легенды об исчезнувших странах, таких как Туле, Агарти, Шамбала, Гиперборея и так далее.

– Великие боги – Один, Ве и Вилли вырезали мужчину из ясеня, а женщину из ивы. Старший из детей Бора, Один, вдохнул в людей душу и дал жизнь. Чтобы одарить их новыми знаниями, Один отправился в Утгард, Страну Зла, к Мировому Древу. Там он вырвал глаз и принес его в жертву, но этого показалось мало Стражам Древа. Тогда он отдал свою жизнь, решил умереть, чтобы воскреснуть. Девять дней он висел на суку, пронзенный копьем. Каждая из восьми ночей Посвящения открывала ему новые тайны бытия. На девятое утро Один увидел под собой начертанные на камне руны-буквы. Отец его матери, великан Бельторн, научил его вырезать и окрашивать руны, и Мировое Древо стало называться с тех пор Иггдрасиль…

Он помолчал, захлопнул толстую книгу, было видно, что пыль вырвалась в остальное пространство.

– Это можно прочитать в «Сноррриевой Эдде», написанной в 1222–1225 годах. Они полностью дают обзор нашего героического эпоса древности. Вы можете сказать, что, если эти писания основаны на сказаниях, прорицаниях, заклинаниях, то не

заслуживают доверия! И, может быть, будете правы. Христианство лишило нас многих источников древности. С язычеством тогда тщательно боролись. Поэтому, мне легче начинать работу с сохранившихся в памяти народа изречениях, культовых и религиозных обрядов германских племен.

Оратор тонко чувствовал аудиторию, состоящую из людей разных категорий. Он опутывал их Totenrune словами, извлекал из памяти цитаты, показывал слайды, демонстрировал написанные им знаки.

– Эта руна читается, как Siegrune. Руна «Зиг», основной атрибут бога войны Тора. Знак власти, энергии, борьбы и смерти.

– Gerrune. Руна «Гер», символ коллективизма древнего народа. Можно сказать, братства.

– Wolfsangel. Это очень известная многим руна «Вольфсангель». Ее можно увидеть на гербе старого города Вольфштайн. Многие переводят, как «волчий крюк». Также известен, как оберег, защищавший его владельца-язычника от действия «темных сил». Он якобы обладает властью над оборотнем-вервольфом.

В зале послышался невольный смешок, но в ту сторону зашикали, и тогда фон Грехту пришлось заткнуться.

– Opferrune. Руна «Опфер», символ самопожертвования.

– Eifrune. Сами видите, ее изображают, как обратную символу «Опфер». Это руна «Айф», символ целеустремленности и энтузиазма.

– Lebenrune. Руна обозначает «Жизни». Чем-то напоминает профиль дерева. Тут слушателю все понятно.

– Totenrune. Обратная по значению и изображению руна «Тотен», известна, как знак смерти.

– Tyrrune. Руна «Тир», символ непримиримости в сражении, непременный атрибут бога войны, грома и плодородия Тира. Не следует путать Тира и Тора. Впрочем, они, как братья – всегда где-то рядом.

– Hagallrune. Сложный знак, который можно трактовать, как наложение друг на друга двух рун «Lebenrune» и «Totenrune». Сами видите, смерть и жизнь, они всегда идут вместе. Это руна «Хагалл», символизирует веру.

– Sonnerad. Этот знак знают все, как «солнечное колесо». «Зоннерад» – древнескандинавский знак, символ грома, огня и плодородия магов и колдунов.

– Odalrune. Обозначает руну «Одал», символ семьи и кровного родства. Лектор прошелся по залу. Вернулся на место.

– Если поставить две руны рядом, то это усиливает обозначение. Например, если руны Hagallrune и Totenrune стоят одна за другой, то это можно прочитать, как вера до смерти, вера в смерти, но ни в коем случае, не как смертельная вера. То же самое Hagallrune и Lebenrune, это будет обозначать «вера жизни», «вера до конца жизни», но только не прилагательное «верная жизнь». Конечно, это намного глубже, кто-то из специалистов может оспорить мои вольные вариации. Тут все сложнее. Каждая руна имеет еще несколько неточных утраченных значений. Возможно, символы еще связаны с географическими или астрономическими объектами.

Про руны мужчина сообщил еще несколько общеизвестных фактов. Рассказал, как маги могли ворожить с помощью таких каменных и костяных изображений рун. Для примера, показал весь процесс, скинув из кожаного кисета несколько костяных изображений на свой стол, прищурился, и сообщил, что именно он там увидел.

– Вот видите, влияние рун Siegrune и Hagallrune по-прежнему торжествует. Одновременно видим, что сегодня из вас никто не умрет, потому что руна Totenrune оказалась в самом низу, зажатая всеми остальными.

Слушатели зачарованно захлопали в ладошки, очевидно, что им этот трюк очень понравился. Потом оратор перечислил весь перечень скандинавских богов, но в более германском его понимании. Остальная часть лекции была посвящена быту древних германцев. О забытых загадочных странах он говорил мало.

Ади оглянулся на случайных прохожих. Это только, кажется, что ничего интересного узнать не удалось. Лекция заинтересовала его, но не более. Он словно ощутил некое головокружение, вот сейчас будет таинственная дверь, открыв которую он навсегда изменит свою жизнь. Конечно, на самом деле никакой двери не было, но в душе оставалась надежда, что все еще не поздно изменить. Он находится на пороге больших перемен. Еще вчера ему пришлось драться на стихийном митинге коммунистов, который удалось сорвать, а сегодня ему предлагают помощь. Кто? Пока точно не понятно, но это не важно, кажется, что в нем действительно нуждаются. Та гражданская одежда сегодня на нем, она выглядела не самым лучшим образом. На ногах клетчатые гетры, легкие потертые ботинки. Рубашка с засученными рукавами, жилетка. Помятые штаны, нелепый пиджак. Для прогулок по городу холодновато. Где-то в сельской местности это было бы приемлемо, но в таком большом городе, да, еще зимой, он выглядел крайне жалким. Все это недавно ему пришлось взять взаймы у вдовы Йозефа, хозяйки его небольшой меблированной комнаты. Своего приличного гардероба у него пока не было. Военную форму он предпочитал повесить в шкаф. Ее можно было надеть, если требовалось пройти в казарму принца Макса Баденского в Мюнхен-Обервизенфельде. Там он еще числился в седьмой роте первого резервного батальона второго Баварского пехотного полка.

В кармане лежала визитка с надписью *«Thule-Gesellschaft».* Это было приглашение на спиритический сеанс госпожи Клявелины. Данную женщину он сегодня встретил впервые, но она каким-то образом что-то о нем знала. Его появление на научной лекции не вызвало у владелицы светского салона особого удивления. Та

словно ждала минуты, чтобы подойти, и быть представленной. Его спутник, Альберт фон Грехт, уже знал эту женщину, и поспешно порекомендовал его ей, как опытного оратора, и свободного художника.

– Сам господин Штегер считает, что наш друг имеет «совершенно незаурядный талант». Его рисунки имеют слегка эротическое отклонение, попросите, и мой друг обязательно возьмет вас моделью.

– Очевидно, у нас с вами есть одно общее увлечение! Вагнер!

– Да. Я люблю оперы. Я в молодости даже написал небольшое либретто.

– Вот как? А где его можно найти?

– Очевидно, что-то сохранилось в Мюнхенской центральной библиотеке. Не знаю, мой экземпляр давно потерян, разве, что есть у родственников.

– Знаете, у нас есть ложа в театре. В будущем я приглашаю вас на открытие фестиваля. Не пожалеете!

Мюнхен был переполнен художественными галереями и уличными художниками. Герр Фердинанд Штегер был хорошим знакомым художника Макса Цепера, а тот в Мюнхене был очень известным человеком. А фон Грехт был тем самым посредником, который проявлял ко всему интерес, если это сулило выпивку или выгодное знакомство. Он словно знал, куда следует идти, ибо там, по его мнению, пахло деньгами. Ади с трудом терпел его необъяснимые выходки, иногда открыто называл его настоящей свиньей, но чаще просто молчал, как и сейчас. Он давно заметил, как его приятель легко налаживал знакомства. Несколько его приемов ему было нетрудно перенять. Казалось, что фон Грехт знает какую-то особую истину, которая всегда помогает ему в жизни.

– О, это очень просто! Заметьте, так может поступать любой из нас! Прежде всего, в новом незнакомом для меня месте, я ищу человека, которого там знают все, и соответственно он знает обо всех. Я сразу знакомлюсь с ним. Это просто. Дальше он сам знакомит меня со всеми остальными людьми!

Так оно и бывало порой, не успевали приятели появиться в новом обществе, как через некоторое время о бароне фон Грехте узнавали все. Когда он знакомился, то всегда протягивал свою руку. Потом старался несколько минут рассмотреть собеседника, и что-то ему сообщить. Порой он брался второй рукой за чужой локоть, и словно налаживал некий мост в своих новых отношениях. Зачем это ему было нужно? Вопрос трудный. Приятель иногда откровенно говорил об этом.

– Я столько времени провел в окопах, что кажусь сам себе

диким, больным человеком. Сегодня мне следует наладить свою жизнь. И все эти люди, с которыми меня сегодня сталкивает жизнь, они помогут мне.

Чем больше у меня знакомых, тем я сильнее. Мой друг, поверь, следует налаживать отношения, так говорил еще мой отец, а он был настоящий аристократ. Откуда он все это знал? Очевидно, это было у него в роду.

Ади теперь невольно копировал его жесты, подражая его манере поведения. Это получалось, давало нужный результат. Еще ему срочно требовалась работа, следовало уйти с военной службы. Да, он хотел стать художником, это была не самая плохая мысль на сегодняшний день, когда всю Германию захлестнула волна безработицы. Правительство многих отправило именно учиться, на скамью университета. Его военного пособия едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Ещё требовалось купить себе костюм, но где на это взять деньги? Кто бы мог подумать, как он устал! Приходится везде унижаться. Страдать от отсутствия средств! Такое уже было в его жизни, когда он в молодости ночевал в венских ночлежках. Но сегодня, когда деньги обесценились буквально на глазах, его смятых в кармане купюр едва хватит на покупку нового пиджака со штанами. Приятель в такие минуты никогда не унывал.

– Сшить новый? Но это очень дорого, а что если его взять напрокат?

Он знал, что его спутник так и делал. Ему у знакомого портного можно было выбрать любое платье напрокат. Так, он брал плащ и приличный смокинг на вечер, потом шел пешком в самый дорогой отель города, где танцевал с пожилыми дамами за тарелку супа в ресторане отеля. Когда фон Грехт предложил и Ади, составить ему компанию, тот решительно отклонил это предложение, как неприемлемое.

– Грехт. Вы просто сума сошли! Перед нами такие возможности, а вы готовы навсегда оставаться простой посредственностью!

После долгих споров приятели посетили еврейского портного, который одолжил им еще один костюм. То, что владелец мастерской еврейского происхождения, фон Грехт как-то забыл сообщить заранее. Минутное замешательство на пороге, и Ади очередной раз проклял «своего Вергилия», который посулил ему сегодняшнюю прогулку в ад!

Именно в тот вечер после спиритического сеанса Ади познакомился с лидером *«Thule-Gesellschaft»* господином Рудольфом фон Зеботтендорфом. Но об этом читатель узнает чуть позже. Пока можно было смаковать бессилие нашего ефрейтора,

которому сегодня позарез, как нужен приличный костюм, на который у него, увы, уже нет средств. Само то, что Ади попал в еврейскую мастерскую, уже говорило не в его пользу. Дело в том, что в последних своих выступлениях он всячески подвергал нападкам все семя Давида, изрыгая по этому поводу столько злости и скверны, что порой даже сам удивлялся. Теперь, когда он стоял в центре примерочной, и невысокий носатый Давид пытался подобрать для него приличную готовую «тройку», эти его слова словно молот древнего бога стучали у него в затылке. Что он только ни говорил по поводу этого народа! Страшно вспомнить! И вот он тут, переступил порог дома того самого потомка Давидова колена. Он ничего не смог с собой поделать, это было равноценно тому, как если бы он согласился танцевать с пожилой дамой в зале какого-нибудь отеля за тарелку супа.

А как его принципы – спросите вы? Оказывается, так легко перешагнуть через некоторые из них, когда рядом этот осел, фон Грехт! Впрочем, если бы Ади знал, что Давид никакой не итальянец, разве это имело бы какое-то значение? Помнится, фон Грехт всегда обходил стороной вероисповедание своего портного, он просто хвалил его, как, впрочем, и самого себя, за бережливость.

– Прокат! Это такая практическая штука, не поверишь. Стоило мне взять пару костюмов напрокат, как я стал лучше себя чувствовать. А деньги? Я рассчитаюсь с хозяином мастерской позже, когда они у меня появятся.

То, что у фон Грехта появятся скоро деньги, в этом никто не сомневался. Этот тип вращался в обществе, где еще можно было обзавестись богатыми друзьями, и, возможно, состоятельной покровительницей. Пристроить свой якобы баронский герб, пока он не увял полностью, это было самым плохим вариантом. Но это был не тот путь, по которому следовало двигаться. Ади уже попался на его уловку, и теперь скрипел зубами, смотрел на приятеля, мысленно забивая в его конечности ржавые костыли. После третьего мысленного костыля, он протянул несколько купюр в руку Давиду, и тот поклонился, скинув мелочь в шкатулку, не считая, сам направился, совершить необходимую запись в свой толстый гроссбух. Он еще спросил, как правильно записать его фамилию, чтобы не совершить ошибки. Ади поморщился, мысленно вбил четвертый ржавый костыль в ногу своего приятеля, лягнув его незаметно в эту же ногу.

– Ошибки быть не должно, что поделаешь, документация, она, прежде всего!

Сложив старую одежду в бумажный пакет, перевязав все бечёвкой, обладатель нового пиджака, брюк и жилетки

направился на свою улицу.

– А как же обувь, дорогой? Если сказал раз, то говори два!

Ади еще хмуро оглядел приятеля, тот лишь мило улыбался. Действительно, для постоянной жизни в большом городе требовалась хорошая обувь. Он с сожалением вздохнул, приятель, как всегда был прав, а что касается чужой веры, то какая на сегодняшний день разница. Тогда они вместе свернули к сапожнику.

Глава шестая, в которой мы узнаем некоторые подробности об Иосифе-воине

Иосиф-воин очень давно попал в поле зрения криминальной полиции. Так сложилось, что еврейская община города Линца не приняла общего решения по его вопросу. Поддаваться какой-либо истерии по поводу предсказаний, никто не стал. Поддерживать этого человека никому не хотелось, даже несмотря на убедительные просьбы другой общины. Его предложение, учинить резню в городе, где немногочисленная община нашла приют вот уже на протяжении многих лет, это вообще казалось для многих шоком. И когда городские жандармы задержали Иосифа на границе лесного заповедника, это кому-то показалось выходом. Сам рабби не думал, что Беня, его верный помощник, пойдет дальше его, и донесет на Иосифа. После этого доноса тому предъявили обвинение в браконьерстве и разжигании костра в запрещенном месте.

Так получилось, что судья принял решение уже после некоторых событий. Иосифа осудили на два года исправительных работ. В процессе участвовал некий чиновник по имени Алоис. Его пригласили в качестве эксперта от лесного департамента. Иосиф запомнил этого тщедушного, с виду уже нездорового человека, потому что тот вел себя очень нервно, часто придирался к словам других свидетелей. Практически на ровном месте устроил скандал, судье пришлось временно удалить его, ввиду того, что его консультация выросла в неразбериху. Алоис пришел в тот момент в служебном мундире, его бравая выправка говорила сама за себя. Но стоило ему присесть на скамью, как он терял контроль, горбился, начинал надрывно кашлять. В семье он был признанным тираном, поговаривали за его спиной, что старшему сыну от него постоянно доставалось. Дети этого человека тоже были в его списке, в «списке Иосифа-воина».

– Ади, Алоиз и Эдмунд. Есть еще сестра, но это совсем не то!

Почему-то именно они беспокоили Иосифа больше всех. Но, если посмотреть трезво, то особенно в списке никто не выделялся. Кто будет в будущем политической главой нации, сегодня трудно было определить. По возрасту подходило всего двенадцать человек из всего списка. Через несколько лет доносчик сообщит все известные ему подробности в полицию о странном визитере, но, увы, начальник полиции найдет эти факты «крайне беспорядочными и не подтвержденными». Все сказанное будет тщательно запротоколировано, и на многие годы

надежно погребено в забытие. Позже Иосиф-воин не раз возвращался в Линц, но теперь он не искал встреч со своими единоверцами. Он четко отслеживал судьбы тех детей, список которых приготовил в самый первый свой визит. На тот момент некоторые семьи уехали из города, но благодаря австрийской пунктуальности делопроизводства, найти их не составляло труда. Многие дети не дожили до нужного возраста, и Иосиф с облегчением вычеркивал их имена из своего «черного списка». Потом пришлось вычеркнуть имя Алоиза.

Негласную слежку он почувствовал сразу. И не смог отделаться от навязчивого чувства страха. Оказывается, что есть люди, которым он перешел дорогу. Несколько раз он покидал гостиницу, бросал вещи, и больше не возвращался обратно. Потом до него доходили слухи, что его номер был, подвергнут обыску, что его искали. Кто были эти люди? Он не знал, но догадывался. Если есть такие люди, как его сестра, то должны быть и другие, кто тоже слышит голоса, но трактует их по-своему. Не так, как он. Теперь он стал более осторожен. Два года на исправительных работах по восстановлению австрийских лесов Его Императорского Величества, это был очень большой срок для такого молодого человека, как он. И хотя время не прошло даром, он получил много навыков по нескольким специальностям, но все поиски ему пришлось начинать сначала.

Ламбах

За время своих скитаний совершенно случайно Иосиф смог побывать в другом австрийском городке с названием Ламбах, где существовал старинный бенедектианский монастырь. Когда он оказался внутри стен этого архитектурного ансамбля, то его поразили некоторые вещи, огромные барельефы с изображением странных знаков. Это были знаки свастики. Его попутчик, который, собственно говоря, привел его сюда, рассказал довольно странную историю о бывшем настоятеле этого заведения некоем Теодоре Хагене. Оказывается, что еще в конце XIX века тот совершил длительное путешествие на Ближний Восток, где посвятил время поискам эзотерических знаний, которые якобы были утрачены. Видя эти огромные символы, которые были изготовлены местными мастерами по эскизам настоятеля, Иосиф ощутил почти трепетное чувство ужаса, который разом окатил его душу. На миг он чуть не задохнулся от воспоминаний. Оказывается, что его сестра Мария потом в точности воспроизвела на бумаге рисунки этих странных символов. Не зная значения, она выкладывала эту информацию, которую ей посылал кто-то из будущего, в качестве предупреждения миру о грозящей опасности. Сам Теодор уже умер, и Иосиф не успел расспросить

его о значении данных символов, но близкие соратники святого отца согласились поведать о некоторых знаках. Они с охотой рассказывали о странном чудачестве их старшего брата. Иметь символы других религий для братства бенедекцианства оказалось не столь щепетильным.

– Поймите, это больше дань экзотике, чем религиозные символы. В библиотеке имеется огромное количество древних манускриптов, которые прочесть из нас никто не в силах, ибо не владеем мы знаниями тех эпох. Свастика, согласно словарю Ларюсса, это «крест с равновеликими петлями, концы которых согнуты в форме греческой буквы гамма, индуистский религиозный символ». Однако, свастика – сложный знак, крест, к которому добавлено нечто динамическое, не имеющее ни верха, ни низа, сложный магический символ.

Иосиф не знал, что в детском хоре, который репетировал в данный момент, имеются два человека из «списка Иосифа-воина». Он не придал значения тому, что Ламбах, находится рядом с Линцем. Но, увидев эти знаки древней культуры, он словно получил очередное предупреждение. Сомнений нет, все это правда, скоро грянут и другие события. Следовало к ним приготовиться.

Итак, он стался жить в Австро-Венгрии, где сразу же нашел себе работу, хотя с его недавней судимостью и национальным признаком это было очень проблематично. Но помог случай, он исправил свои документы, и на многие годы смог скрыться под чужим именем. За этот период он нашел, и, судьбой было уготовано, обезвредил двух претендентов в германские вожди. Один раз был устроен пожар, в результате которого сгорел богатый жилой дом. Потом удалось устроить обвал на дороге, под которым погибла еще одна семья из Линца. Заметьте, все это ему далось не самым простым образом. Если морально он был готов осуществить свой план, то на деле, ему пришлось еще долго мучиться в сомнениях. Впоследствии он очень много переживал по этому поводу. Как он думал замолить свои грехи? Не знаю, образы сурового будущего, рассказанные его сестрой, стали реальными в его восприятии. Но именно в тот период ему хотелось все это забросить, покаяться. Возможно, что новый срок заключения, спас бы его от разрушительного влияния этой навязчивой идеи, но он тогда тяжело заболел. А когда выздоровел, то ко всему произошедшему стал относиться иначе, более отчужденно. Так как его никто не искал, и в смерти тех людей никто не заметил злого умысла, то все преступления сошли с рук. А так как ничего ровным счетом не произошло, ему пришлось ждать войны, чтобы определился второй признак

будущего диктатора.

Рахиль

С этой девушкой Иосифа связывала многолетняя дружба, которая переросла в более тесные отношения. Рахиль была дочерью того самого старосты, который встретил его в Линце много лет назад. Тот конфликт, который возник у Иосифа с представителями своей веры, он был окончательно забыт. Казалось, что парня просто никто не узнавал, кроме нее. Да, он давно пользовался чужими документами, и отношения молодых людей были законно оформлены. Молодожены переехали в столицу, где смогли неплохо устроиться. Иосиф снял комнату в доме за городом, он имел стабильный заработок, отлично зарекомендовал себя в торговом доме. Отец Рахиль давно умер, а Беня, ее бывший жених, куда-то на много лет исчез. Теперь сам Иосиф занимался делами, его жена умело вела хозяйство. Казалось, что это было самое счастливое, мирное время. Впрочем, пока он ничего предосудительного не совершал, ему жилось спокойно. Но стоило ему лишь вернуться к теме о будущем, как он становился нервным и неуправляемым. После той длительной болезни многое изменилось, он успокоился. Рахиль все прекрасно знала, ведь она помнила его с той самой светлой минуты, когда он пришел к ним в здание, которое служило синагогой. Да, она не только все о нем знала, но и самозабвенно поддерживала его. Кстати, некоторые его знания о будущем, они сослужили ему хорошую службу. Работа в крупном торговом доме дало возможность избежать некоторых финансовых потерь его хозяину. Иосиф не знал точно, когда и каким образом начнется война, но, наблюдая некоторые политические аспекты, он без труда мог давать вполне трезвые советы. Курс биржи, где хозяин вел некоторые дела, вовремя отреагировал на русско-японскую войну, а также на другие события. Благодаря совету, хозяин вложил некоторые свои средства в акции заводов господина Круппа, что потом вылилось сторицей. Еще ему пришлась по душе идея Иосифа, открыть несколько предприятий по переработке и изготовлению технических материалов для нужд растущей военной промышленности Австро-Венгрии и Германии. Дёготь, плюс новые компоненты – все это было очень необходимо для работы подшипников, валов, других трущихся деталей. Иосиф указал своему хозяину на эти новые возможности в плане роста. Так, тот смог перекупить несколько крупных мастерских и один перерабатывающий завод. Бывший владелец оказался в долгах, и с радостью избавился от своего неприбыльного предприятия. Потом сам Иосиф вложил некоторые деньги из своей части наследства, и стал равноправным партнером. Правда, в названии

фирмы он никак не значился, но по документам проходил полноправным совладельцем. Хозяин сделал на этом деле очень известный мировой бренд. Открыл множество филиалов, и сумел заполучить контракт для поставок германскому военно-морскому флоту. Германия строила военные суда для российского флота, и теперь все смазочные средства выпускала фирма с известным логотипом. Такие же дочерние предприятия были открыты в северных странах. Зависимость от нефтепродуктов была очень большой, но фирма покрывала часть затрат за счет переработки лесоматериалов. Вместе с ростом благосостоянием фирмы росла и семья Иосифа. У него и Рахиль появились дети. Старшие – Марат и Фрида. Имелись также другие многочисленные знакомые и родственники, которые нашли работу под покровительством знаменитой фирмы. Сам хозяин был австрийцем немецкого происхождения, но его жена оказалась еврейкой. Поэтому никаких этнических недоразумений у них никогда не было. Фирма благополучно завершала многие торговые сделки, и мало кто задумывался, что именно могло послужить первоисточником этого благосостояния.

Первая мировая война

Это потом ее назовут именно так, а пока это выглядело больше похожим на невероятный конфликт в Европе. Иосиф поступил в австро-венгерскую армию под своим настоящим именем, следует отметить, это был настоящий поступок. В этом ему успел помочь его бывший хозяин, который сам в армию записаться не торопился. Влияния этого человека было достаточно, чтобы оградить своего ценного сотрудника даже от мобилизации, чего, впрочем, не требовалось. Пройдя все процедуры призыва, Иосиф со своими физическими данными мог рассчитывать на некоторые привилегии. Например, оказаться в отборной роте какого-нибудь элитного полка. В этой армии не существовало ограничения по национальному признаку, австрийцы, венгры и евреи в любой момент могли оказаться вместе. Но Иосиф мог не беспокоиться, он был в интендантской роте, и оставался в постоянном резерве в Вене. Поэтому мог свободно посещать домашних. Это был пока спокойный период его жизни. Так прошло несколько месяцев. Но чем больше мировая мясорубка набирала обороты, тем больше он понимал, что ошибся. Данных на нужных ему людей в австрийско-венгерской армии не было. Он понял, что нужный ему человек служит в германской армии, и присягал кайзеру, а не императору Австро-Венгрии. И, вычислив свою основную ошибку, он приложил все усилия, чтобы его направили на фронт, где располагались данные германские части.

Так оно и случилось. В конце 1913 года венская полиция попросила мюнхенское полицейское отделение, установить адреса «уклонистов», находящихся в пределах города. И уже в январе 1914 года мюнхенская уголовная полиция доставила несколько человек в австрийское консульство. В феврале 1914 года Ади попал в Зальцбург на освидетельствование, где его признали непригодным к службе в армии. Оказывается, что его голодная юность в Вене отразилась на общем физичесом состоянии. Там он получил «белый билет». И это не помешало ему вернуться обратно в Мюнхен, и поступить на службу, но уже в германскую армию. Всего этого Иосиф тогда еще не знал, он сам попадает на фронт. Так прошло два года изнурительных боев, где Иосифу пришлось максимально выложиться, чтобы остаться в живых, и продолжить свои поиски. Однажды, находясь на кратковременном отдыхе, а это случилось после семнадцатого сентября 1917 года, он перелистывал ежемесячный военный вестник, и в списке награждённых лиц, увидел знакомую фамилию одного ефрейтора. Тот получил очередную награду, был награжден «Крестом с мечами» за боевые заслуги III степени. Теперь он нисколько не сомневался – из всех оставшихся в составленном им списке оставалось несколько фамилий, и одна из них была вполне очевидной. Теперь ему следовало попасть в совершенно другую немецкую часть, то есть в другую армию. И сделать это следовало вполне официально, чтобы не вызвать подозрения. В это время ему помогают военные агитаторы от коммунистов, к которым он успел примкнуть по идейным соображениям. Он давно наладил некоторые отношения с крайне правыми элементами. Нет, он не пытался что-то проповедовать, но его речи несли некий назидательный смысл. Он осторожно предсказывал проявления редкого национализма в Германии и во всем мире, что приведет к нежелательным результатам. Вот с этими крайними предпосылками, он призывал бороться. Иосиф попадает в госпиталь, где ему удается снова поменять документы, так он стал Иоганном Вольтом. Благодаря новым знакомствам и связям, рядовой Вольт очень быстро оказался на Западном фронте, где у коммунистов также были неслабые позиции.

Глава седьмая, описывающая успехи некоторых опытов

Прошло несколько недель. Ученые давно успели завершить первичный цикл намеченных работ, приступили к основной теме. Доктор Канец установил, что трансформировать и пропускать какую-то информацию через время крайне невыгодно. Все его работы велись на основе предыдущих работ, которыми занимались нацистские ученные. Этот аспект умалчивался, потому что люди, которые дали деньги на дальнейшие разработки, приняли серьезные меры безопасности. Часть архива видных ученых перешла американцам, вместе с теми людьми, которые, очевидно, смогли спастись во время оккупации. Другая часть архива, она хранилась отдельно, и попала в руки потомков тех людей, которые были причастны ко всем ужасам и злодеяниям прошлого. Теперь они объяснили доктору Канец, что все будет «по-другому».

– Мы должны исправить прошлое. Ибо ошибки, допущенные прошлым поколением, привели к величайшей трагедии. Вам доверено найти надежный способ связать время. Эти наработки помогут вам.

Он получил выписки из ежедневных журналов одного немецкого лаборанта, фотографии оборудования всей лаборатории. Именно это помогло ему повторить то, что уже было достигнуто ранее, и продвинуться дальше. Так, с помощью Лиона, своего нового помощника, и его новых идей, доктор Канец смог совершить рывок в «своей» работе. Теперь он полностью был уверен, что это чисто его направление, потому что он знал, как следует поступить дальше. Использовать человека, как антенну, воздействуя на участки его мозга, посылать сигнал, созданной нацистами машиной, в нужный временной период, вот основная идея нового научного тандема. Если молодой Лион хотел кардинально изменить мир, то доктор Канец был менее амбициозен, его устраивала только степень величия такого открытия. Он мог продать разработки японцам, русским или американцам, тем самым «кинув» своих нанимателей, заподозрив их в «нечестной игре». Какие для этого были основания? Ему никогда не отдавали на руки все имеющиеся в наличии документы. Это наводило на мысль, что ему не доверяют. Потом, адрес его «сестры»-связника и общее руководство институтом, они как-то расходились в мелочах. Если призадуматься, то по-настоящему, между его работодателем и им существовал

небольшой буфер. Почтовый ящик. Он никак не смог напрямую связаться с нанимателем. Доктор Канец подозревал, что за его работами кто-то следит в самом филиале, но пока не установил, кто именно это мог быть. Сам доктор вел себя очень осторожно, и не давал повода, чтобы его могли заподозрить раньше времени. Он надеялся, что успеет все сделать и исчезнуть с горизонта, прежде чем его наниматель поймет, что все результаты открытия украдены. Молодого Лиона, своего нового ассистента, он во все планы не посвящал, но дал ему пару ниточек, чтобы тот сам что-то увидел, и решил, на чьей он будет стороне.

Итак, в фазе новых разработок, они действовали сами, без добровольцев. Иногда, даже без лаборанта. Лион сам садился в кресло, его обвешивали, точнее, обматывали бинтами с датчиками. Включали машину, настраивали самописцы. И он, смотря на картинки, начинал представлять некие образы, мысли, чтобы аппарат мог послать все это в далекое прошлое. Это длилось долго, очень долго, и не было понятно, чего именно они добились. Потому что на этот раз обратной связи долго не намечалось. После целой недели, они решили изменить параметры посылаемых сигналов. Но вот однажды вечером случилось чудо. В мозгах Лиона словно взорвалась граната! Он наконец-то услышал чужой голос. Но это была не прямая речь, а нечто, неразборчивое звучание, произнесенное человеком. Словно слабое радио, через возникшие шорохи и шумы. Он с трудом разобрал женский голос. Все это было словно отражение, шифр мыслей. Затем появились изображения, это было самое невероятное, для Лиона, он что-то увидел. Более того, любое его мыслимое слово или произнесенное им, на той стороне слышали. Оказалось, что там кто-то давно его слышит, и ничего толком не понимает. Потому что Лион успел выслать очень много неотсортированной информации. Его мысли сами по себе часто муссировали тему прошедшей войны, непроизвольно возникали навязчивые сцены ужаса концлагеря, где ему пришлось побывать. Это порождало на той стороне моста излишний страх, панику. Сами подумайте, каким негативными импульсами это все выкинуло в голову несчастной женщины, которую считали больной, чуть ли неодержимой демонами. И только этот новый этап контакта позволил ей понять, что она не сходит с ума, а слышит настоящего человека! Человека из далекого будущего!

Про себя женщина успела сообщить, только имя, возраст и дату совершаемого контакта. Да, особенностью этого сеанса было то, что она свободно говорила то на идиш, то на немецком языке, то на французском. Лион, долго побывав в чужой голове, вдруг попал в транс. Он не понял, когда наступил момент потери

сознания, но доктор Канец вовремя вывел испытуемого из этого состояния. Для этого дал понюхать парню раствор аммиака. Потом он аккуратно завершил работу всего агрегата, записал все полученные координаты и используемые данные показатели всей установки. Это был их первый совместный успех! Лион еще лежал на кушетке с напряженным лицом, пытаясь осознать степень его прорыва, словно переваривал полученную из прошлого информацию, а доктор брызнул на него из стакана водой, пытаясь снять очевидные последствия возникшего шока. Потом они громко переговаривались, перебивали друг друга, словно подростки. Им было что сказать. Потом говорил Лион. Он делился ощущениями, которые получил, побывав где-то еще. Он видел глазами этой девушки чужое помещение, высокого темноволосого юношу, других родственников.

– Это какая-то небольшая еврейская община или семья. Они живут в какой-то области Германии, но говорят еще на французском языке. Там еще был высокий молодой парень. Его звали Иосиф. А женщину зовут Мария! Они брат и сестра. Надо повторить сеанс. Когда мы сможем это сделать?

Вся эта информация очень насторожила доктора, но сам он не подал и виду.

– Я думаю, что тебе нужно отдохнуть. Мы пока соберем достаточно информации о тех людях, и все подготовим. Твой мозг не может подвергаться таким нагрузкам, последнюю неделю ты только и делал, что нырял в прошлое, просто, не было этой обратной связи.

– А если именно физическое состояние, подобно усталости, дало возможность этого сеанса?

– Не знаю, не могу рисковать тобой! Поверь, они теперь от нас никуда не денутся. Днем раньше, днем позже. Потом этого Иосифа нужно проверить, может быть, он еще жив, и уцелел.

– Вы сами в это верите? Как это еврей мог уцелеть в двух мировых войнах, да, он мог бы еще жить, по возрасту очень старым человеком. Но в Европе произошли такие колоссальные перемены, что вряд ли кто-то остался жив.

– А священник? Вспомни, он недавно умер, а его сеансы были еще раньше.

Лиону не хотелось медлить, он был готов продолжать начатое. Но доктор Канец видел степень его усталости и истощения, следовало сделать перерыв.

– Я тебе дам снотворное, ты хорошенько выспишься, а потом мы все это повторим, я надеюсь, что у нас теперь все будет так, как мы захотим.

Лион лег в постель, его голова действительно раскалывалась,

ему следовало отдохнуть. Он ложился, с одной только мыслью, что очень скоро он проснется и все снова повторит, шаг за шагом. Доктор Канец удостоверился, что помощник уснул, выключил в его комнате свет, и закрыл за собой дверь.

Глава восьмая, нелишнее знакомство. Ритуал

1919 год. Мюнхен того времени можно было сравнить разве что с Парижем. По численности населения, как очень оживленный культурный город. По общему историческому значению. Богатые городские районы, исторические памятники, старинные учебные заведения. Выставки. Несмотря на войну, люди продолжали там жить своей жизнью.

Спиритический сеанс ничем примечательным, на первый взгляд, не оказался. Сначала гости познакомились друг с другом, потом долго готовились. Кто-то курил, сидя за отдельным столом, остальные нервно прохаживались, чувствуя свою некую неуверенность. Хозяйка со знанием дела рассказывала о том, как должна стоять мебель, и как следует посадить присутствующих. Она ужасно картавила, чем вызывала нелишние усмешки. Ее усики еще раньше послужили прицелом для шуток приятелей.

Так получается, что новый век принес не только много технических новинок, открытий и изобретений, но и очень много теологических выкладок, в которые верили или хотели верить людские массы. Оккультизм стал неким брендом. Психологические сеансы знаменитых ученых производили эффект взорванной бомбы. Такого еще не было. Имена Зигмунда Фрейда, Юнга, с одной стороны, и таинственной Блаватской – с другой. Это были сенсации, успех которых витал где-то в воздухе. Всем было это интересно, и многие ждали чего-то необычного от всех этих салонов, богемных вечеров. Посудите сами. С одной стороны, жители больших городов видели нищету, толпы безработных, множество инвалидов, вернувшихся с войны. Они сами едва сводили концы с концами, а с другой стороны, многие могли себе позволить громкие выпады, громогласные обещания, призывы к темам, о которых раньше никто не задумывался. Имелся некий потенциал, о котором думали все. Населению требовалась некая идея, которая могла объединить всех, и множество этих идей уже витали в воздухе, были на слуху. Стоило лишь расширить все это, скажем так, «разжевать», чтобы они стали более доступны для остальной части населения.

Этот вечер с самого начала показался фон Грехту скучным занятием, он уже хотел съязвить по данному поводу, но, увидев серьезное лицо своего приятеля, решил потерпеть. Мероприятие, ради которого они обзавелись новой одеждой, должно было закончиться за столом. Ради приличного ужина тут он мог

просидеть сколько угодно. Всем выдали верхние балахоны с капюшонами темного цвета. Попросили одеться. Барон понимающе ухмыльнулся. Нервозность возросла. Восемь человек. Ади еще подумал, и поделился с приятелем своей мыслью.

– Заметил? Какое неточное число участников.

Потом всех пригласили в другой зал. Там царил полумрак. Горели только свечи, шторы были задёрнуты, на столе ничего лишнего не было, только узор несложной пентаграммы. Мелом выведены цифры. Маскарад был не самым изысканным, в голове постоянно возникали ненужные вопросы.

– Никакой закономерности.

Рядом с фон Грехтом села сама госпожа Клявелин. Участницу, которая села с Ади, он не видел, та успела накинуть капюшон, когда вошла. Круг образовали четыре пары, то есть имелось чередование, как мужчина и женщина. Только попросили взяться за руки, начался ритуал. Госпожа Клявелин, изменённым голосом произносила несуразный набор слов. Потом попросила духа короля Фридриха прийти к ним. Почему именно этого короля спросите вы? Так было заранее решено. Ади чувствовал некое напряжение, которое шло от его соседки, на какой-то момент он уловил ее взгляд. Ее лицо было покрыто красным уродливым пятном. Это мгновенно вызвало в нем самом резкое к ней отвращение, он непроизвольно сильно отдёрнулся, но соседка крепко держала его руку. Вообще, что-то такое началось. Мертвая хватка сжала его и без того больную руку, и на какой-то момент он практически ничего не мог сделать. Девушка с красным лицом оказалась на редкость очень сильным медиумом. Никакого духа короля Фридриха вызвать не удалось, но то, что случилось, это ни в какие рамки не входило. Ади вдруг увидел себя ясным днем, на какой-то знакомой улице, где несколько человек с оружием в солдатской форме пытаются задержать его. Он видит красные банты на верхней форме высокого темноволосого немолодого человека, тот смотрит только на него, что-то говорит остальным. Медленно тянется за пистолетом, который висит в кобуре слева. Сейчас он его достанет, и что произойдет с ним потом, ясно, как день божий! Потом это видение пропадает. Ади видит огни костров в центре площади, где темная ночь, озарена сильными пожарами. Пахнуло настоящей гарью, несколько высоких энергичных парней кидают в костер связки книг, стопки пластинок, сломанные рамы и картины. Вдруг также раздается несколько выстрелов, один парень удивленно оглянулся и медленно сполз на асфальт. Рубашка темно-серого, возможно коричневого цвета обагрилась красным пятном. Наступила темнота. Все остальные видения мелькали кратковременными

кадрами, наполняя уши неразборчивым шумом. Ади видел нечто, и не мог решить, что же это все такое. Вот мелькнула Эйфелева башня, он явно увидел ее из салона автомобиля, который быстро двигался по центральному бульвару от Триумфальной Арки к набережной Сены. Следующее его видение накрыло его волной огня и боли. Тут он ничего не увидел, но явно почувствовал. Словно мощный взрыв откинул его назад, что-то неравномерно сдавило в груди. Стало трудно дышать. Ади ничего не понял, хотел закрыть руками лицо, а видение вдруг исчезло. Оказывается, что он просто разомкнул круг! Его взгляд стал более осмысленным, и он заметил, что давно уже включили другое освещение. Люди выпрямились, и, возможно, что смотрели только на него. Девушка, что находилась рядом, тут же накинула на лицо свой капюшон, и медленно покачиваясь, как пьяная, встала, и вышла вон. Больше он ее никогда не увидит. Ади посмотрел на свою руку, она покраснела от сильного напряжения, но ничего страшного, не сломана, и ладно.

Госпожа Клявелин громко извинялась перед остальными участниками, по ее словам сеанс вышел из-под контроля. Фон Грехт сидел, тупо уставившись в одну точку. Оказывается, что он увидел свое будущее, как медленно замерзал где-то в бесконечной степи, и не было никаких сил даже застрелиться. Потом он забудет всё это, как страшный сон, и до самой зимы 1943 года ничего не вспомнит. Его услужливая память спрячет это воспоминание куда-то глубоко, до самого момента этой страшной развязки. Двое остальных мужчин, которые участвовали в сеансе, тоже увидели какие-то обрывки прошлого или будущего, но для госпожи Клявелин они были лишь статистами. Она смотрела на молодого человека, оценивая степень его шокового состояния.

– Кажется, что король Фридрих сегодня занят! Прошу всех в гостиную, к остальным гостям!

Дверь вновь открылась, и все поспешили пройти в другой зал, балахоны они оставили прямо тут. Их стал убирать пожилой слуга, который потом загасил лишние свечи. В зале оказалось еще несколько гостей. Соседки-медиума тут не было. К приятелям подошел невысокий волевой человек, их представили. Он назвался господином Рудольфом фон Зеботтендорфом. Это имя они уже слышали давно, и честно признаться, что не были готовы к такой неожиданной встрече с ним. Человек представился ученным, но Ади уже знал, что он представляет очень серьезный финансовый и политический круг людей в Мюнхене. Это был современный идеолог, который недавно создал общество «Туле». И, судя по резким высказываниям прессы, оно считалось

расистским. Ади в данной ситуации старался говорить как можно меньше, что было совершенно ему не свойственно. Он не пытался что-то изображать из себя и делать умный вид, был самим собой, вел себя естественно, пытаясь, прежде всего, понять своего собеседника.

«Меньше говоришь, больше можно услышать!»

Господин Рудольф предложил присутствующим здесь господам, ознакомиться с номером его еженедельной газеты «Мюнхенер беобахтер». На передовице можно было увидеть за его подписью целый курс его лекций по древней истории человечества.

– Немецкая культура – это остаток самой древней и могущественной культуры на земле. Немецкий язык несет в себе уникальный шифр, который оставили нам гиперборейцы. Сегодня нельзя замалчивать, что многие астрономические открытия немцам известны с незапамятных времен. Откуда? Все очень просто! Они достались нам вместе с нашим языком. Именно он был источником для создания рун. Мы, вместе с моими единомышленниками, докажем, что немецкая нация – единственная расовая структура, достойная наследия могущественных ариев.

После сеанса громкий голос этого господина вызывал бы раздражение, но все его слова лежали почти в той же плоскости, которую разделяли сами приятели, как военные немецкие агитаторы. Господин фон Зеботтендорф принадлежал к современной политической элите, которая хотела контролировать весь город. Коммунистическое движение Германии набирало силу, но в противовес ей возникли и другие реакционные силы.

– Кстати, господа, познакомьтесь. Это Карл Харрер. Он и есть редактор данной газеты. Надеюсь, что нам есть что обсудить?

Он кивнул на лежащий, на столе газетный номер «Мюнхенер беобахтер» («Мюнхенский обозреватель»). Они пожали друг другу руки. Редактор пригласил господ посетить его редакцию. Он не стал скрывать некоторые трудности своего дела. Штрафы по делам о клевете ведут его газету к банкротству.

– Обычно у нас помещают объявления. Пока мы остро нуждаемся в заказах. Но я не сомневаюсь, что смог бы взять некоторые ваши статьи, новые тексты для издания. Если вы, конечно, что-то напишете.

Такое предложение оказалось неожиданным. Ади пока не задумывался, что может написать что-то серьезное, и эта, высказанная другим человеком мысль, ему понравилась. Он еще не знал, что очень скоро выкупит эту газету. Тут вновь появилась хозяйка, и пригласила всех к столу. Фон Грехт с облегчением

вздохнул, кажется, что только его желудок напряженно бурчал.

– Наконец-то! Черт возьми.

Стол представлял собой настоящую роскошь, которую могли позволить себе не все жители города. Прошел камердинер, пожилой слуга, который помог всем занять свои места. Оказывается, что к ужину тут отнеслись очень внимательно. Основные блюда заказали в ресторане приличной гостиницы, где, как сообщила всем мадам, самые лучшие повара в этом городе. Вина выбрали из домашнего погреба. Обслуживали мероприятие нанятые официанты. Сразу предложили наполнить бокалы. Тост в честь памятной даты покойного императора, вызвал легкую усмешку у всех. Все прекрасно понимали, что встреча очень далека от дел покойного императора. За столом было очень много незнакомых приятелям людей, но сегодня это их совершенно не тревожило. Во главе стола сидела хозяйка салона, она много говорила, следя за сменами блюд. Такой стол напоминал волшебство – блеск столового серебра, звон хрустальных бокалов. Белоснежные салфетки, накрахмаленная скатерть. Кажется, что такого не может быть, после нескольких лет военно-полевой жизни, все это воспринималось, как волшебная сказка. Фон Грехт уже проникся особыми чувствами к своей соседке, женщине с дорогими серьгами и жемчужными украшениями на шее. Он делал ей комплименты, словно нехотя налегая на содержимое своей тарелки. За его спиной исполнительный официант успевал регулярно подлить вино в его пустеющий бокал.

–Можно сказать, что смотрины прошли успешно.

Многозначительные взгляды двух пожилых джентльменов. Когда с блюдами было покончено, все, не торопясь, встали. Фон Грехт с сожалением оглядел стол. Мужчинам предложили сигары. Они прошли в курительную комнату. Ади никогда не курил, но прошел вместе с остальными. Официанты принялись убирать со стола. Итак, новичков в этот день было пятеро. Из них упор делали на двух человек с военной выправкой. Согласно рекомендациям женщины-медиума, один из них имел очень впечатляющие данные. Она с трудом смогла сообщить о своих видениях, но этого было достаточно, чтобы обратить внимание именно на них. Пожилой человек, который представился профессором, несколько минут посвятил рассказу о своей научной экспедиции. Потом вернулась хозяйка и сообщила, что имеет честь рекомендовать каждого из новичков для попытки стать членами их нового научного общества. Всем пятерым предложили также вступить в некий орден.

– Имелся некий испытательный срок. Впрочем, еще не поздно

отказаться.

Для непосвящённых была сделана небольшая лекция. Выступал на этот раз невысокий пожилой человек, которого за глаза называли магистром. Его недлинный экспромт обладал таинственным налетом новизны для присутствующих. В общих словах он подвел черту нескольких тем, которые касались будущей программы их общества. В тот момент его речь никто серьезно не воспринимал, но, тем не менее, она почему-то всем запомнилась. Очевидно, что табак, который использовали курильщики, не был достаточно чистым от разного рода индийских примесей, была заметна среди присутствующих лиц некая рассеянность, хотелось расслабиться, сразу со всем согласиться. Даже молодой австриец, который никогда не курил, от этого табачного дыма уловил некую эйфорию. Остальные просто не могли оторвать взгляд от этого забавного и во всем приятного старика. Потом спросили, есть ли вопросы. Их ни у кого не оказалось, воодушевление захлестнуло всех еще раз, а потом открыли окно, и глоток свежего воздуха привел мысли на свои места, радость постепенно угасла, наступило тупое безразличие. Так Ади стал кандидатом в члены тайного общества, которое имело свои планы на политическое и экономическое будущее Германии. Собственно говоря, как новичок, он мог рассчитывать на некоторую поддержку, в том числе и финансовую. Следовало только посещать собрания, участвовать в ритуалах, в дебатах, и поддерживать планы общества.

– Мы обещаем вам в ближайшем будущем представить вас остальным членам общества, а также познакомить с очень влиятельными людьми, чьего расположения следовало вам добиться. Надеемся на тесное сотрудничество. Могу рекомендовать отличного портного. По поводу финансирования можете не беспокоиться. Ведь, как только получите общее одобрение, вам выдадут бессрочный кредит в одном из наших банков.

Это именно господин фон Зеботтендорф предложил ему в ближайшие дни совершить «ритуал защиты», который якобы поможет в будущем, оттолкнет влияние чужих сил.

– Это стандартный ритуал с обычным жертвоприношением. Он позволит кровью защитить новичка от всех чужих посягательств на его индивидуальную энергетику. Следует беречь свои силы, чтобы чужие демоны не смогли ими воспользоваться. Поверьте, иметь пару рисунков на теле, которые обеспечат защиту, это не лишняя предосторожность.

– Мне, что, сделают татуировку?

– Нет, зачем? Это будет временный рисунок, который можно

стереть в горячей воде мочалкой. Просто факт проведения самого обряда должен быть зафиксирован на теле. Я сам носил такую эмблему несколько дней, пока не забыл о ней. Ничего страшного, поверьте.

Ритуал

Рисунок нанесли позже. Традиционного козла резали в глухом лесу. Туда добрались на новом автобусе, взятом в муниципальной службе напрокат. Водителю в тот раз приказали не выходить из салона. Пассажиры вышли, узкая колея тропинки уводила вглубь. На опушке леса лежал старый жертвенный камень, местами покрытый мхом. Там же разожгли костер. Дрова следовало собирать самим. Потом из салона достали мешок с балахонами, все стали переодеваться. Ади оглянулся вокруг, там были все новички, как он сам и фон Грехт. Одна, правда, была женщиной. И только ведущий ритуала оказался довольно пожилым господином с благородным лицом. Когда он начинал говорить, то чувствовался его ужасный иностранный акцент. Оказывается, что он прибыл сюда специально, чтобы лично провести данный обряд. Все остальное выглядело, как ночное шоу, взятое из театральной пьесы. Начался обряд, всем приказали сосредоточиться на визуальных предметах, и некоторое время не шевелиться. Но в какой-то момент людьми овладел мистический страх. Сразу возник вопрос – откуда взялось жертвенное животное? Его они с собой точно не везли. Дрожь пробежала по спинам, словно окатило холодной водой. У связанного животного не было шансов вырваться. Кровь, которую пустил старик, медленно собрали в чашу. Ею потом он нанес пальцем несколько непонятных знаков. Когда измазал каждому новичку лоб, то заставил выпить по глотку. От неожиданности фон Грехта чуть не стошнило. Как ни странно, присутствующая тут женщина решительно сделала свой глоток первой, потом последовали остальные. После этого действия каждый почувствовал некоторое расслабление, словно ритуальный напиток заменили крепким вином. Надписи на лбу и щеках, они уже никем не воспринимались всерьез. Что было дальше? Это вряд ли кто помнит. Новички тупо расползлись по лесу, и только утром водитель смог собрать их всех вместе, пригласил в автобус. Пора было возвращаться в город. Когда они тронулись, то среди них не оказалось этого самого ритуальщика. Никто о нем не вспомнил, сам Ади мыслями находился где-то далеко, словно в дымке, только вслух отметил этот факт. На вопрос ему тогда лишь ответили.

– Кажется, что он исчез сразу, как только ритуал подошел к концу. Что-то тогда вспыхнуло – а может быть, это был бред? Кто

его теперь знает? Возможно, что теперь он и есть наша защита.

Ади помнил, что всю ночь провел у реки. Она проносила мимо него свои темные воды, а он лишь тупо смотрел в ее глубь. Огромный камень в середине течения образовал в темноте странно знакомое очертание, словно древко копья. Экспонат из старого музея. Когда в потоке появлялись странные образы, тихий голос за спиной его успокаивал. Хотелось спать, опуститься, лечь в этот поток, и медленно погрузиться в сон, но голос напоминал, что холодные истоки этой реки берут начало в роднике Хвергельмир.

– И, возможно, это один из двенадцати мощных потоков Эливагар, вода которого уносит навсегда память. Стоит тебе только хлебнуть этой воды, и наступит беспамятство. Ты готов к этому?

Тогда он оглянулся, но никого за спиной так и не обнаружил. Потянуло ветром, стало сыро и холодно. Пошатнулся на месте, он расстегнул ширинку и помочился на этот весь Хвергельмир. Пить оттуда воду он был не готов.

Мысли! Они нахлынули на него с такой силой, что он даже смог им сопротивляться. Что это было? Его личное отношение к тем событиям, что свершились в течение последней недели. Еще недавно он хотел быть художником, или просто архитектором, чтобы строить дома, а сегодня ему всего того оказалось мало. Да, архитектором, но не домов, а целого мира, который открылся для него с такой чудовищной яркостью, что теперь его самого пробирает дрожь. Нет, это не ночной холод, который он испытывает в этом лесу у реки. Тут, если честно подумать, оказалось даже тепло. Это нетерпение вырвать у будущего то, что пока неведомо, незримо. Как тогда сказал магистр? Следует дать только настоящую цену, и выкупить все разом. Цену, кровью и потом. Откупиться, или заплатить? Что он имел в виду? Ценой чужих жизней? Ценой других душ? Сколько же ему нужно этих жизней и душ? Ладно, об этом он не забудет, и, несомненно, подумает потом.

Тот час он помнил слова о том, что мир стоит на грани особых событий, что очень скоро возникнет потребность создать новый германский оплот. Почему бы нет? Именно этим следует заняться. Но как? Где тот первый камень, который следует уложить в основу этого нового? Ладно, пока это не так важно, он тоже подумает над этим, и обязательно вернется к этой теме. Что-то не давало покоя еще. Что? Речи магистра ордена предсказывали появление сверхчеловека. Хитросплетение различных течений, вечная борьба – все это имеет конечную цель. Какую? Конечно, появление чего-то нового, сверхнового, скажем,

нового человека. А что если, действительно, человек еще не завершен? И нужна только новая попытка, которая даст ему могущество остальных богов. И тогда он обретет настоящую власть над природой и остальными вещами, как это могут делать лишь боги. Отрывки из какой-то прошлой лекции, они объясняли всю запутанность современной мировой политики. С его слов существует видимая история, и невидимая, та, о которой рядовой гражданин не догадывается. Странно, отмечает он, но никто никогда не говорил ему об этом. Так вот, придерживаться следует именно этой, невидимой остальным истории. Следует противопоставить свою идеологию коммунизму, и тем, кто занят разжиганием костра мировой революции. Мир, где существует множество таинств, следует выбрать одно из них, чтобы сделать его сильней. Нельзя сказать, что эти таинства злые или добрые, они никакие, но следует совершить свой выбор, и сделать все возможное, чтобы победить вместе с ним, со своим таинством. Это его тоже поразило, словно нашло какой-то отклик в душе, он знал, что рядом всегда что-то есть, именно таинство, запредельное, нереальное, чужое, мифологическое, или их предки только описывали что-то, ставшее впоследствии легендами и мифами. Следует только найти туда ворота, двери, лазейку, которой пользуются остальные, кто уже проник в эти таинства, и сделал их навсегда своими.

Еще ему нравилась тема всемирного заговора, способного поработить весь мир. Он даже знал, кто именно стоит во главе такой организации. И чем больше он об это размышлял, тем меньше у него оставалось сомнений. Идея сломать все религии, чтобы выстроить свою новую, казалась ему в эти минуты именно тем, что требуется будущей нации. Вообще все мысли и слова, которые были произнесены, которые он мог вспомнить, все, что было сказано накануне, все это тесно было связано с корнем «нац» – «нация», «национализм», «изм». Оно стучало где-то в мозгах, не давало забыться.

– Стоит ли считать грехом нарушение правил общества, их социальных табу? Если просто перешагнуть через все это, если самому составить новые правила, то нарушение прежних устоев, окажется не таким существенным. И это навсегда избавит от чужой морали.

Герр Майер

Нет, это не только подпольное имя Владимира Ульянова на дореволюционный период его жизни в Мюнхене. Так еще звали человека, который служил в рейхсвере, в обновленной армии Германии. Там было создано бюро по расследованию подрывной деятельности в войсках. То есть это была по своей сути

контрразведка. Отдел предлагали создатьли давно, еще в период ведения боевых действий на восточном фронте, но именно с возникновением «фрайкора» все стало возможным. Капитан герр Майер набирал себе новых работников. Усиление позиций красных очень беспокоилио некоторые круги Германии, которые он представлял.

– Когда в Будапеште сидит Бела Кун, а в Берлине находится Роза Люксембург, мы должны понимать, что все это единый еврейский заговор, который сегодня шедро спонсируется Москвой. Троцкий и Зиновьев тянут свои руки к Германии. Мы остановим их тут, на юге Германии, в Мюнхене, в Баварии. Нами созданы особые курсы политической подготовки для работы с вернувшимися на родину военнопленными. Там так много левых настроений, это состояние следует решительно переломить.

Именно тогда Ади предложил фон Грехту вступить на курсы, то очень удивился, услышав сначала от своего приятеля категорический отказ.

– Я прекрасно себе представляю, что это обозначают Vertrauensmann, данные курсы. Но основная война закончена, и долго оставаться в армии я не собираюсь. То, что происходит в стране, меня больше не касается. В течение некоторого времени мне нужно хорошенько осмотреться, чтобы понять, куда двигаться дальше. Ты ведь тоже хотел стать художником? Пока не поздно, пора браться за кисть, выполнять заказы, а не заниматься поиском врагов.

Приятель осознавал, что фон Грехт был в чем-то даже прав, следовало найти себе новое занятие. Но те перспективы, которые открывались перед ним в разведке, давали волю воображению. Страну следовало спасать. Где-то в глубине души он уже считал себя истинным немцем. Господин Майер предлагал другой вариант событий. Знакомство Ади с этим человеком было не случайным. Оказывается, что в бюро на него сразу обратили внимание. Он был в числе тех, кто не растерялся, не бросил военную службу, и всячески продолжал выполнять свои обязанности, поддерживая политику борьбы с «ноябрьскими преступниками». На самом деле понять, что именно происходит в стране, и занять твердую позицию было сложно, потому что сама Германия разрывалась в острой политической неурядице. Герр Майер направлял своих агентов в различные баварские реакционные группировки. Порой, имея безобидное название, скажем, молодежное общество по изучению германских древностей, данная организация состояла из ветеранов прошедшей войны, и могла объединить подобные группы под его единое начало. Ставились вполне определенные цели,

подготовить свержение коммунистического строя в Баварии. Для этого в ряды исполнительного комитета рабочих советов проникали под своими или чужими именами агенты рейхсвера, где особых рекомендации им уже не требовалось, потому что их рекомендовали товарищи, которые были направлены туда раньше. Если Веймар был выбран для пребывания правительства рейхстага, как старинный университетский городок, то это обеспечило правительству на некоторое время нейтральное положение, независимость от любого политического влияния. Веймар издавна известен, как культурный центр всей страны. Переносить рейхстаг на север или на юг было крайне невыгодно. Всех устраивали невысокие показатели первых выборов. Когда рейхстаг избрал господина Эберта президентом, это позволило ему самому набирать кабинет министров. Так умеренный социалист стал главой правительства. Но когда министром обороны стал фон Носке, тот сразу узаконил «белый» свободный корпус «Фрайкор», состоящий исключительно из офицеров и унтер-офицеров. Именно они выступили против сторонников Эйнера, который на тот момент уже руководил Баварской Социалистической Республикой. Как побежденной в войне Германии позволили собирать многотысячный рейхсвер? Это практически новая армия. Тут тоже все очень просто. Коммунистическая Германия в центре Европы пугала многих больше, чем далекая Россия. Следовало объединить разрозненную страну. Дать победить другой стороне, было выгодно, потому что только единая власть могла гарантировать обеспечение условий мирного договора.

Увиденные события

Тринадцатого апреля 1919 была провозглашена Баварская Советская Республика. Наверное, это было самое недолговременное государственное образование в мире. Тогда двадцатипятилетний член НСДПГ Эрнст Толлер, Эрих Мюзам, Густав Ландауэр и Евгений Левине смогли сплотить вокруг себя единомышленников, и возглавили Высший орган данной республики Kongress der bayerischen Arbeiter-, Soldaten-und Bauernräte (Баварский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов). Имелся также исполнительный комитет рабочих советов – Vollzugsrat der bayerischen Arbeiterräte, который четко выполнял указания данного съезда. Они имели очень сильные позиции в армии, которую провозгласили Баварской Красной армией. И почти добились некоторых целей. Они взяли под контроль всю территорию Баварии.

Но уже в конце апреле правительственные войска и части «фрайкора» перешли в наступление, чтобы соединиться в

Мюнхене. Кстати, именно тогда на полковых и дивизионных штандартах бригады Эрхарда были изображены знаки свастики *Hakenkreuz*. По сути это был пока один из древнейших идеографических символов. Но в Германии он стал использоваться в качестве эмблемы «расовой чистоты арийской нации». Название происходит от двусложного санскритского слова, обозначающего в переводе «благосостояние». Представляет собой правильный равносторонний крест со «сломанными» под прямым углом концами. Символизирует бесконечность существования и цикличность возрождения. В городе между тем было неспокойно. Этот период был, повторяю, не длительным, пока войска фон Эппа и генерала Носке не вытеснили из Мюнхена коммунистически настроенных оппонентов. Одновременно это можно было назвать началом заката Советов, как официальных органов. Именно тогда на улице Ади столкнулся с красногвардейцами, которые попытались его арестовать. Он был в своей старой военной форме при всех своих боевых наградах, потому что хотел с приятелем фон Грехтом примкнуть к своим знакомым офицерам. Это, они считали, должно было поддержать реакционные силы, к которым они себя относили. Погода стояла ветреная, где-то над городом намечался весенний ливень. Словно получив внутренний толчок, Ади еще с утра не расставался с карабином. Он заранее вышел со съемной квартиры, и должен был пересечь несколько нейтральных улиц, в обход, минуя опасный центр Мюнхена, который еще находился в руках коммунистически настроенных частей. Город он знал прекрасно. Когда оставалось совсем немного, и он мог с облегчением вздохнуть, с боковой улицы вышли несколько вооруженных человек. Это был неслучайный отряд, высокий немолодой человек, который командовал этими людьми, увидев его, вскинул руку и, показывая в его направлении, стал что-то кричать о его якобы антисоветской деятельности.

– Вот тот самый грязный агитатор! Держите его!

Ади испуганно остановился. Его словно поразило молнией. Он вдруг вспомнил, как совсем недавно, сидя на спиритическом сеансе, видел эту самую картину, где вооружённые люди пытались его задержать. Их было больше, за ними появлялись еще люди. Практически оставалось несколько метров, вот они отсекут его от любой возможности побега. Его сначала словно парализовало. Ади сдёрнул с плеча карабин, перевел дрожащей рукой затвор в нужное положение, все это произошло привычно. Дрожь возникла от холодной мысли, что это уже где-то было в его памяти, он поправил головной убор, и выстрелил в толпу. Люди с красными бантами пригнулись, они не ожидали, что первый

встречный вояка ответит им выстрелом из карабина. Он еще раз приготовился, и опять выстрелил. В рядах противника возникла паника. Рикошетом задело одного рабочего мастерового, остальные были вынуждены спрятаться или разбежались по сторонам, некоторые кинулись привычно на землю, но уже вынимая свое оружие, готовясь к ответной стрельбе. Этой самой заминки оказалось достаточно, чтобы спастись. Он еще раз передернуть затвор, чтобы броситься бежать в боковую улочку. Та, которая вывела его на параллельную улицу, где он смог значительно оторваться от красногвардейцев. Там стоял другой вооруженный патруль, среди числа, которых он увидел знакомое лицо. Фон Грехт призывно махал ему рукой, что-то радостно кричал, обращаясь к остальным, стоящим рядом. Ади поправил на голове свою фуражку и, больше не оглядываясь, прибавил скорости. Вязкое пространство мгновенно разогнулось вокруг него, ушло в сторону рябыми волнами. Прошла целая вечность, возможно, просто мгновение. И он оказался среди своих людей. Это были те самые добровольцы, с которыми он еще недавно охранял лагерь для русских военнопленных, находившийся близ Траунштайна неподалёку от австрийской границы. Его хлопали по плечу, с восторгом что-то кричали, а он растерянно поправлял форму, убрал за плечо свой карабин. Вытер рукою пот. Когда оглянулся, то далеко увидел несколько человек, которые теперь не смели подойти ближе. Высокий военный смотрел на него с ненавистью. Кажется, что где-то сверху в грозовом небе со свистом что-то прозрачное пронеслось. В последнее время его часто посещали разные видения.

Следует отметить, что противостояние красногвардейцев и нацистов не было четко внешне выражено. Несмотря на высокий процент революционных сил, которые вроде бы победили, на самом деле это был временный, скорей всего внешний атрибут. Все мужское население в этот момент уже успело побывать под ружьем. А вот проблемы с гражданской одеждой испытывали многие, поэтому некоторые продолжали носить военные кители или штаны. Повторяю, военная форма была временным явлением. Она никак не указывала на политические взгляды. И узнать точно, какого они «цвета», было проблематично. Лишь знаки различия ставили в этой проблеме точку. Да, всем понравилось, что победила революция! Но была проиграна война! Был свергнут кайзер, это обозначало завершение власти, связанной с законным императором, то есть смена политического строя. Обычно на смену монархии приходит буржуазный строй, сторонники которого стремятся к власти.

В этот период Германия представляла собой разрозненные и

распятые территориальные области, жители которых не получили того, что ожидали. Благодаря коммунистическому движению, была закончена война. То есть военные действия прекратились, но ожидаемого результата никакого не добились. Тесные отношения с Советской Россией, где строился новый, никому неведомый мир, это было заманчиво, но подсознательно все понимали, что этими радостными событиями все не закончится. Мир, которого удалось добиться, принес многомиллионные контрибуции, отчуждение территорий, ради которых и затевалась вся эта война. Более того, империя потеряла свои африканские и островные колонии, которые приносили огромные доходы в виде полезных ископаемых и других богатств. Стало ясно, что победителями стали Великобритания, далекие Соединенные штаты Америки и Канада, которые с самого начала войны субсидировали страны Европы.

Возникшие экономические проблемы никто не мог сразу решить. Страна в одно мгновение не могла перейти на мирные рельсы, внутри образовался дефицит товаров, продуктов. Разруха внесла хаос в производственные сферы, не хватало денег для покрытия расходов в промышленности. Смена власти принесла пока только проблемы, которые никто не желал быстро решать. Если у кого-то в стране и были средства, то они теряли силу, потому что возникла массовая безработица, люди вернулись с фронтов, но не могли сразу устроиться на работу. Появилась инфляция, деньги обесценились. Этот период характерен новой денежной реформой, практически новыми монетами и банкнотами. Полновесная марка перестала быть таковой. Бумажные деньги наводнили страну, и никому не было дела до крайностей в экономике. Ценности обесценивались, потому что стране нужно было выплачивать Франции многомиллионные суммы.

Роль советской власти в Германии выглядит, как переходный период, ничем не усиленный, не подкрепленный. Внутренней поддержки у них не было, идея всемирного равенства и братства провалилась. И немудрено, что в коммунистах рядовой германец видел, прежде всего, пораженцев. Предателей, которые привели к поражению в войне. Следует отметить, что пропаганда очень сильно влияла на мнение людей, и все ждали от войны несомненных успехов. Не получив победы, они обнаружили в своих рядах «соглашенцев», которые агитировали за мир, братство и равенство. Поэтому отряды «фрайкора» больше не церемонились, улицы города теперь напоминали ловушку, где расстреливали каждого, кого подозревали в поддержке красных. Их называли «ноябрьскими преступниками». Оказалось, что в

течение последних дней внедренные агенты новой военной разведки подготовили списки людей, от которых было решено избавиться в первую очередь. Они воспользовались заранее заготовленными пропусками, занимались закупками оружия, размещали рекрутированных боевиков на территории складов. Следующим шагом «фрайкора» было уничтожение Рурской Красной армии.

Глава девятая, в которой доктор Канец вдруг осознал, почему именно Лиону удалось обнаружить в прошлом нужный источник

Так оно и было. Доктор смотрел в темное окно, за которым хлестал ветер, лил дождь. В пепельнице дымились окурки. Его бокал был безнадежно пуст. Ему не хватало сил, чтобы подняться на ноги, и пройти хотя бы в сортир. Давно пора было ложиться спать, чтобы на следующий день продолжать свою работу.

–Как она мне ненавистна, эта самая работа! – пронеслось в голове, он вспомнил, что в последний раз, когда ему дали в руки копии чужих лабораторных работ, он успел прочитать имена людей, которых подвергали опытам. Документы были на немецком языке, но с этим у доктора никогда проблем не возникало. Он буквально случайно успел прочесть то, что ему не было предназначено. Имен было много. Но именно замаранные в красную тушь имена сегодня насторожили его.

– Получается, что Лион есть внук этого самого Иосифа и Рахиль. Интересно, он знает об этом? Это потом ему просто поменяли имя и фамилию, и он многое позабыл. Его воспитывали чужие люди. Но имеется номер на руке, и он на сто процентов совпадает с тем номером, который я видел в старых документах. Если я утром сообщу ему об этом, то навсегда потеряю к себе его доверие. Если ничего не скажу, то буду предателем еще больше. Потому что знал, и ничего не сказал.

Доктор Канец уже многое знал о своей работе. Документы загадочного нацистского научного общества показывали ему в копиях, где многое было вымарано и спрятано под тушью. Этой уловки было недостаточно, доктор Канец сумел сопоставить все это и многое другое, что удалось накопать в европейской научной прессе, в запасниках библиотеки, где он искал и готовил материал для статей, и научных работ. Он уже знал кое-что о теории, которая касалась проблемы «Иосифа-воина». В прессе был некоторый материал по судебному делу, которое называли «немыслимым абсурдом». Этого человека обвиняли в серии жестоких убийствах в период между первой мировой войной и приходом нацистов к власти. Потом процесс приостановили, и дело развалили, якобы он отказался от своих показаний. Что случилось потом с этим человеком? Этого доктор Канец не знал, но подозревал, что попал он в руки палачей гестапо, и умер под

пытками. Его дело было изъято, тексты статей об этом судебном заседании, это единственное, что удалось прочесть тогда. Свой интерес доктор Канец не афишировал, но решил собирать отдельный архив нужных документов. Его наниматели и есть наследники этого таинственного общества. Но Лион успел найти свою бабушку, и сделать нужный шаг! Значит, его и этого парня в любой момент могут выкрасть и как-то использовать.

– Изменить мир! А малыш был прав. Все эти слова, которые он слышал с детства, очевидно, что об этом говорили в его семье. Просто он ничего не помнит. Его страхи, фобии, голод. Они только подталкивают его к разгадке этой тайны. Теперь все встанет на свои места. Этот эффект очевидно связан с родовой памятью, никак иначе это уже не объяснишь. Нужно приобрести себе пистолет.

Доктор докурил папиросу, вернулся в лабораторию, чтобы сделать личные копии последнего опыта. Дополнительные отчеты хозяева получат нескоро, но этого времени должно хватить, чтобы подготовиться.

Рыбалка

Утром они встретились в столовой. Повар выложил миску с вареными яйцами, блюда с нарезкой на один общий стол, проверил титан с кипятком, поздоровался и вышел. Обычно этим всегда занимался буфетчик-мужчина, но в этот день он отъехал за продуктами. Женщин на базе не было. Ученые здоровались с теми парнями, которые пришли раньше, выбрали закуску и сели за стол, друг против друга. Доктор Канец внимательно посмотрел на своего молодого коллегу, тот был немного помят, но сон благоприятно на него повлиял, парень прекрасно себя чувствовал.

– Нужно сделать перерыв. Сходим на рыбалку. Ты любишь рыбалку?

– А как же опыты?

– Они никуда от нас не денутся. Потом попробуем повторить несколько последних позиций. Лаборанта я сегодня отпустил на целый день. А пока прогуляемся с удочками к реке, и зайдем в поселок.

– На рыбалку нужно выходить засветло. Сейчас уже самый клев.

– Тут есть неплохое место, где рыбу можно ловить в любое время суток. Река делает поворот, это место достаточно укрепили, сделали небольшой водоем. Мы сходит туда, сфотографируемся.

Они разговаривали негромко, но этого было достаточно, чтобы часть разговора долетела до посторонних ушей. Мистеру Илонгу следовало убедиться, что в их отсутствие в его

лабораторию никто не проникнет, и если кто-то попытается, то узнать об этом будет несложно. Конечно, он не имел подручных средств для слежки, хитроумных устройств, которые бы могли зафиксировать появление постороннего человека в их научном боксе. Но существовала обычная договоренность со знакомым охранником, который некоторое время дня проследит за окнами их лаборатории из окон подсобного здания. Они очень быстро собрались, и вышли. На секунду мистер Илонг отметил, что его знакомый охранник вооружился биноклем. Этой предосторожности было достаточно. Оставлять свои пенаты без присмотра теперь было крайне опасно. Наличие сильного союзника его значительно успокоило. Тропинка увела их в чащу. В нужном месте они свернули к омуту. Место для рыбной ловли было превосходное. Доктор позаботился о червях заранее, пока Лион спал. Прошло более часа, приятели поймали по несколько штук форелей. Место, где река делала свой поворот, было идеальным для рыбной ловли. Скорость течения, небольшая глубина, все это способствовало данному занятию. Рыбу они проткнули длинной веткой. Они уже стали тихо обсуждать последние события, как где-то рядом раздался выстрел. Звук напоминал выстрел охотничьего ружья, но именно это насторожило доктора.

– Этого нам только не хватало. Сматывай удочки, мы тут на ровном месте, прекрасные мишени, как в тире. Помнишь, я говорил, что здесь не любят пришлых. Недавно американские солдаты расстреляли нескольких парней в соседней деревне, обвинив их в поддержке свергнутого режима.

– Но это ведь Франция?

– В том-то весь фокус. Правительство Виши в этих местах было популярно.

Они быстро справились, и почти бегом двинулись по тропе. Возле роскошного куста доктор остановился и увидел сломанную ветку, рядом валялся бумажный пыж.

– Отсюда был сделан выстрел вверх. Сбил ветку. Словно хотел нас напугать. Ну, что ж, будем считать, что ему это удалось. Нам срочно нужно в деревню.

Они достигли нужного поворота, спрятали удочки в кустах и свернули в сторону поселка. Через несколько метров Лион хотел повернуть в сторону магазина, но доктор его остановил.

– Нам нужно в крайний дом. Там живет один мой приятель.

Дом был, как и все сооружения из природного камня, ворот и ограды тут не было, зато двери отличались очень мощными засовами и петлями. Такую дверь не сломаешь и тараном. Хозяин дома выслушал просьбу доктора. Осмотрел бумажный пыж.

– Этот лист был вырван из библии. Такого кощунства можно ждать только от нашего пастора. Всем известно, что только он пользуется такими вкладышами. Очевидно, что именно его тебе следует опасаться. Говорят, что во время войны он сотрудничал с нацистами, но ничего доказать не удалось. Американцы его увозили пару раз, но всегда отпускали.

Потом он исчез в другой комнате, и через несколько минут вновь появился.

– Я приготовил тебе «вальтер», как ты просил, но запасных патронов очень мало. Если бы я знал заранее, то съездил бы к родственнику, попросил бы что-то другое. Будь осторожен. К пастору вчера приезжала черная крытая машина, и, кажется, я узнал лицо водителя.

Глава десятая, где читатель узнает, как развивались дальше события, связанные с опытами. Мюнхен. Коне. Проект

1933 год. Переезд в Мюнхен дал некоторый перерыв в отношениях Иосифа и молодого Вольфа. Тот словно спустил поводья, отдав ценного пленника в руки своим временным подручным. Крупные парни из местного полицейского отделения выглядели карликами возле своего пленника. Приказав не спускать с того глаз, сам нацист отправился в вагон-ресторан, чтобы немного развлечься. Его постоянное общество там привлекало сразу несколько молодых людей, которые выехали вместе из Берлина. Гельмут и Франц. Они были близнецами, и, согласно германским законам, теперь подлежали мобилизации. Им не терпелось попасть в свою будущую воинскую часть. По роду занятий они оба были авиаторы, и им предстояло осваивать новые военные самолеты, это вместо тех гражданских, на которых они начинали летать.

– Авиация. Не успела она распустить свои крылья, как тут же устарела. Считается, что с появлением противовоздушной обороны у военной авиации дни сочтены. Но тут на помощь приходят новые разработки германских ученых, самолеты увеличили свою скорость. Возможно, следует изменить вес самолета. Теперь есть возможность усилить броню. Вы знаете, что такое «летающие крепости»?

Такие разговоры длились бесконечно, молодое поколение стало свидетелем, когда страна стряхнула наконец-то с себя все Веймарские условия договора. Германия полностью становится на курс милитаризации. Ева и Мария. Медицинские сестры. Девушки, как рожденные в Германии, принадлежали к «райхсдойче» (нем. Reichsdeutsche) – «немцев из рейха». Обе окончили трехмесячные медицинские курсы в Берлине, и теперь направлялись на постоянное место работы, в полковой госпиталь. Они были незамужем, и хотели посвятить свою жизнь служению Германии. Но самым интересным, как он сам выразился, любопытным для молодого Вольфа экземпляром была Эмма. Это была яркая блондинка. Она, как начинающая актриса, подписала контракт со знаменитым агентом, и теперь входит в одну известную, агитационную группу. Им предстояло снимать различные ролики, прославляющие величие нации. Своим творчеством эти молодые люди тоже служили Германии. Эмма отвечала на ухаживания молодого сотрудника, который своим

таинственным поведением привлек внимание сверстников. Как человек начитанный, Вольф мог рассказать о результатах интересных экспедициях, отчетами которых он мог свободно пользоваться. Но он никогда этого не делал, зато мог бесконечно рассказывать о вполне нейтральных темах, связанных с научной деятельностью или историей древностей. Конечно, молодые люди заметили, что люди Вольфа сопровождают некого неизвестного. Но разговор об этом человеке они никогда не старались поднимать. Облик молодого человека не обманывал сверстников. На его строгом костюме имелся значок членства национал-социалистической партии. Его уверенные повадки, короткие приказы, которые подчиненные люди с тяжелыми подбородками выполняли сразу и беспрекословно. Все это действия существовали в параллельном мире зазеркалья. Страна была на пороге огромных событий, и полицейский «беспредел» обеспечивал внутренний порядок и контроль на всех территориях. Вольф мог одним только движением исполнить любое желание своих новых знакомых. Один раз он даже задержал поезд, когда одна из подружек не успела вернуться в свой вагон. Он приказал проводнику проследить, чтобы «фройлин Ева» благополучно вернулась на свое место. Состав с поднятыми парами ждал девицу лишних три минуты, а когда та вернулась, то счастливо объявила о радиосообщении. Это было правительственное сообщение:

– Сегодня, тридцатого января 1933 года президент Гинденбург назначил нового рейхсканцлера (главу правительства) вместо Курта фон Шлейхера. Вольф предложил отметить это событие. Все отправились в вагон-ресторан, где молодой сноб приказал угостить шампанским всех присутствующих в тот момент лиц. Конечно, он сам за все заплатил. Кандидата на главу правительства Германии он знал не понаслышке. Именно этого человека много лет назад Иосиф-воин пытался несколько раз убить.

– Чем же был вызван такой интерес у старого еврея? Этот вопрос уже не стоял, но как враги партии узнали о нем? Это еще предстояло выяснить. И пусть молодой Вольф окажется рядом в этот момент, он знает, как воспользоваться нужными знаниями. Он не доктор Коне.

Мюнхен

Город встретил приезжих красочными флагами и транспарантами. Оказывается, что смену главы правительства решили отметить в масштабе государственного праздника. В город пригласили нового рейхсканцлера на открытие памятной доски. Но у того были свои планы, его визит в город пока

откладывался. Тут молодые люди распрощались, очевидно, что их пути разошлись на многие годы. Вокзал был полон различных людей, некоторые уезжали, кто-то оставался, провожал своих близких, или встречал приезжающих. Берлинскую группу встретил помощник профессора Фюста, он сообщил, что для них забронирован номер в городской гостинице «Vier Jahreszeiten». Парень долго пялился на высокого узника, который был прикручен стальными наручниками к сопровождающему его человеку. Они прошли к подогнанному для них черному автомобилю. Багаж поднесли служащие станции. Так Вольф в сопровождении переодетых полицейских привез узника в назначенное место. Это был гостиничный номер, где им предстояло переночевать. Ничего не предвещало никаких неприятностей. Портье протянул ключи. Вышколенная прислуга проводила, открыла двери в номер. Это был третий этаж здания. Вольф заранее потребовал заказать сразу два соседних номера, и чтобы имелась аварийная дверь. Он сам проверил окна, они выходили на одну сторону улицы. Как только двери за посыльным закрылись, он кивнул сопровождающему, и тот стал отстегивать пленника. Помощник выслушал все замечания своего нового коллеги, и откланялся. Вольф сел в кресло, и внимательно просмотрел телефонную книгу, это был короткий релиз городских номеров. Ничего знакомого. Молодой человек поморщился, достал из кармана записную книжку, полистал ее и стал звонить. Некоторые абоненты не отвечали, с кем-то пришлось разговаривать через взявших телефонную трубку родственников или знакомых.

– Очевидно, что вечер не удался. Иосиф, знаешь, но быть в твоем обществе, не самое лучшее времяпрепровождение. И скоро, я думаю, все изменится.

Иосиф сидел на отдельном стуле, его рука была надежно пристегнута к чугунной решетке камина. Рядом находился переодетый сотрудник. Это был последний вечер их командировки, завтра парни уедут обратно в столицу. В положенное время в номер постучали. Полицейский осторожно приоткрыл дверь, посмотрел. Ничего подозрительного. Официант в униформе с небольшой тележкой. Это им привезли ужин. Вольф мгновенно собрался. Сегодня он ужинал в ресторане. Ничего говорить не хотелось, но Вольф пожелал Иосифу приятного аппетита.

– Скорей всего, это твой последний ужин в таком месте. Пользуйся, я заказал тебе пива, если, конечно, ты не против.

Он вышел, и через несколько минут лифт привез его на первый этаж. Заказанный столик находился возле небольшой

эстрады. Человек за роялем осторожно перебирал пальцами клавиши инструмента. Ненавязчивая музыка не вызывало особенных эмоций. Легкая композиция, словно ветерок, скользила между пальцами пианиста. Публика медленно заполняла зал. Скоро не осталось свободных мест. Все остальные столики были только на двоих. Когда Вольф сел, ему принеси меню. Он уже был в этом месте, и это позволило ему быстро сделать заказ. Из меню вин он выбрал южного сорта германское вино, во вкусе которого был точно уверен. Довольно внушительная фигура менеджера все время внимательно следила за обслуживанием его столика. Когда принесли заказ, человек поклонился и отошел. Вечерняя программа состояла из вокального номера известной актрисы, духового дуэта немецких музыкантов, и выступления эквилибристов.

Немолодая женщина в белом платье с открытой спиной исполнила свой номер. Ее внимание было устремлено на первый ряд, освещенный софитами. Именно Вольфу досталось все ее внимание. Он знал эту женщину, и кивком предложил официанту наполнить ей бокал. Пока она пела, и медленно обходила эту окружность зала, он не сводил с неё глаз. Ужинать он давно перестал, курил сигарету. В какой-то момент служащий преподнес ей поднос с бокалом вина, она, не удивившись, продолжала петь, подняв вверх этот самый бокал. Всем понравилась эта песня, голос и исполнение были на высоте. Женщина пригубила вино, поставила бокал на поднос, поклонилась. Негромкие аплодисменты, свет погас, на сцене появились двое других музыкантов. Дуэт братьев, которые виртуозно играли на трубах. Номер был не новый, Вольф его уже видел не раз. Пока те начинали, к его столику присоединилась певица. Она уже успела набросить на голую шею что-то вроде длинного цветного боа. Когда она садилась, Вольф мужественно привстал и помог ей это проделать. Женщина ожидала его оправданий или упреков, но Вольф переключил свое внимание на трубачей. Единственный раз он посмотрел на нее, когда принесли заказанный им букет цветов. Их он подарил сам, сунув крупную купюру в руки продавщицы – цветочницы. Эльза наконец-то не выдержала, и, наклонившись, спросила:

– В чем дело? Где ты все время пропадал?

– Дела. У меня много дел, сегодня вернулся из Берлина. Очевидно, что теперь останусь здесь.

– В гостинице?

– Нет, в Мюнхене.

– Ты сегодня придешь ко мне?

– Конечно, дорогая.

После выступления трио в обтягивающих темных трико наступило время ее заключительной песни. Эльза уже успела вернуться в гримерную комнату, чтобы переодеться. Она проверила макияж, и в нужный момент выскользнула на сцену. На этот раз она была в коротком черном платье. Ее копирование поведения популярной американской дивы имело успех. Она великолепно пела, совершила несколько танцевальных па, а когда закончила свой номер, Вольфа за столом уже не было. Люди рукоплескали ей, она поклонилась, и сцена утонула во мраке.

Было уже заполночь, когда Вольф покинул чужой номер и вышел в коридор. Смутное чувство тревоги не покидало его весь вечер, и объяснить это он сам себе никак не мог. Профессор просил быть осторожней с этим узником, поэтому он был намерен провести остаток ночи в своем номере. Подходя к дверям, он насторожился, негромкие звуки и неясное мычание доносилось из номера. Вольф достал свой пистолет, с которым он редко расставался, ударом вышиб дверь, и подождал. В полумраке комнаты что-то происходило, следовало войти внутрь, чтобы понять – что. На звуки удара выскочил коридорный. Он сонно натягивал свою форменную куртку. Вид человека с оружием его очень встревожил, но потом он узнал клиента, и осторожно приблизился, кивая головой. Вольф приказал зайти в комнату и включить там свет. Сам он блокировал выход. Так как ничего пока не произошло, коридорный осторожно вошел, щёлкнул выключатель. В коридоре и в центральной комнате царил беспорядок. Один охранник валялся тут же, другой был рядом с Иосифом, который уже освободился, но был ранен, выстрелом в грудь. Еще в комнате находилось тело незнакомой женщины. Она была мертва. Вольф повернул ей голову, откинул длинные темные волосы с ее лица. Он узнал эту даму. Когда они днем въезжали в гостиницу, она находилась в фойе. Вольф наклонился к узнику, еще раз все осмотрел, закрыл его рану полотенцем, и прижал все это его рукой. Иосиф поморщился, но рану прижал.

– Что случилось? Видимо, все пошло не так, Иосиф-воин? Потом повернулся к коридорному.

– Срочно вызовите доктора, у меня раненый человек. И пришлите кого-нибудь, пусть тут побудет.

Когда появился еще один человек из персонала, Вольф приказал отвести его к номеру женщины. Это оказалось этажом ниже.

– Открывайте, посмотрим, что нас тут ждет.

Номер был недорогой, следов пребывания посторонних в нем не обнаружили. Чемодан с женским бельем, туфли на полу, плащ на вешалке. Небольшая сумочка на комоде. Вольф все вытряхнул

на покрывало кровати. Ничего, что могло привести к поиску сообщников или установлению личности убитой.

– Под каким именем она зарегистрировалась?

Коридорный уже знал, что ему зададут этот вопрос, ответил:

– Сафорова. Эл Сафорова.

– Пошли отсюда, теперь этим займется криминальная полиция. Но меня больше интересует – прибыл ли доктор.

Узника удалось спасти. Его успешно прооперировали. Возле больничного номера теперь сидел полицейский. Убедившись, что тут он больше не нужен, Вольф покинул больницу. Он уже доложил профессору о попытке отбить узника, и о ранении. Происшедшее вызвало недовольство его босса, но потом тот приказал появиться в отделе.

Коне

Отдел представляет собой отдельный корпус большого здания. Сюда уже привезли весь багаж, но ничего не разобрали. Несколько комнат на первом этаже находились с открытыми дверями. Нанятые рабочие спокойно выполняли свою работу. Переездом руководил молодой помощник профессора. Сам профессор сидел в глубоком кресле, пил кофе, смотрел в окно.

– Вольф, я, кажется, вас предупреждал, чтобы с узника не спускали глаз? Где вы в тот момент находились?

– Я вышел перекурить на террасу, и меня не было всего несколько минут.

Голос профессора был холоден. Сам Коне выглядел не лучшим образом. Переезд спутал все его планы. Дерзкая попытка заговорщиков вытащить Иосифа, словно они знали, что он будет находиться именно в этой гостинице. Это ускорило появление его в Мюнхене. Несколько утомительных часов в автомобиле, и он тут.

– Кто выбрал вам гостиницу?

– Помощник профессора. Он дал два отеля на выбор.

– Очевидно, что они следили за вами с самого вокзала. «Vier Jahreszeiten». Это ведь ваша любимая гостиница? Понятно. Мне уже звонили по поводу этой Эл Сафоровой. Очевидно, что она была не одна.

Ее сообщник находился в автомобиле на улице. Его видел ночной портье. Когда прибыла полиция, автомобиль сразу уехал. Номера ни о чем не говорят. Прокат автомобилей. Сегодня предоставляются даже такие услуги.

Профессор встал. Он был худощав и выглядел выше Вольфа.

– Я отстраняю вас от этого проекта. Это официально. На самом деле, вы должны найти семью Иосифа. Я думаю, что где-то у него есть жена и дети. Они могут носить другую фамилию.

Следует осторожно всех обозначить, и сфотографировать. Потом я поговорю с нашим «воином», и разговор будет носить уже другой характер. А пока мы проверим нашу «чудо-машину» в действии.

Проект

Через неделю, когда состояние пациента улучшилось, его перевезли в здание отдела. Поместили под усиленную охрану в отдельный флигель. Данная операция напоминала настоящую шпионскую уловку. В то время, когда переодетого Иосифа везли в простой грузовой машине в книжном шкафу, другая машина вывезла охраняемого человека с мешком на голове, за черту города. Там провели показательную казнь, труп выкинули в реку с высокого моста. Опыты с этим объектом продолжались. Профессор предположил, что связь с другим временем несет некий личностный характер. С Марией мог связаться только ее кровный родственник, потомок по прямой линии. Но так как сама Мария детей не имела, то линия родственных связей стала более сложной. Кроме родного брата Иосифа имелись еще племянники, которых нельзя было выпускать из вида. Все эти выводы Коне сделал на основе своего общения с некой известной в то время оккультиской, к мнению которой он всегда прислушивался.

– Связь между поколениями? Это достаточно проторенная дорожка, и нет никакого секрета, что люди иногда видят сны о будущем. Обычно, это прямая проекция, вызванная сознанием потомков. Остальные медиумы связываются с другими людьми, и им не обязательно соблюдать правила кровных уз. Тут речь идет о применении вспомогательных усилий. Это могут быть магические символы, знаки, усиленные амулеты. В вашем, научном мире это аналоги проводников человеческого мозга. Медиум видит такие центры, и может со своей стороны влиять на них.

Собеседница часто посмеивалась над попытками своего коллеги подойти к ее древней профессии с твердым научным подходом. Но явные успехи профессора вызвали у нее беспокойство. Его новый образец технической комбинации в виде машины, которая пытается преобразовать символы и звуки в невидимые импульсы, для нее был шоком. Она понимала, что природа уже создала такой аналог в виде уникальных людей, которым было достаточно наложения рук. Они считывали информацию без всяких технических средств. Им было достаточно иметь магические хрустальные шары, амулеты. То, что делает профессор, для нее было подобно грубому вмешательству в неведомую ему сферу.

– Артур! Поймите! Человек уникален, а твои провода никогда не заменят простых рук целителя. Влияние на природу

человеческого разума может привести к полному его подчинению. Поверь, это очень страшно. Нам категорически запрещено вмешиваться в дела этой области. Все это имеет обратный отрицательный эффект отражения. Чем больше влияние, тем больше опасность подвергнуться такой силе самому. Ваши закладки не принесут вам никакого успеха.

Но Артур Коне был неумолим. Его машина уже работала. Созданные им наработки были проверены в работе. Он добился официального разрешения, провести тесты среди жителей страны. Под видом проверки общего состояния, самочувствия люди в белых халатах начали проводить опыты с желающими. Сотни человек прошли небольшие тесты, в результате которых, как считал профессор, их предки увидят будущее, нынешнее настоящее. Им были разработаны плакатные зарисовки и символические, рунные тексты, которые он посылал в недалекое прошлое. Все, кто прошел эти тесты, были жителями города. Период, на который он надеялся повлиять, был определен прошедшим десятилетием. Профессор Коне надеялся, что такая агитация поможет в политической борьбе прошлого. Это было основное требование его нанимателя, главы ордена, которому он принадлежал. Профессор не был убежденным нацистом, но все его окружение было помешано на нацизме. Его упрощенная модель представляла собой небольшой набор приборов, которые помещались в простой комнате. Обычно один лаборант настраивал и вел работу приборов, а другой приглашал желающих, заполнял дневник, куда вписывал данные испытуемых людей. Оба лаборанта были строго проинструктированы по поводу своей работы. Они носили белые халаты, всегда были приветливы, вежливы и обходительны с посетителями. Такие кабинеты возникали в крупных лечебных учреждениях, на курортах. Среди желающих было много молодежи, и лиц пожилого возраста. Статистика таких мероприятий была самая строгая. Людей обычно спрашивали – проходили ли они данное обследование. Дважды старались не привлекать к опытам. Когда количество подопытных людей перевалило за две тысячи человек, доктор Коне прекратил все эти мероприятия. Дело в том, что он отслеживал и отрицательное влияние своих опытов на жителей города. Такие данные он получал из полицейских рапортов, еженедельных медицинских отчетов различных служб. Участились случаи попытки суицида среди бывших участников опытов. Нет, никто не смог связать эти попытки именно с его разработками, но

доктор ждал некого отрицательного результата. И как только подобные факты выявились, он спокойно закрыл данную тему. Лаборантов временно перевел в другие отделы, взяв с них подписку о неразглашении сведений по данным разработкам. Люди немного позабыли обо всем, и в какой-то момент просто исчезли из города. Единственным живым свидетелем всего происходящего была мадам Клявелин, которая вела консультации в первой части опытов. Ее реакция была очевидна. Женщина выразила недовольство произошедшим, она пока не обвиняла доктора ни в чем, но ее присутствие было живым укором для Артура. Он еще поддерживал с ней личные контакты, не теряя ее из виду. Но однажды темный легковой автомобиль остановился возле нее прямо на улице, и мадам Клавелин пригласили сесть в салон. Потом в ее доме устроили обыск, квартиру перевернули верх дном. Кстати, хозяйка так и не вернулась домой. Короткий доклад о научных возможностях данного аппарата Артур Коне провел для очень узкой аудитории. Присутствовали только ведущие специалисты общества «Аненербе». Доктор в общих чертах рассказал о проделанной его отделом работе. Это был обычный периодический доклад отдела, который требовался для закрытия старых заявок по денежным сметам отдела. Он показал упрощенную модель своего аппарата, и огласил некоторую статистику по данному вопросу. Доктор не вдавался в подробности, потому что от него требовали показать только положительный результат. Свой основной аппарат Коне держал в своей лаборатории, а представленную, упрощённую модель пожелали иметь некоторые крупные специалисты других отделов для своих исследований. Набирало силу ведомство концлагерей. Сам Коне хотел закончить свой проект «защиты лидера», под который ему несколько лет назад выделили финансы. Его помощник Вольф выполнил свою задачу, он отыскал на территории Австрии семью Иосифа и установил за ними наблюдение. Когда те пытались уехать за границу, их перехватили, чтобы тайком доставить в Германию. Для стареющего Иосифа эта новость была сильным ударом. Теперь он практически не был нужен, и его пребывание в закрытой от всего мира комнате подходило к концу. Однажды утром его нашли мертвым в постели. Как ему удалось уйти из жизни? Осматривающий его врач покачал головой, потом он запишет, что, очевидно, больной сам остановил свое сердце.

Глава одиннадцатая, в которой новая идеология, словно сорняк, упорно ищет свою дорогу

1919 год. Зима в Мюнхене обычно малоснежная, переменчивая, сильные морозы бывают редко, зато характерно нежаркое, дождливое лето. Сказывается близость юга. Практически стоит постоянная пасмурная погода. На этот момент уже произошла смена правящего режима. Заметьте, не только в самой Германии. В Австро-Венгрии, в России. Царствующие особы незаметно отошли в тень. Великие правящие фамилии оказались не нужны, они потеряли свою былую хватку. Что теперь сможет сплотить великие нации? Какой «раствор» следует приготовить, чтобы народы смогли противостоять будущим трудностям и тревогам. Самым обычным образом на смену приходит буржуазный строй. Это вполне логично, потому что данные отношения давно сложились. Люди, которые создали свои капиталы, уходят в политику. Зачем? Чтобы приумножить свои сбережения, или потратить их на что-то новое. После прошедшей войны трудно было сохранить свои богатства. Потеря богатых колоний в Африке, Китае, на Ближнем Востоке – все это ударило по интересам правящей верхушки. Смена режима, это еще не значит, что произойдет смена политического направления страны. Но, куда теперь поведет свою страну эта самая верхушка?

Германия, раздираемая на разные части, вынуждена была отдать часть территорий Франции, выплатить крупную денежную контрибуцию. Никаких отсрочек платежей по репарациям, страны Антанты не видели никакого процветающего будущего своего противника. Власть искала новые резервы, чтобы укрепить свои позиции внутри государства. А простые люди, которые вернулись с фронтов, столкнулись с голодом, трудностями, с безработицей. Теперь им приходилось искать в себе силы, чтобы перестроиться, адоптироваться, найти свое место в жизни. И не всегда это получалось. Тогда за дело принимались агитаторы из Vertrauensmann, которые склоняли вернувшихся с фронтов людей на свою сторону. Они вели антибольшевистскую агитацию. Так начался новый виток манипуляции сознанием людей. Кстати, лекции на курсах агитаторов вел некто Готфрид Федер.

Еще, это было тревожное, неспокойное время, когда деятельность некоторых эзотерических обществ, типа «Туле», «Ордена нового храма», «Ордена Гвидо фон Листа», казалась не просто таинственной, но и осмысленной. Людям твердили, что

существует некая высшая закономерность жизни. Мир – это сложение многих неравенств. Прежде всего, национальных неравенств. И какая – то нация должна быть выше остальных, главенствовать. Так появились доктрины, провозглашающие нордические, прогерманские идеи. Они постоянно вбивалось в головы населения. А когда следовало найти образ «общего врага», то, конечно, вспоминали о евреях. Еще следовало создать новую общую религию. И сломать старые, ветхие каноны. Как это революционно – не находите? А, что может быть заманчивее этого? «…разрушим до основания, а затем…»

Все было буквально пропитанно этим. Различные идеи находились всегда рядом. Их выкрикивали ораторы на улицах. Печатали об этом в газетах. Их «лоббировали», потому что они казались выгодными. Националистические идеи, они со временем возникли во многих европейских странах, и даже нашли поддержку, как в Великобритании, так и в Соединенных штатах. Неслучайно несколько идеологов нового поколения быстро нашли общий язык.

«Народничество»

Осенняя погода. Интересная дискуссия произошла на одной мюнхенской улице около Кёнигсплаца. Там вели яростный спор два оратора от различных политических течений. Десяток человек их внимательно слушали. Когда коммунистически настроенный пожилой мужчина потребовал привести любые доводы, доказывающие правоту оппонента, тот рассмеялся, и буквально попросил поверить ему на слово, заявив следующее:

– Превыше всего я верю в свой успех, я верю в него безоговорочно. А вы сами понимаете, что находитесь в присутствии величайшего немца всех времен?

Такое высказывание могло вызвать сочувствие, смех или недоумение, но только не в тот день. Дело в том, что этот худощавый оратор пользовался весомым авторитетом среди бывших военных лиц, он им нравился. Особенно тем, что никогда не боялся огрести лишнего в драке. Ему было тридцать, но он выглядел моложе своих лет, напоминал стареющего мальчишку, у которого вдруг отросли волосы, но не исчезло это хрупкое невесомое состояние. Время для него было такое, что прежние ранения пока особенно его не беспокоили. Даже наркотики он принимал не регулярно. Все знали про его воинские заслуги. Еще он категорически не носил боевые кресты, полученные в годы войны. За исключением торжественных случаев, когда надевал свой военный мундир. После дальнейшей громкой словесной перепалки на уличной площади, возникла очередная потасовка. Люди вымещали свою повседневную злобу на посторонних. К ним

уже стремились другие люди, которые не прочь сегодня помахать руками. Группировки враждовали не только по территориальному, но и по национальному признаку. Так, например, от остальных резко отличались те, кто принадлежал к району, прилегающему к железнодорожному вокзалу. Там всегда была временная работа, связанная с разгрузкой вагонов. Очень сильная трудовая организация была в доках. Если посмотреть, то им-то делить было нечего. Еще людей объединяло такое понятие, как «пивная партия». Но ее, как таковой еще не было, просто имелась привычка. Что делать? Ну, собираться в ближайшей пивной, где можно было послушать песни, и обсуждать все грядущие вопросы. Вспомните, что все праздники были связаны со сбором урожая и приготовлением пива. До сих пор Октоберфест на Терезином лугу собирает любителей жареной курицы, кренделей и свежего пива. Сторонники бывшей баварской республики никуда не делись. Вот поэтому коммунисты постоянно искали союзников, но их позиции сильно покачнулись после реакционных событий.

Итак, на Кёнигсплац завязалась обычная драка. Люди не стеснялись в крепких выражениях и ударах. Было очевидно, что драться тут умел каждый. Но благо, что упавших людей никогда не калечили, и редко били ногами в лицо. Вмешалась полиция, которая раньше только наблюдала за выступлением. В руках полицейских оказались длинные дубинки. Дебоширов растащили в разные стороны, некоторых забирали в крытую карету. Молодой оратор в светлой рубашке с засученными рукавами нервно смеялся, выкрикивал обидные ругательства в адрес своего оппонента, которому досталось больше. Кажется, что кто-то кинул в него камень и разбил ему лицо.

Именно тогда Руд, бывший военный, молодой ассистент одного мастистого преподавателя Мюнхенского университета, сошелся с этим энергичным агитатором. В котором, он отметил черты настоящего лидера нового поколения. Еще того интересовали идеи завоевания жизненного пространства, различные оккультно-мистические построения и гипотезы. Руд отметил, что многие выражения, сказанные его новым знакомым, имеют вполне логическое отображение тех идей, которые уже давно витают в воздухе.

В то время Ади еще числился офицером просвещения армии. Это был не просто его карьерный рост, тут впервые он определил свое будущее. Занятия на курсах дали ему шанс показать себя, как темпераментного оратора, способного привлечь чужое внимание. Он стал запоем изучать различную литературу.

Теперь, когда было определено будущее направление

деятельности, Ади смог завести различные полезные знакомства. Через Гвидо фон Листа он познакомился с Матильдой Людендорф, которая была супругой бывшего начальника германского Генштаба. Но это не значит, что он был сразу представлен её мужу. Эрих Людендорф ждал новое назначение. То есть, он продолжал заниматься политикой, начал писать военные мемуары, и как всегда оставался ключевой фигурой в мировой истории. Пока Ади было достаточно появиться среди определенного круга людей, на втором плане. Это чуть позже он сблизится со старым боевым генералом, когда тот войдет в правление Немецкого союза борьбы. Заводы концерна «Круппа» должны были перейти на новые невоенные заказы, а это пока сильно ударило по планам промышленников. У них не было этих заказов, правительство не давало денег на решение глобальных проблем. Промышленность теряла квалифицированные кадры, отсутствие заказов, привело к застою. Стране следовало восстановить всё, что было разрушено войной, экономика остро нуждалась в инвестициях, которых попросту не было. Что бы там ни происходило, но реакционно настроенному правящему классу требовались решительные люди, которые сами что – то могли сделать. Все видели, что правительство Веймарской республики отягощено долгами, и само не в состоянии решить многие наболевшие вопросы. Поэтому поддержка националистов определенным слоем, который тогда назвали «народническим», велась постоянно. Тут не было никаких гарантий, все поставлялось в долг, в расчёте, что смена политического курса что – то принесла полезное. Если коммунисты оказались на виду, в свете произошедших ранее революционных событий, то их политические противники пока вообще никак себя не проявили. Возможно, что они просто собирались с силами.

Вечерние салоны были неистощимым источником для решения некоторых личных проблем. Ади перестал остро нуждаться в деньгах, его новые знакомые стали оплачивать некоторые его расходы. Так, он смог расплатиться за аренду одежды и обуви. Этот унизительный факт был им успешно забыт, потому что теперь он мог позволить себе многое. Впрочем, следует отметить, что в тот момент различные предметы роскоши его мало интересовали. Он стал вхож в некоторые светские круги, а это подразумевало, что следовало следить за своим гардеробом. Но перемен особых не наблюдалось. Его повседневная одежда была самой простой. Он мог носить обычный серый плащ, который висел на нем, как на вешалке. Правда, в шкафу появился новый китель без знаков отличия, который сразу пришелся ему по вкусу, на нем он всегда мог поместить свои боевые награды.

В тот вечер, когда их обоих выпустили из каталажки, Ади и Руд просидели допоздна в пивной, где обсуждали значение личности камрада Антона и созданной им новой Немецкой рабочей партии (DAP). Худощавый мужчина с лицом уставшего ребенка буквально склонился к своему собеседнику. Он допускал некоторые вольности, мог потрепать Руди за шею. Иногда бусинки пота проступали на его лице, но он, кажется, ничего этого не замечал. Он словно репетировал свою новую речь. Представляя себя на трибуне, но мысли сбивались с этой речью.

– Партия! Вот чего не хватало нам все это время! Пойми, только работа в таком сильном политическом течении может решить все вопросы. Следует разработать основную программу действия. И если DAP не связано с коммунистами, то следует завоевать там доверие. Открыть свои филиалы в других немецких землях будет нетрудно. У нас везде есть свои люди! А некоторым можно будет доверить создание ячеек в Берлине и других крупных городах. Партия – это место, где мы создадим свои настоящие кадры. Странно, что до этого пока додумались только коммунисты! Следует выиграть выборы, и попасть в правительство. Нужно, как можно больше людей, способных встать в наш строй! Что потом? Полная смена курса страны! Вот, что ждут от нас рядовые немцы. Мы вновь станем сильными, будущие войны вершатся уже сегодня. Пересмотреть все результаты Версальского договора! Нет! Плюнуть на них! Растереть! Версаль – это была хитрая уловка, чтобы только собраться с силами. Но потом об этом просто забыли. Я не забыл. Каждый предатель ответит за все им содеянное!

Руд быстро пьянел, преданно глядя на своего нового знакомого. За столом сидело еще несколько человек, но все они больше слушали, иногда сообща спорили, поочередно исчезая с места. Затем приходил очередной человек, знакомился с Руди, угощал друзей пивом, а если не было средств, то на очередную порцию скидывались в складчину. Кельнер писал мелом количество кружек, которые он приносил к столу, а когда клиенты рассчитывались, он вытирал надписи, чтобы потом вновь занести следующие.

Вполне очевидно, что именно эти разговоры потом привели Ади в пивную Штернекерброй на очередное заседание этой самой партии. Именно там он вновь попытался сломить общественное мнение. Впрочем, тогда это ему удалось. Надо отметить, что он часто добивался нужного результата. Дело в том, что имея политический опыт отдельной независимой республики, люди почему-то не видели смысла в будущей общей Германии.

– Независимая Бавария? Поймите, это уже прошлое! Сегодня

следует собрать все силы в кулак, чтобы в итоге победила вся Германия. Тогда ни одна сила в мире не сможет сокрушить Германский Рейх. И мне не нужно ваше одобрение. Я не могу ошибаться, потому что выполняю команды, которые мне дает провидение! Люди пойдут во имя всей Германии, Бавария – это только наш форпост.

Следует отметить, что оратор много говорил «о проведении», но такие высказывания никого в то время не смущали. Самому Антону Дрекслеру очень понравилась эта речь, он сразу предложил новичку вступить в их партию, чтобы возглавить отдел партийной пропаганды, которого пока у них не было. Именно тут Ади испытал некоторое разочарование, никакой партии не было! Все было только на словах. Сам Декстер представлял собой импозантного приятного мужчину с длинными усами, который мог всем без исключения нравиться. Он просто воспользовался очень ценной идеей, но дальше идти этой дорогой пока не хотел. То, как быстро Антон его принял в ряды Немецкой рабочей партии, объясняется тем, что численность ее была невысока. Им требовались новые члены. Более того, в кассе партии была смешная сумма, всего пять марок. Когда Ади ознакомился с положением дел, он пришел к выводу, что мог бы сам все устроить.

– Следует снять отдельное помещение.

– В соседнем здании есть просторная комната на втором этаже, два отдельных выхода, окна на улицу выходят. Можно договориться об аренде.

– Еще будет нужен телефон.

– Есть возможность провести кабель, но за все следует платить.

– И требуется управляющий делами. У меня в полку есть один на примете. Еще мы напечатаем листовки, соберем новое заседание, чтобы привлечь новых членов. Наконец – нужна своя программа.

Антон зачарованно смотрел на него, где-то в глубине души понимая, что все, что он говорит, в сущности, правильно. Очевидно, что ему, как простому токарю, все это было не поднять. Остальные члены партии вообще не видели в этой деятельности новичка никакой особой нужды! За красивыми фразами в этой пивной, они неплохо проводили жизнь. Зачем им нужны остальные прелести политической борьбы?

Когда Ади предложил своему приятелю вступить в Немецкую рабочую партию, то неожиданно услышал от него отказ.

– Мне, барону фон Грехту, вступать в рабочую партию? Приятель, если бы она называлась как-нибудь иначе, и только

потому, что ты меня об этом попросил. Но не знаю. Счастливый волк нашел свою стаю? Ади, ну, ты сам посуди – какие к черту из нас с тобой рабочие? Все наши друзья и знакомые, это военные солдаты и офицеры. Даже в городе у нас нет знакомых рабочих.

Теперь Ади пришлось официально уйти со службы. Но все это было частью его задания от Начальника политического отдела рейхсвера господина Майера, которого потом заменил господин Эрих Рем. Парня держали, как агента по секретным поручениям армейской разведки. Буквально через несколько дней DAP переименовали в Немецкую национал-социалистскую рабочую партию (НСДАП), так были обозначены все будущие приоритеты этой партии. Основные направления, которым теперь следовала партия – это полный отказ от Версальских требований, увеличение социальных преобразований, антисемитизм и различные прогерманские идеи. Все это было у всех на слуху. Впервые, чтобы послушать ораторов новой партии, приходилось платить за вход по пятьдесят пфеннигов. И это было только начало.

Иосиф-воин

Этому персонажу повезло меньше. В революционный период он, как Иоганн Вольт, сначала занимал незначительный пост в Vollzugsrat der bayerischen Arbeiterräte. Потом был одним из заместителей Эйгена Левина (Levine) в Баварском исполнительном комитете рабочих советов. Этого оказалось достаточно, чтобы его имя появилось в «черном списке лиц», которых следовало, потом разыскать и поместить под арест, до оглашения приговора военно-полевого суда. В своей основной миссии он не преуспел. Потерял свой объект в городе, не зная, что тот устроился охранять лагерь военнопленных. Понимаете, он не мог прийти с улицы, и поинтересоваться, где тут находится будущий вождь нацистов. Некая доля неразберихи внесла в его планы поправку. Конечно, он узнал, что нужный ему человек прибыл после ранения в город. Осталось лишь проследить, когда тот появится в районе казарм второго батальона. Потом узнать, где он снимает в городе комнату, и дело, как говорится, в шляпе. Встретить человека поздно вечером в темной подворотне, и оставить его с перерезанным горлом, это теперь не представляло для Иосифа-воина особой проблемы. Так бы оно в конечном итоге и случилось, но судьба дала его противнику еще один шанс. Отсрочку. Иосифу пришлось терпеливо ждать, прогуливаясь иногда в нужном месте. Иоганну Вольту, его второй личности, на эту миссию времени почти не оставалось. Партии требовались не просто идеалисты, ей нужны были работники, специалисты по многим направлениям. Чем он занимался? Помогал

контролировать деятельность банков, проводил ревизию работы на ответственных объектах, от которых зависело будущее баварской республики. Следовало наладить снабжение города продовольствием, оружием и медикаментами. Для этих целей требовалось перенаправить часть имеющихся в городе средств на заключение торговых договоров. Странно, именно в это время возникали разговоры о том, что Советская Россия намерена помочь молодой Баварской республике. Часто муссировались слухи, ничем не подтвержденные, о «десанте из Кремля». Именно в этот период у Иоганна Вольта появился молодой помощник, бывший фронтовик, некто Вальтер Гесс. Как потом выяснилось, это благодаря его стараниям вышел из строя целый парк самолётов на аэродроме в Шлайсхайме, куда он был отправлен с ревизией. Иоганн Вольт верил в интернациональную поддержку, часто повторял слова товарища Эйгена Левина о будущем Германии. У него было достаточно времени, чтобы освоиться в Мюнхене. Поэтому он нашел много новых соратников и единомышленников. Люди видели, что страна катится к краю пропасти, и понимали, что только от их деятельности многое зависит в будущем. Наглядный пример Советской России был так заразителен, что, кажется, в положительном исходе деятельности республики никто не сомневался.

Но неожиданно реакция одержала верх. Как это случилось? Поражение в большой войне – это еще не обозначало полный кризис власти. Военные силы, согласно Версальскому договору, не были полностью распущены, их словно специально оставили для единственной цели, чтобы «уничтожить расползающуюся заразу большевизма». Вспомним предложение президента США В. Вильсона на заседании Совета десяти: «Германии необходимо оставить армию для поддержки внутреннего порядка и подавления большевизма». Веймарское Национальное Собрание приняло закон о создании Рейхсвера – вооруженных сил Германии численностью в четыреста тысяч человек.

Последние дни Баварской республики Иосиф встретил с товарищами с оружием в руках. Сначала они организовали уличные пикеты, чтобы нейтрализовать действия противников. Тут патрульные не церемонились, они расстреливали тех, кого задерживали с оружием, и кто не носил красногвардейских значков и бантов. Для Иосифа-воина была последняя попытка исполнить задуманное. Но нужный человек из его списка в городе долго не появлялся. И вот настал день, когда внештатный агент доложил заместителю командира исполнительного комитета, что разыскиваемый вернулся в город. Товарищ Иоганн тут же направил на квартиру подозреваемого лица усиленный патруль.

Как это случилось, что они разминулись? Это сегодня трудно объяснить, но ничего сверхъестественного тут нет, в городе царили беспорядки, постоянно была слышна стрельба. Находиться одному в жилом доме было небезопасно, военные стремились воссоединиться в отдельные отряды, что увеличивало их жизнеспособность. Дальнейшая облава ничего не дала. Стали прочесывать район. И вот сам камрад Иоганн опознал вражеского агитатора, указав на него рукой, а тот оказался вооружен. Возникла перестрелка, в результате которой были ранены несколько человек. Потом агент из старого «линцевского списка» нашел защиту у противника. Попытка, дождаться подкрепления, и выбить их с улицы ничем не увенчалось. Патрульные не желали лезть на рожон. Глухо раздались раскаты далеких артиллерийских залпов, где-то на окраине начались бои. Стекла в домах тревожно заскрежетали.

Именно в этот момент пришла телефонограмма, что в город вошли вооруженные германские части, подчиненные правительству президента Эберта. Командир потребовал, чтобы подчиненные организовали отход. Иосиф-воин с сожалением смотрел на другую сторону площади, там находился человек, которого он искал уже больше двадцати пяти лет.

Он и его товарищи пытались угнать военный состав с бронепоездом, чтобы пересечь границу баварской земли. Но в результате кровопролитного боя сам Иоганн Вольт был ранен. Когда очнулся, то оказался в тюремном лазарете. Рана долго не заживала. Приговор объявили в камере. Пожизненное тюремное заключение. Для наглядности, можно сравнить с судьбами других «баварцев». Многих красногвардейцев приговорили к расстрелу, некоторых повесили. Камрада Иоганна спасло это самое ранение, которое оттянуло срок вынесения приговора. Расстреливать раненого никто не собирался, а потом приговоры к остальным заключенным были уже не такими суровыми. Больше не повезло тем, кого «фрайкоровцы» встретили на улицах, тут они вообще не церемонились.

Несколько лет пролетело в политической учебе и острых спорах с остальными заключенными. Незапрещенная литература поставлялась с воли. Его супруга Рахиль под чужим именем регулярно приносила домашнюю выпечку, и книги из списка, который он составил для чтения. Иногда он мог видеть через решетку своего сына, который уже достаточно вырос без него. Кстати, он получил довольно странное имя – Марат. Очевидно, это была дань эпохи французской революции. А потом его разоблачили, выяснили, что никакого Иоганна Вольта никогда не было. Ему пришлось бежать.

Глава двенадцатая, об очередном кризисе и мятеже. Ади. Проекты. Члены партии. Свастика. Иосиф-воин. Баварские правые. Кризис

1923 год для Германии можно назвать знаковым. Правительство Французской Республики искало рычаги, чтобы повлиять на Германию, которая должна была выплатить свои репарационные задолженности. Германия без устали просила отсрочки, ибо ее захлестнул очередной виток инфляции. Выплаченные германские деньги могли пойти на погашение собственных долгов Франции по военным займам. Поймите, в финансовом мире все взаимосвязано. Это помогло бы совершить следующие займы, которые пошли бы на восстановление страны. Раздать долги, чтобы наделать новые – как это актуально и ныне. Еще требовалось удержать инфляцию. Тогда французские политики Раймон Пуанкаре и Аристид Бриан разработали план оккупации Рурской области франко-бельгийскими вооруженными силами. При этом германская сторона не смогла оказать сопротивление, потому что на тот момент не имела на это права, и не обладала достаточной армией. Рейхсвер мог иметь под ружьем только около 400 тысяч солдат. Задачу с вычетом германских долгов потом решили американцы. Ведь, только они могли влиять на все европейские займы в своей стране. Это был так называемый план Дауэса. Конфликт тогда можно было уладить, ведь новые «немирные» отношения между соседями, которые откровенно устали от войны, привели в тупик. Поэтому при очередных выборах министра Пуанкаре элементарно «прокатили». Его сменил Эдуара Эррио, который обещал обеспечить стабильные торговые отношения с соседями.

Но прежде чем все это произошло, в самой Германии возник очередной политический кризис. Разные политические партии смотрели на этот вопрос по-своему. Сначала возникли ярые призывы к сопротивлению. Вовремя вспомнили, что социал-демократическое правительство безоговорочно приняло требования Франции, чем был вызван экономический кризис. Это многих настроило против Берлина. Заговорили о реставрации дореволюционной монархии Виттельсбахов, что было, впрочем, уже нереально. Зачем отдавать власть кому-то, кто сам ушел с политической арены. Но следует признать, это была смелая попытка. По крайней мере, некоторые политики прикрыли свои

истинные цели именно такими лозунгами.

Мятеж

Зато лидер баварских правых Густав Риттер фон Кара пошел дальше, когда был провозглашён комиссаром земли. Он сам наделил себя диктаторскими полномочиями и рассматривал некоторые дела в пользу Баварии. Только его звание «генерального государственного комиссара» в Берлине рассматривалось, как самозванное.

– Я отказываюсь исполнять приказания Берлина! Им не нравится «Фёлькишер беобахтер». Несколько смелых статей послужили поводом, чтобы ее закрыть. Хорошо, мы создадим новую газету. Следует отделить Баварию от Германии, зараженной марксистской чумой!

Его сподвижник, генерал Отто фон Лоссов планировалось утроить в Мюнхене численность имеющейся седьмой дивизии «правильно настроенных» солдат, этого было достаточно, их могли мобилизовать в любой момент.

– Мы освободим всю Германию от марксизма под черно-бело-красным стягом Империи!

Провели даже демонстрационные «осенние учения», но этого оказалось недостаточно, чтобы начать марш на Берлин. Руководители крайне правых организаций требовали усилить баварский рейхсвер за счет численности своих боевых отрядов. Генералу Лоссу это сразу не понравилось.

– Постойте! Я не могу дать каждому вашему командиру отряда офицерское звание! Сейчас вам нужны воинские звания, потом вы потребуете соответствующие оклады. Откуда, спрашивается, я возьму на это деньги?

Вообще, баварцы выжидали. Так могла возникнуть вполне реальная поддержка в районах Центральной Германии. Там намечался приход к власти крайне левых сил. Практически земли Тюринга и Саксонии отказались подчиняться рейхспрезиденту Германии Фридриху Эберту, и начали формировать собственные вооруженные силы. Однако данное положение дел, прежде всего, свидетельствовало о нарушении присяги. Полковник фон Зейссер в беседе с главнокомандующим общегерманскими вооруженными силами генералом фон Сектом заявил:

– Только рейхсвер, сохранивший внутреннее единство и послушание, может быть непобедимым и сильнейшим фактором в государстве.

Да, лидеры Баварии имели сильную поддержку НСДАП. В крае велась постоянная сильная пропаганда. На тот момент у них были собственные штурмовые отряды (немецкое сокращение СА), ими стал руководить Эрнест Рем. Отряды СА, которые возникли

не на ровном месте. Заметьте, у них уже появилась своя отличительная форма одежды.

Именно наличие реальной силы позволило разговаривать с правительством на равных. Это было время возникновения новых нацисских политиков, типа Кара, Лоссова и Сейсера. И они уже тогда находились впереди всех. Но принято считать, что новый лидер станет не просто политиком, но существом, стоявшим в центре религиозного культа! Очевидно, что были использованы некие таинственные методы влияния на массы, о которых раньше никто еще серьезно не задумывался. Итак, возникло что-то большое, темное и неведомое, что испугало и Кара, и Лоссова. Им было достаточно добиться от Берлина некоторых уступок, не больше. Они захотели отработать обратно, и Кар срочно издает прокламацию о роспуске НСДАП и штурмовых отрядов, мол, решил обойтись без них. Но «колесо вечности» кто-то стал вращать в обратную сторону. Слова о сильном рейхе в Германии теперь не повторял лишь немой. Всем пришлась по вкусу эта неожиданная идея возрождения сильного государства. Она, как заразная болезнь, вдруг выплеснулась на улицы с листовок и передовиц нацисских газет. Когда бумага от комиссара баварской земли Кара попадала в типографии, в штаб НСДАП поступил звонок. Сочувствующий рабочий уведомил о вероломном поступке политика. Этого комиссару потом не простят. Вождь национал-социалистов начал спектакль со стрельбы из пистолета в воздух. Весомая поддержка была от генерала Эриха Людендорф, Гергарда Россбах и командира австрийских добровольцев князя Эрнста-Рюдигер фон Штаремберга. Они призывают в марш на Берлин.

– Следует брать инициативу в свои руки! Это наш шанс, свергнуть правительство предателей в Берлине!

Реально всеми действиями руководил подполковник Фридрих Герман Риттер фон Крибель от «Германского боевого союза» «Дейчер Кампфбунд». Это он отдает приказ захватить все важные здания в Мюнхене. Отрядами СА командовал Грегор Штрассер. Кстати, командиром там формально состоял капитан авиации Герман Геринг. Имелся также доктор Фридрих Вебер от добровольческой организации – Союза «Оберланд», капитан Томас Целлер от «Германского боевого Союза», Генрих Гиммлер от «Рейхскригсфлагге» «Имперского военного флага» и капитан третьего ранга Герман Эргардт Alias «консул Эйхман». Добровольцы «Оберланда» сразу блокировали Центральный мюнхенский вокзал. То ноябрьское утро было особенно тревожным. Колонны, состоящие из штурмовиков и курсантов Мюнхенского пехотного офицерского училища, добровольцев

Гергарда Россбаха, двинулись к министерству обороны. Там команда Рема уже заняла здание штаб-квартиры сухопутных сил в военном министерстве. Они даже успели забаррикадироваться. Но их тут же окружили солдаты регулярных войск рейхсвера, правительственные войска.

Теперь остальным следовало пробиться через ряд военных, которых хотели уговорить, перейти на сторону восставших. До здания оставалось не так далеко, и все казалось уже решенным вопросом. Эти люди крепко держали друг друга за руки. Среди собравшихся было видно несколько женщин. Очень большое количество молодых парней, которые под воздействием усиленной агитации, связались с этим политическим течением. Нельзя сказать, что все они были отпетыми нацистами, скорей всего слепыми сторонниками идеи. Почему слепыми? Да, откуда им было знать, куда приведет этот путь! Еще они были баварцами, которые позавчера поддерживали пролетарскую республику, вчера ее свергли, а сегодня, пропитавшись новыми идеями, шли свергать берлинских предателей. Поэтому их не назовешь случайными людьми – хорошо организованная масса, прошедшая войну. Немцы, которых сегодня призвали вершить историю. Были там эмигранты из России, которые надеялись с помощью германского оружия вернуть царский трон. Они все вместе шли, громко выкрикивая свои приветствия, подбадривая друг друга. Организованное шествие дошло до улицы Резиденцштрассе. Вот оно здание Фельдгеррнгалле. Это «Зал (Галереи) Полководцев», который находится на площади Одеонсплац. Тут их ждал первый полицейский заслон. Так называемый «зелёный» отряд. Полиция из земельского отдела имела соответствующего цвета униформу. Эту системную организацию по численности можно было сравнить с пехотной дивизией, имевшей на вооружении легкие и тяжелые пулеметы, бронеавтомобили и даже авиационные эскадрильи. Конечно, в тот момент никакой бронетехники там не оказалось. Очевидно, она стояла дальше по улице. Тот факт, что многие улицы имели на тот момент проволочное ограждение, наталкивает на мысль, что к любым беспорядкам тщательно готовились. Повсюду имелись вооруженные, хорошо обученные действовать в городских условиях люди. Итак, столкновение было неизбежным. Но собранные массы людей не верили, что их кто-то может остановить. Все знали, что начальник мюнхенской полиции Эрнст Пёнер обещал поддержку. Но никто не знал, что этого нового министра внутренних дел уже арестовали, и с некоторого периода отряды СА находились «вне закона», а полиция имела на руках твердое предписание «остановить смутьянов и любой ценой

ликвидировать в городе беспорядки». Первые ряды подошли вплотную. Многие мятежники были вооружены карабинами и пистолетами. Первых полицейских буквально смяли с места, еще немного, и их оттеснят в сторону. Многих людей просто хватали, угрожая штыками. Позже лейтенант Моосгубер отметит в своей докладной записке:

– Мы сблизились. Некоторые из моих людей были схвачены мятежниками, Тогда мы пустили в ход приклады и резиновые дубинки. Сам я, в целях самообороны, вооружился карабином, не желая преждевременно пускать в ход свой пистолет. Карабином я отбил два направленных на меня мятежниками штыковых удара и сбил нападавших на меня с ног ударами приклада. Внезапно один из гитлеровцев, стоявший в двух шагах левее меня, выстрелил из пистолета, целясь мне прямо в голову. Пуля пролетела мимо, не задев моей головы, и смертельно ранила стоявшего за мной вахмистра моего полицейского участка. Дальнейшее произошло так быстро, что я даже не успел отдать никакого приказания. Мои люди открыли огонь, произведший эффект, как от залпа. Почти одновременно с моими людьми открыли огонь и гитлеровцы. Вспыхнувшая перестрелка длилась от двадцати до двадцати пяти секунд.

Словно не понимая, что же тогда произошло, остальные ряды стали рвать свою плотную цепь, теряя людей, которые бессильно падали на землю. Еще не зная, что именно случилось, люди пытались идти дальше, таща на руках обмякшие тела своих соседей. И те, кто шел следующим эшелоном, стали спрашивать у впередиидущих: «А что же там такое происходит?»

– В чем дело? В чем, собственно говоря, заминка?

Но те, кто увидел полицейский кордон, уже поняли, что с ними шутить никто не собирается. Они были готовы к атаке. В числе погибших был «фрейкоровский» боец родом из Прибалтики Макс-Эрвин фон Шейбнер-Рихтер. Говорят, что именно он осуществлял связь между Мюнхеном и правой русской эмиграцией, и, в том числе, с Великим Князем Кириллом Владимировичем. Среди раненых был командующей отрядом СА капитан Герман Геринг.

Герой войны генерал Эрих Людендорф беспрепятственно прошел в здание. В форме его было легко узнать, тогда просто никто не осмелился в него выстрелить. Очередным залпом порвало не только первую цепь, но и все следующие, до последней. Надо было видеть обезумевшие лица людей, которые стали искать выход из этой ловушки. Они вырвались, чтобы пойти обратно, двигались вспять. Началась паника, сейчас начнется столпотворение. Крики и стоны раненых людей, слезы. И вот

звучат четкие команды. Все это на каком-то заученном уровне, вбитом несколькими годами войны, заставило всех прислушаться. Команды! В несколько мгновений улица опустела. Говорят, что сразу с собой унесли всех убитых и раненых. На мостовой остались валяться потерянные зонтики, обувь и фуражки. Местами имелись кровавые круги, которые скоро придется засыпать опилками, или смыть команде мюнхенских дворников.

Что касается отрядов СА Грегора Штрассера и Эрнста Рема, а также «Рейхскригсфлагге» и «Кампфбунда» Томаса Целлера, то они через некоторое время сдались. Правительственные войска имели численное преимущество. Сами посудите, два батальона пехоты, один саперный батальон, одна минометная рота, три артиллерийские батареи и восемь бронеавтомобилей. Этого было достаточно, чтобы начать штурм, а затем вынести все тела «национальных революционеров» на носилках. Капитан третьего ранга Герман Эргардт уговорил их сложить оружие. Сторонникам фон Кара не нужны были новые жертвы. Так в Германии произошло событие, которое позже назовут «пивной путч». Позднее выпустят памятный знак с руной «Опфер» в честь так называемых «мучеников девятого ноября», шестнадцати нацистских сторонников, убитых полицией. Вскоре всех зачинщиков арестуют и предадут суду.

Ади

1922 год. Для него этот период очень многое значит. Он часто выступает перед членами своей партии. Теперь он конкретно занят тем, что называется не просто агитацией, а пропагандой целого политического течения. Однажды он понял, что все время стремился к этому. К чему? К большему, к глобальному изменению всей жизни Германии. И теперь это были не просто слова. Жизнь быстро меняется, и он попал в это самое течение, которое вдруг подхватило его и направило, чтобы влиять на все будущие изменения. Да, он много читает, но еще больше стал самостоятельно писать для себя. Теперь его записями занимается секретарь, но с трибуны он обычно говорит по своим записям. Нет, он их не читает, ему стоит лишь раз взглянуть на текст, и он знает, что скажет. Четкая линия его речи сразу обрастает новыми выражениями и фразами. Интуитивно, он каждый раз ищет другие слова, более подходящие на данный момент времени. И странно, он никогда не ошибался, слова, словно били точно в цель! При этом бранных слов он никогда не стеснялся. Да, он начинал с небольших площадок. Это были пивные рестораны, куда было принято решение брать за вход по пятьдесят пфеннигов. Люди платили деньги, чтобы услышать нескольких ораторов. Объявления были напечатаны на листках,

которые раздавали всем на улице. Затем площадки увеличивались, люди слушали, затаив дыхание, потому что должны были что-то услышать в эту минуту. Потом были небольшие коллективы мелких организаций, поддержку которых партия считала важным. Например, соседняя на улице ткацкая фабрика, где коллектив был в основном женским. Там встречу устроили в обеденный перерыв, среди ткацких станков. Для этого было достаточно подняться на деревянный помост. Хозяин оказался хорошим знакомым его нового приятеля из мюнхенской газеты. Договаривались заранее о получасовой агитационной лекции. Через два часа беспрерывной пламенной речи Ади потянулся за стаканом воды. Графин держал в руках Руд, его новый помощник. Оратор выпил, и вдруг понял, что в этом зале давно собрались все работники фабрики. Все они стояли, смотрели на него, и ждали, что он скажет дальше, никто не смел, проронить ни слова. Он плавно перешел к остальным пунктам, а когда закончил, то грянули аплодисменты. Вдруг все стали скандировать его фамилию. И, словно окутанная невидимой пеленой, сшитой из его слов, толпа неустанно что-то кричала. Что он им тогда наплел? Стихийно рожденная речь состояла из простых мыслей, таких вольных толкований основных идей партии. Те самые «двадцать пять пунктов», которые составили основную программу НСДАП. Про основную работу на фабрике в тот день как-то все сразу и не вспомнили. Ему следовало уже уходить, но и тут Ади устроил настоящее представление, он стал лично знакомиться с теми, кто остался. Пытаясь, удержать руку каждого человека на несколько мгновений. Это производило должное впечатление. Ему было достаточно вспомнить уроки своего приятеля фон Грехта. Когда тот стремительно вклинивался в толпу незнакомых пока людей, охватывал всех своим желанием, поделиться с ними новостями или некими печалями. Легкое похлопывание по плечу, мягкое касание по руке, внимательный взгляд, многозначительные кивки, улыбки. Он словно подпитывался, уже не чувствовалась никакая усталость, проведенного ранее времени. Все стиралось этими минутными скольжениями в толпе. Секретарь показывал на часы, мол, опоздаем, следует торопиться, дальше-дальше. Но Ади уже зацепил знакомого фабриканта, и тот не знал, куда теперь ему деть свою шляпу от распирающего его счастья. Несколько простых слов нашлось и для этого человека, так сказать, под локоток. После такого теплого обхождения хозяин фабрики сам поднялся на трибуну, и громко заявил всем, что становится кандидатом в партию. Что он готов немедленно принести некоторые пожертвования в фонд партии. Секретарь Руд уже вцепился в

этого невысокого лысого человека.

– Видимо, что не напрасно мы тут задержались, герр Франц. И, о какой именно сумме пойдет речь?

Затем были другие предприятия, новые коллективы. Но тут вырабатывался строгий план действий, который пока не подводил. Конечно, публика пока не ломилась на встречу с ним. Были и другие коллективы, которые бойкотировали его митинги. Тут чувствовалось влияние коммунистически настроенного противника. В таких случаях проводили разведку, заранее высылали несколько человек из группы поддержки. И если наблюдатели точно гарантировали провал, то старались разбавить слушателей людьми, которых привозили с собой.

Случались простые рукопашные драки. И когда уже никто не собирался никого слушать, то на трибуну выходил он, требовал тишины. Все остальное зависело от действий самого оратора, дар которого редко подводил его. Так, начиная практически с нуля, он стал часто выступать на различных собраниях, на выездных встречах с другими, растущими, словно грибы после дождя, отделениями НСДАП. Его временный секретарь уже сбился с ног, чтобы организовать и наладить его поездки. Потом Ади предложил это место секретаря Руди, своему новому знакомому. Ветеран войны, родители которого потеряли все свои египетские предприятия, был вынужден поступить учиться в университет. Согласно программе правительства, чтобы уменьшить безработицу, многим предлагали вернуться за парту. Шло время, и как только появлялась возможность, люди находили работу. В любом случае, твердый заработок был лучше временной дотации. Поэтому многим закончить учебу так и не удалось. На этот момент Руд мог рассчитывать на место ассистента своего профессора, но ставка секретаря партии была выше в два раза.

– Впереди много работы, порой она выглядит каждодневной рутиной. Я не могу все делать сам. А мой временный помощник? Ты сам видел – глуповатый, бестолковый малый. Он даже не понимает моего почерка. Что тут трудного? Исправить несколько страниц текста, набрать все заново на машинке. Но еще мне нужен человек, которому я бы мог доверять. Понимаешь? Кто-то должен быть иногда за спиной, чтобы не пропустить удар. Сам понимаешь, я не могу предложить тебе больше, но пятьсот марок в месяц. Где еще ты найдешь такие деньги?

С деньгами в партии вообще творилось неладное. Но Ади умел считать деньги, он всегда знал, сколько имеется в наличии в партийной кассе. И все-таки денег постоянно не хватает, все уходит на постоянные траты, но теперь партия платит за его выступления, точнее, оплачивает все их транспортные и

накладные расходы. А число членов его партии с каждым днем растет. Партийные деньги, добровольные пожертвования дают уверенность в том, что они задумали. Давайте определим – что именно? Как любая другая партия Германии, они готовились к предстоящим выборам в правительство. Следовало заявить о себе, показать всю силу и мощь нового движения. Именно в это время готовилось будущее, и все знали, что борьба будет жестокой. Сам Ади, как уроженец Австрии, участвовать в выборах мог на общих правах члена партии, то есть пока больше работал на других лидеров. Все это понимали, и он уже искал необходимую лазейку в выборном законодательстве. Требовалось принять новое гражданство. Для бывшего военнослужащего германской армии это сначала не казалось проблемой. Но он уже был судим. Это был эпизод срыва чужого выступления, что стоило ему денежного штрафа, который тогда собирали все его знакомые.

Проекты

Несколько статей малоизвестного специалиста по бронетанковым частям в газете «Милитэр-Вохенблат» привели Ади в неописуемый восторг. Автор в популярной форме смог изложить свои взгляды на возможности переброски войск автотранспортом. А еще он очень много писал о другой технике, о танках. Что такое танки австриец знал прекрасно. На фронте ему довелось видеть подбитую французскую технику, которая не смогла выбраться из широкого рва. Трофей можно было потрогать руками, штабные офицеры имели возможность сфотографироваться, когда столичный корреспондент прибыл сделать свой репортаж. Ади тоже смог побывать на броне этой машины, в других условиях эта машина могла нанести непоправимый урон немецким позициям, но расширенный проливными дождями овраг был для нее непреодолим. Автор статьи в газете «Милитэр-Вохенблат» предполагал, что в скором будущем можно создать отдельный вид войск – бронетанковый. Соединение из нескольких сот машин может выполнить любые стратегические задачи. Это было очень смелое высказывание. Вспомните, что прошедшая война была названа позиционной, то есть наблюдалось постоянное противостояние фронтов. Кавалерия решала многие тактические задачи. От состояния лошадей зависела и артиллерия. Говорить о том, чего пока нету, было сложно, танкостроение находилось в зачаточном состоянии. Но вернемся к статье. Что касается переброски живой силы, то здесь автор предлагал имеющийся мировой опыт – специальные автомобили с усиленной защитой. Звали этого человека Гудериан Гейц. Тогда для информации Ади однажды вечером поинтересовался у герра Майера, своего знакомого военного

чиновника, сколько может стоит современный танк. Тот несколько удивился такому вопросу, но сразу смог ответить.

– Понимаешь, Версальский договор запретил Германии иметь свои танки. Официально у нас на вооружении имеются только устаревшие бронемашины. Но исходя из данных, которыми располагает наша соседка, Швеция, я могу сообщить, что танк стоит всего несколько десятков тысяч шведских крон. И между нами говоря, сегодня несколько зарубежных фирм начали заниматься изготовлением деталей для сборки немецких средних и легких танков. Это опытные, можно сказать, учебные образцы машин с броней из литого железа. Средние танки будут вооружены семидесяти пяти миллиметровыми пушками, а легкие танки только тридцати семи миллиметровыми пушками. Скорость движения всех этих машин не превышает 20 км/час. Я повторяю, что это пока опытные машины. Как только государство преодолеет все политические запреты, мы сможем изготавливать танки сами.

Члены партии

Теперь ближайшее окружение лидера партии можно назвать разношерстным. Не секрет, что к ним примкнули люди из различных слоев общества. Было очень много людей, которые больше напоминали уголовные элементы. Что их связывало? Некоторое военное прошлое, которым они, несомненно, гордились. Но были там и настоящие герои своего времени. Командир эскадрильи «Летающий цирк Рихтгофена»

Герман Геринг. Это был высокий холеный мужчина с выразительными чертами лица. Детство он провел в Юго-Западной Африке, где его отец исполнял обязанности имперского комиссара, потом закончил Прусский королевский кадетский корпус, куда смог попасть по протекции своего отца. На войне был награжден высшим военным орденом. Потом был пилотом шведской авиалинии, где познакомился с Катрин фон Концов. Человек, которого можно отнести к тогдашней элите, имел шансы благополучно жить в любой точке мира, он вернулся в Германию, где поступил в университет, чтобы изучать историю и заниматься политикой.

– Катрин, мы должны помочь соотечественникам «стереть позор Версаля».

Во время митинга протеста против требований союзников о выдаче военных преступников он увидел человека, одетого в потертый плащ, который отказался в тот раз выступать. Им оказался представительной новой политической силы. Герман побывал на собрании данной партии. После чего принял решение вступить в ее ряды. Со своими связями в офицерских и светских

кругах, Геринг оказался очень полезным человеком.

Остальные люди, как подвижная ртуть, никогда не задерживались рядом с новым лидером. Можно отметить лишь нового секретаря Руди. Так получилось, что детство этого человека прошло в далекой стране, где у его отца было собственное коммерческое предприятие. Лишь война смогла вернуть Руди в метрополию. Начался воинский призыв, на который смогли откликнуться не все немцы за рубежом. После войны этот человек нашел свое место в рядах подпольной реакционной организации, взяв второе имя, но даже занимался некоторое время подрывной деятельностью, якобы служа идеям Баварской Республики. Именно этот человек арестовал Иоганна Вольта, когда тот пытался организовать прорыв со станции железнодорожного состава с остатками революционного комитета и их семей. Очевидно, что товарищ Вольт чем-то понравился Руду, и тот не смог добить его раненого. Арест группы активистов в тот момент был самой невероятной удачей для них. Что касалось остальных коммунистов, то число жертв «фрайкоровцев» было огромным. Отставной генерал-майор, профессор геополитики Хаусхофер стал для Руди вторым отцом, и на многие годы повлиял на его мировоззрение. Встреча с Ади стала для него решающей, теперь он нашел того идола, которому стоит поклоняться. Среди своих он получил прозвище «египтянин», хотя пирамиды видел один только раз в жизни.

Юлиус. Коренастый, грубоватый тип, созданный для интриг, для того, чтобы выполнять любую грязную работу партии. Если нужно было кого-то натравить на своего противника, то именно Юлиус был этим «кем-то». Он мог бесконечно долго ругать своих противников, не боясь получить отпор. Очевидно, что поэтому с ним, имеющим такую репутацию, старались не связываться. В нюрнбергском отделении партии в 1922 году ему пришлось издавать газету «Штюрмер», которая вся была сплошь пронизана пропагандой, порнографией и антисемитизмом. Ади редко ругал его выходки, очевидно, ценил преданность и энергию, с которой тот выполнял все поручения. Он знал, что если Юлиус обещал подготовиться к выступлению на новом месте, то все будет в лучшем виде. Тот вместе с другими молодчиками мог организовать группу поддержки в любом месте.

Особое место среди остальных занимал Дитрих. Сноб, поэт, журналист, драматург. Дитриха он знал всего два года. Ади познакомился с ним на заседании одного общества в «доме Вагнера» в Байрейте, где он сам показался всем многообещающим человеком. Их мало что связывало, но этот журналист, вцепившись в молодого австрийца, обещал показать ему все в

этом городе. Позже ему понравилось, что Дитрих сразу согласился вступить в новую партию. Как он тогда сказал?

– Нужен и такой жизненный опыт, политическая жизнь несет на себе все стороны соприкосновения с миром. Мне ли, как журналисту этого не знать?

Его светские, аристократические замашки порой вызывали усмешки у простых членов партии, но именно этот человек показал австрийцу мир с той стороны, куда он, пожалуй, сам попасть не мог. Дело в том, что Ади испытывал сильное стеснение. И самому преодолеть барьер этого состояния оказалось нелегко. Именно этот человек сумел создать некоторые установки, которые помогли будущему оратору.

– Толпа это женщина, которую нужно завоевать. Скажи, что ты можешь предложить женщине, и она пойдет за тобой.

Еще Дитрих водил Ади по самым разным злачным местам города, перед ним отпирались все возможные двери. Он мог долго и интересно рассказывать о чем угодно, окунувшись в клубы опиумного дыма, не теряя нити разговора. Его пагубные привычки не касались его гостей, если они их не разделяли. Но молодые люди часто сами напрашивались к нему в компанию. Ади не оказался исключением. Дитрих сам платил за всех, порой пользовался кредитом, который всегда вовремя погашал. Это касалось всего – встреч с продажными женщинами, поздних ужинов в ресторанах, в поездках на автомобиле по ночному городу. Он торопился, умел жить, и брать от жизни все.

Оказалось, что после окопной жизни Ади никак не продвинулся в сексуальном плане. Точнее, опыт был, но все это находилось в не самом завидном состоянии. Последние победы относились к временам ранения, когда молодой раненый австриец понравился медицинской сестре. Именно она его выбрала в тот момент. И, в конечном итоге, бросила. Городская жизнь приносила много различных знакомств, а Дитрих очень просто сходился с женщинами, точнее сказать, они его обожали. Со стороны казалось, что он все время проводит с очередной красавицей. Порой девушек было две или три, тогда часть женского внимания перепадала и его знакомому. Так, однажды, Дитрих пригласил нескольких друзей на вечеринку в дорогой отель. Каким-то образом он смог снять недешевый номер на всю ночь. Возможно, что ему он достался даром. Но не в этом дело, его лично сопровождали три девушки. Это были его постоянные знакомые, которым было с ним, как они утверждали, просто интересно. С Ади у него был какой-то затянувшийся спор. В какой-то момент он уединился в комнате сразу с двумя, и вдруг позвал к себе австрийца. Тот смущенно вошел. Пожилой плейбой

был совершенно раздет, возлежал в постели с двумя нагими красотками. Они были заняты. Но это Дитриха нисколько не задевало, он продолжал что-то объяснять, доказывать. В дверь постучались, оказывается, что коверный принес заказанное шампанское. Разговор прервался, следовало дать мальчику на чай. Когда Ади хотел вернуться, его внимание привлекла третья подруга Дитриха. Она стояла возле раскрытого окна, и крутила в руках длинный мундштук. Он взглянул на неплотно закрытую дверь в спальню. Вспомнил слова о толпе, которую следовало завоевать, как женщину. И подумал, что следует начать не с толпы. Гости еще не пришли, и молодой австриец нашел возможным немного пообщаться с этой дамой. Сам того не ведая, он разделил с ней несколько сладостных минут, пока Дитрих не ворвался в общий зал. Он уже успел одеться, привести себя в порядок, и выглядел, как всегда великолепно, элегентно. Спущенные штаны приятеля вызвали в нем легкую усмешку.

– Правильно, что время зря терять.

В обычной жизни, он помогал молодому австрийцу письменно излагать свои мысли на бумаге, учил его никогда не бояться аудитории. Все бредовые идеи о неких посвященных, которые до сих пор владеют тайными силами, все это, можно сказать, шло именно от Дитриха. Он так много твердил о сверхчеловеке, о мутации человеческой породы, что не поверить в это было сложно. Ади невольно сравнивал Дитриха с фон Грехтом, и часто видел преимущество настоящего аристократа перед его фронтовым другом. Вальяжный эпикуреец, не знающий границ и пределов в настоящей жизни, Дитрих был для австрийца почти гуру, учитель, который ему был нужен. Но он скоро умер, сказались последствия отравления ипритом на Западном фронте.

А вот его фронтовой приятель фон Грехт отдалился от него. По странному стечению обстоятельств, они постоянно встречались, проводили беседы. Очевидно, что это была навязчивая идея больного воображения – но с некоторых пор австриец часто с ним беседовал, когда оставался в полном одиночестве. И порой казалось, что тот стал его единственным, беспристрастным оппонентом.

Теперь Ади понимает, что его слушают. Он быстро учился, мог запоминать большой объем информации, которую в любой момент можно было выставить, удивив точными цифрами, датами, правильно произнесёнными именами и фамилиями. К нему тянутся рабочие и военные. Он оставался, открыт, доступен для всех. Немногочисленная пока аудитория замирает, когда он произносит свои речи, а потом радостно рукоплещет, орет и срывает свои голоса в восторге. Раньше такого эффекта он просто

не ожидал! Трудно себе представить, какие чувства обуревали его в такие моменты. Вот оно и пришло его время. Люди, уставшие от бремени поражения в прошедшей войне, вдруг услышали речи, которые не просто обещают новое будущее, но требуют самим немедленно участвовать в его построении. Это было, как глоток свежего воздуха в создавшемся кругом вакууме. Германцы считали себя обманутыми, ведь практически каждый житель страны после войны потерял свои накопления, их буквально уничтожила гиперинфляция. Валюту и золото мало кто использовал, они были ограничены в обращении, то есть официально запрещены. Рядовой гражданин, прошедший долгую войну, понял, что навязанные Германии условия «версальского договора» можно не просто пересмотреть, а не выполнять! Новое лицо новой партии обещает работу, стабильность и требует, чтобы «предатели ответили за свои дела»! Как тут не прислушаться? Спросите, почему пользовались успехом остальные лозунги? Так не секрет, что правительство России штыками попыталось помочь германской революции. Образ некоторых представителей германской власти того периода красноречиво указывал на национальную принадлежность, явного негерманского происхождения. Этим было очень легко манипулировать. Потом, вспомните, что американская крупнейшая банковская система тоже состояла сплошь из еврейских фамилий. Этим можно было бесконечно махать впереди, как красной тряпкой. За короткий период Ади объехал почти всю Баварию. Его единомышленники стали приглашать лидера в другие земли Германии. Однажды приехал человек из Франции, там тоже стало зарождаться национал-социалистическое движение среди немцев, впрочем, среди французов также имелись свои националисты, правда, они, их организации имели совершенно другие названия, Ади просто не помнил всего. Ехать во Францию он пока не видел острой необходимости, точнее, его отговорили от неё.

– Да, это дает свои всходы.

Партгеносоте Антон Дрекслер даже стал ревновать. Ведь, его перестали слушать, с каждым разом больше сравнивают с молодым и заносчивым парторгом. Ади привел в партию очень много своих людей, а у бывших военных он был абсолютным авторитетом.

Свастика

Однажды Ади предложил ввести новую символику. Коряво начертив свастику с обратным движением, он попросил изобразить все на ярко-красном фоне. Когда сделали первый образец, он тупо смотрел на новый штандарт, и не понимал, что

его теперь не устраивает. Впрочем, в тот момент из тех, кто стоял рядом, никто ничего не понимал.

– Найн, найн! Еще раз нет! Символ должен быть в окружении красного, но небольшой фон сделайте белым. И не колесо, а ровные, почти прямые углы!

И тут же стал чертить на бумажном листе новый знак, потом ножницами все обрезал, и приложил к красному штандарту. Для наглядности секретарь Руд и женщина, которая помогала им, быстро накололи все булавками, чтобы поднять выше, посмотреть. Ади утвердительно кивнул головой. Руд постарался, и на следующий день вся улица была уставлена этими флагами. Жители с тревогой смотрели на новый вид транспарантов и флагов. Потом они привыкли, и это стало даже нравиться. Намечался очередной митинг в отдаленной части города, требовалось собрать как можно больше участников. Ади попросил секретаря Руди показать список организаций, которые должны охватить этим мероприятием. Проверил количество, которое предварительно могли выставить организаторы на местах, недовольно покачал головой. Сел сверху на письменный стол, и протянул руку к телефонному справочнику. Руди услужливо потянулся за телефонной трубкой, но Ади всучил ему открытую телефонную книгу, и, указывая на страницу, произнес:

– Мне нужны все эти организации, всего этого и прилегающего к нему районов. Особенно Зендлинг (нем. Sendling) и Зендлинг-Вестпарк (нем. Sendling-Westpark). Так что, бери трубку и звони по каждому этому номеру. Представься, и скажи, что их организация приглашается на городской политический митинг. И так каждый номер. Если не отвечают, то пусть Эрих пошлет туда пару человек из отряда.

Он кивал на сидящего в стороне немолодого немца с внимательным взглядом. Когда произнесли его имя, тот оторвался от газеты и выразительно уставился на помощника. Уловка с телефонной книгой потом пригодилась в каждом городе. Обычно, если на том конце провода кто-то не желал разговаривать, то сразу по адресу отправляли Юлиуса и двух его громил. Через неделю на совещании встал вопрос о длительной поездке по всей территории Германии. Все упиралось в численность возможных участников. Требовалось брать с собой очень большое количество членов партии. Такая поддержка была просто необходима для завоевания следующего города, других земель. Иногда требовалось физически выжать коммунистов, которые часто пикетировали их митинги. За безопасность отвечали штурмовые отряды, но взять много боевиков не представлялось возможным. Они требовались, чтобы

организовать оцепление, охрану. Обычно, их отправляли заранее. Даже, чтобы договориться с местными отделениями движения, требовались еще люди. Иногда нужно было самим организовать посещение митинга, и тогда заранее по различным заводам и фабрикам выезжали агитаторы и партийные организаторы. Они брали на местах в аренду автогрузовые машины, чтобы привезти вовремя нужное количество слушателей. Обычно набирали молоденьких девушек и юношей, которые были более патриотично настроены. Им выдавали красные платки, и небольшие флаги, которые уже сшили другие участники предыдущих митингов. Так что желающих участвовать в будущей поездке было много, но не партийных денег. Ставили вопрос о целесообразности брать всех, ведь количество железнодорожных билетов было незначительным.

– Нужно взять в аренду целый пассажирский состав! – сказал Ади, вспоминая, как брал в аренду одежду, когда денег не хватало на ее покупку. Он умолчал об этом факте, но идею об аренде поддержали тогда все.

– Кто у нас в Мюнхене отвечает за железнодорожные сообщения? Кто из членов партии? Вот, пусть и займется арендой подвижного состава на три-четыре пассажирских вагона.

Сказал, и того было достаточно, чтобы колесо завертелось. Неудивительно, что государственные железнодорожные организации шли навстречу, потому что среди руководства уже были сочувствующие и даже члены партии. Нужные распоряжения последовали, было оговорено предварительное расписание поездок, и число обслуживающего персонала. Также указали на количество угля и воды, которое требовалось оплатить, и подвезти заранее, чтобы поезд всегда следовал по графику, потом уголь и воду выдавали по необходимости на станции. За это уже выставляли отдельный счет. Теперь партия могла взять с собой в другие поездки своих почетных гостей. Вагоны были старые, очевидно даже списанные, но их быстро отреставрировали, украсили партийной атрибутикой. Привезли несколько букетов полевых цветов. Издалека эти красные знамена очень выразительно выглядели, их путали с красными коммунистическими флагами, но недолго, черный паук свастики выразительно показывал, кому именно из партий принадлежит данный поезд. Обычно в центральных купе царило веселье. Там с Ади находилось еще семь человек. Это бывший унтер-офицер Макс Аманн, борец Граф, вышибала Кристиан Вебер, бывший коммунист Эссер, архитектор Розенберг, писатель Экарт и Людеке. Теперь поезд мог перевозить до шести сотен человек, плюс еще обязательный духовой оркестр.

Чуть позже, через несколько лет, первого марта 1932 года такой поезд был обстрелян. Тогда группа неизвестных лиц в небольшом количестве блокировало движение состава в окрестностях Мюнхена, и долгое время вела плотный огонь по вагонам, где должны были находиться нацистские лидеры. Они ехали с целью выступить перед своими сторонниками. Странно, но никто серьезно в тот раз так и не пострадал.

Так бывший армейский агитатор стал очень крупной политической фигурой. Его легко узнавали. Фотографии с изображением лидеров партии можно было приобрести в любом пункте продажи печати. Местные отделения выдавали такие «агитки» бесплатно, а листовки и партийные газеты всегда выгодно преподносили всю партийную верхушку.

В Берлин на Силезский вокзал поезд прибыл вне своего расписания. Задержка произошла по вине государственного служащего, которому рекомендовали задержать состав на подступах к Берлину. Это, наверное, было не первое противодействие официальной власти к новой партии. Берлинские социал-демократы видели растущую популярность националистов, к которым уже присоединились «народники». Такой сплав нового движения многим не нравился.

Что же изменилось в поведении этого человека? Кроме содержаний его речей, стало видно, что он уже зрелый, отвечающий за свои слова австриец. Его нападки на другие национальности вызывали одобрение в некоторых кругах. Многие жители крупных городов неосознанно считали иммигрантов и лиц другой, неарийской национальности, настоящими конкурентами.

Вместе с тем в Германии нет другого города, в котором существовало такое массовое неприятие нацизма, как здесь и столь разнообразные проявления движения сопротивления.

Глава тринадцатая, в которой на конференции открывается принцип метода «защиты для лидера»

Это было вторая расширенная конференция общества «Аненербе». Среди выступавших был доктор Артур Коне. Он сообщил своим коллегам, что его проект «защита для фюрера» сработал идеально. И для убедительности стал рисовать мелом на доске некие схемы. Для наглядности, будущее изобразил выше всего остального, как некое неопределенное облако.

– Люди самое большее время проводят в сновидениях. Это общепринятый факт. Человек не может не спать, время, проведенное во сне, помогает организму восстановить силы, сменить обстановку, побывать в другом мире. Многие народы свято верили, что во сне человек отправляется в другое царство, чтобы прожить там некоторое время. Человек иногда помнит свои сны. Но не всегда. Шаманы и колдуны пытались влиять на своих врагов, воруя их сны. То есть люди всегда думают, что сон – это нечто больше, чем видения, движение мысли. Вполне очевидно, что можно как-то влиять на человека, погрузив его в сон, как это происходит с гипнозом.

Это было очень длинным предисловием к его речи. Некоторые ученые умы уже устали, они хотели наглядно убедиться, что Артур, как говорится, «сел в калошу», или смог неким образом выкрутится.

– Что нам известно? Всего несколько фактов. Да, некто из будущего создал настоящий «мост связи» с Марией, уроженкой Германии. Этот неизвестный смог внушить ей, что все беды еврейского народа в Европе зависят от жизни и смерти одного человека. Жаль, что сама Мария не дожила до нашего времени, мы бы сегодня смогли взять у неё интервью.

В зале все с сарказмом восприняли эту шутку. Некоторые мужчины сидели в аудитории в белых накрахмаленных халатах, поверх военных кителей, словно слушали лекцию университетского профессора. Им было известно, что все родственники этой женщины оказались в скором времени в концлагере.

– Согласно донесениям тайной полиции, брат Марии, Иосиф, зная многие факты из будущего, в течение всей своей жизни пытался устранить этого человека. Но, сами видите, господа, ничего не вышло. То есть, мы имеем некое влияние из будущего, которое направило некоторые силы на устранение нашего лидера.

Все знали подоплеку этого вопроса, некоторое время назад Артур Коне смог получить значительную дотацию от главы организации «Аненербэ», чтобы провести опыты, и понять суть метода воздействия из будущего. Вот прошло некоторое время, и доктор решил поделиться своими успехами.

– Я предположил, что источником влияния был человек. Каким-то непонятным нам путем, там, в будущем смогли воздействовать на мозг человека, создав своего идеального медиума. Разница между людьми была в пятьдесят лет. Тогда я предположил, что Мария была не единственным человеком, до которого оттуда смогли достучаться. Я дал объявление в несколько газет разных германских городов, где просил откликнуться людей, которые видели необычные сны, якобы пришедшие из далекого будущего, для проведения моей научной работы.

Коллеги с усмешкой переглянулись, они понимали, что доктор имеет пару козырей в рукаве, и сегодня ему хочется насладиться неким триумфом, но некоторые факты следует еще доказать.

– Сами понимаете, откликнулись тысячи безумцев, которым, кажется, что на них влияют из будущего!

Смех в аудитории был вполне оправдан. Когда исследовательские институты проводят свои социологические опросы, то всегда возникают свои помешанные на экологии, на оккультизме. Так что обращаться к населению старались не часто, ибо это был удел отдела государственной пропаганды, которой заведовал доктор Геббельс.

– Мои ассистенты провели ряд опросов, отсеяли большую часть этих сумасшедших, и обнаружили пастора Дора. История этого человека такова, что в далеком детстве он видел очень реальные сны. Эти навязчивые картинки появлялись регулярно в течение нескольких недель. И родители приняли единственное правильное с их стороны решение, они обратились в церковь. Там провели несколько религиозных обрядов, и все это наваждение с мальчиком закончилось. Тогда его отдали учиться в церковно-приходское учебное заведение, он стал священнослужителем. Сегодня с его слов, нам стало ясно, что сны начались именно в тот период, когда ими страдала Мария. Парень перенес тяжелое заболевание, и тоже был подвержен неизвестному воздействию. «Голоса» проникали в его голову, и были так навязчивы, что не давали ему уснуть. Тут случай говорит, о восприятии этой связи вне сна!

На растянутом покрывале от проектора возникли фотографии человека в темной одежде.

– Сегодня отец Дор может поведать нам о некоторых фактах из своего мистического прошлого. Очень давно он предсказал начало первой мировой войны, смерть Фердинанда и его супруги в Сараево. Потом он высказал мнение, что это будет не единственная царская семья, в которой прольется кровь. Согласно, его утверждениям, потомки королевы Виктории понесут потери.

Пауза. На экране возникла фотография знаменитой царской фамилии.

– Так оно и случилось, дом Романовых был истреблен на корню. А это, как вы помните, далекая линия родства с королевой Великобритании. Так как отец Дор является католическим священником, то он принял на себя обязательство больше не иметь дело с предсказаниями. Но его ранние высказывания, они подтверждены записями врачей, родителей, знакомых того времени. Тут все предельно ясно, это был первый случай, когда будущий специалист смог найти объект для связи.

Пауза. Люди в аудитории заерзали от нетерпения – что же преподнесет им на десерт доктор Коне?

– Нами тщательно проверен этот факт, все, что помнит этот человек, мы запротоколировали. К сожалению, период воздействия был короток. Мальчик выздоровел, его отпоили травяными настоями, лекарствами, «голоса» исчезли.

Появилась фотография молодого Иосифа с супругой.

– Как только мы смогли вытащить самого Иосифа, он долго не шел с нами на контакт. Но, имея на руках полицейские протоколы, я установил всю хронологию последующих событий. Охоту на свой объект он начал очень давно. И так как не обладал достаточной информацией, то сначала довольствовался лишь

сбором информации. Так возник «список Иосифа». Вы видите, в нем двенадцать детей. Да, он мог начать еще в тот период, когда исходные лица были детьми.

На экране появился текст списка, который перенесли на специальную пленку, чтобы можно было демонстрировать слайды.

– Проще простого было бы уничтожить всех первенцев, как это сделал правитель Ирод, но Иосиф в то время еще не верил в силу высказанных сестрой предсказаний. Очевидно, что он решил подождать. Да, его предали, он провел несколько лет на исправительных работах в Австро-Венгрии. Так оно и случилось. Потом началась война, прогнозы подтвердились, «наш воин» стал проверять свой список. Они уже стал несколько короче, чем прежде. Но кандидатов раскидало по всей германско-австрийской империи. Так на поиски ушло еще несколько лет. Сам Иосиф попал в австро-венгерскую армию.

На экране возник протокол военной жандармерии.

– Этот секретный документ рассказывает о диверсии в местечке Уденарде. Там были обнаружены трупы раненых солдат и младших офицеров. Кто – то проткнул их армейским штыком. Диверсант делал вид, что поит раненых солдат водой, на самом деле искал знаки различия, потом убивал. За ним даже была погоня. Тогда это списали на действия французских диверсантов. Следствие ничего не дало. Но имелись некоторые описания очевидцев. Видели высокого санитара. Рост у «Иосифа-воина» подходящий. Сегодня нет тех свидетелей, а сам подозреваемый не сознался даже под физическим воздействием. Но заметьте, часть Иосифа находилась в пределах этого места.

Новый документ. Мелкий шрифт, неразборчивый почерк, армейские гербы на штемпелях печатей.

– Это следующий протокол. Тут описываются события, произошедшие рядом с Уденарде, в прусском тыловом лазарете в Пазевальке. Там так же видели высокого санитара. Тот успел убить одного человека. И на него не обратили особого внимания, он быстро исчез, так же, как и появился. Тогда опознать его не удалось. Имелись изображения, составленные со слов очевидцев. И, по мнению следователя, некоторые носят не вполне четкий характер.

На экране появился контур листовки, в которой обещалось вознаграждение за поимку французского диверсанта.

–Я считаю, что это было самое загадочное происшествие. Раненый человек лежал на койке, на которой было написано вот это имя и воинское звание. Сам военнослужащий уже убыл в другой город.

На экране возникло изображение таблички из вещественных доказательств. Когда зрители могли рассмотреть имя и воинское звание, то послышались изумленные крики.

– Да, да. Я полагаю, что этот убийца был или сам Иосиф, или его приспешник. Дело в том, что под влияние этого человека попала группа людей, которых он успел завербовать. До войны был такой период времени, когда ему пришлось сменить имя. Он вполне мог иметь несколько приверженцев из числа общины, где ему довелось работать. Я полагаю, что все его родственники состояли в особой религиозной организации. Сегодня эта подпольная сеть раскрыта нашим доблестным помощником герром Вольфом.

Появилась фотография уверенного человека в форме СС.

– Итак, налицо некая фатальная закономерность. Враг рейха имеет преимущество, но не может им воспользоваться. Словно кто-то укрывает избранного своим крылом. Я считаю, что это некий действующий фактор, можно сказать, человеческой слабости. Иосиф все время ждал, чтобы подтвердить свои опасения. Но очевидно, что такое воздействие на будущее происходит от противодействия других сил. В этом, я думаю, состоит смысл «защиты для лидера». Но это не самое главное на сегодняшний момент, что бы я хотел вам продемонстрировать.

На площадку вывели переносную сложную установку. Она все время находилась внизу, в нише, ее просто выдвинули для показа.

– Вот это одно из моих изобретений. Я назвал его «динамометр снов». Он действует следующим образом. На мозг спящего объекта направлены небольшие электромагнитные импульсы с определенными параметрами частоты и звука. Сложная система передачи изображения предметов в поток импульсов мною пока не доведена до конца, но если чередовать изображения в какой-то последовательности, то мозг объекта воспринимает это на расстоянии, как целое действие. Объект может вспомнить то, что ему пытались показать.

– Для наглядности, я могу пригласить любого из присутствующих, и он сможет увидеть то, что ему покажет другой человек, отгороженный от него непроницаемым экраном. Чтобы не было слухового воздействия, на человека наденут наушники. Если ввести объект в кратковременный сон, или в бессознательный транс, то с помощью моего прибора можно довести до него некоторые изображения, которые он увидит, как немое кино. Так мы проведем передачу информации на расстоянии, это вполне осуществимо. Но нас интересует передача информации на другой временной период. Этот опыт я продемонстрирую позже. А пока прошу поучаствовать в моем

эксперименте – кто желающий, господа?

Согласился некий полковник, который, впрочем, мог им не являться. Список гостей был строго ограничен, но это не входило в юрисдикцию самого доктора Коне.

Полковника проводили на сцену, поместили в кресло, обмотали бандажными бинтами с датчиками, словно рождественскую елку. Когда все было готово, доктор Коне достал свои часы на цепочке, и медленно ввел человека в транс. Потом проверил пульс, и кивнул помощнику. За экраном один из желающих стал подносить к небольшому экрану в разной очередности фотографии. Потом сообразил, что все это вполне очевидно, достал из кармана небольшой альбом с фотографиями вольного эротического содержания. Там было несколько десятков красивых изображений, где фотограф снимал моделей в разных исторических сценках. В зале послышались смех и голоса. Все видели, что полковник во сне заерзал в неудобной позе, и самое главное, его что-то очень возбудило или, как бы это сказать помягче, привело в действие его половые органы. Смех, вызванный зрителями, заставил доктора Коне прекратить эксперимент. Он приказал ассистенту снять датчики. Затем вывел полковника из транса, и задал ему вопрос:

– Что же вы можете сказать по этому поводу, наш таинственный друг?

Все видели темное пятно от эрекции на его светлых штанах. Полковник пока ничего не понял, пощупал штаны, и его лицо залилось краской.

– Какого черта? Ваше поведение, оно непристойно! Что вы со мной, черт возьми, сделали?

Посыпались грязные ругательства. Доктор Коне находился в неведении и думал, что ему это сойдет с рук. Именно чиновник в кителе полковника имел некоторые указания по поводу данного проекта.

– Не думаю, что это было сделано вашим соседом намеренно. Очевидно, что ваше возбуждение имело какой-то позитивный смысл, доказывающий наше предположение, что информацию до вас все-таки донесли.

Полковник угрюмо осмотрел присутствующих, и пожелал покинуть помещение, чтобы переодеться. Больше он в этом зале не появлялся. Этого было достаточно, чтобы у проекта появился еще один враг.

– Если изменить параметры моей динамометрической машины, то можно было бы проделать этот же опыт в некотором временном промежутке. Скажем, спящий может рассказать то, что ему покажут завтра, но это он увидит уже сегодня. В это нельзя

было бы поверить, но такие вещи уже проделываются, и гарантируется чистота эксперимента. То есть полная изоляция. Люди посторонние. Тот, кто показывает изображения. Его потом увозят, чтобы они никаким образом не встретились, и не обсуждали данный этап опыта.

На экране показаны фотографии опыта с указанием дат.

– Я понимаю! Это ничего пока не говорит, опыты будут продолжаться. Прошу, сделаем перерыв. После посещения нашей скромной столовой, мы соберёмся вновь, чтобы продолжить наше увлекательное мероприятие.

Несмотря на уверенность профессора Коне, эта конференция закончилась полным крахом для его проекта. После его выступления, наступила очередь руководителя другого отдела. Тот начал свою речь с критики работы некоторых отделов, но, странно, не называя при этом ни один из них. Потом вышел другой докладчик, и поднял некоторые финансовые документы и отчетности, выложил такие выкладки о суммах, что некоторые в зале просто вздрогнули от неожиданности. Речь шла о нескольких миллионах золотых марок.

– На что именно ушли эти деньги? Кто может ответить? Я бы рекомендовал некоторым отделам провести инвентаризацию всех своих средств, с целью вернуть Германии эти средства.

Все знали о строительстве грандиозного замка и других объектов, которые временно были заморожены. Выступление этого человека было полной неожиданностью. Поддержка, которой он пользовался, уходила в кабинет самого Гиммлера.

На следующий день профессор Коне имел личный разговор с профессором Фюстом.

– Профессор, как же так? Вы обещали мне отдельное финансирование для моего проекта – что случилось? Это уже второй раз за мою карьеру, когда мне приходится сворачивать все дела. А ещё я узнал, что мои «динамометры» вывезли со склада. Хорошо, мы прекратили тестирование, но об изъятии машин я узнаю от посторонних людей – как же так?

– Дорогой Артур, это все «подковерная война» между ведомствами СС и СД. Они заново хотят поделить пирог власти. Надеюсь, вам, как беспартийному человеку, это должно быть понятно? Следует переждать, а то и вам свернут шею. Я случайно узнал, что ваша идея влиять на людей в прошлом имела совершенно неожиданный успех. Потом мне приказали создать репродуктор на основе вашей машины. Более того, реконструкция уже идет, я постеснялся сообщить об этом вам, чтобы не обидеть. Но всегда могу передать это дело в ваши руки.

– Но почему я узнаю об этом в последнюю очередь?

– Я еще надеялся, что ваш проект не закроют, поэтому не хотел отвлекать вас. Нами создан домашний репродуктор, который будет значительно влиять на слушателей, находящихся в зоне десяти метров. В основе лежит идея вашей машины, просто без временного диапазона. Понятное дело, что все приборы пришлось демонтировать, чтобы создать наш новый, компактный репродуктор. Знаете, идея влияния на прошлое больше не находит поддержки даже у фюрера. Короче, аппарат пропаганды доктора Геббельса заинтересовался вашей идеей дистанционного влияния на личность. С некоторых пор такие репродукторы должны будут оказаться в каждой немецкой семье.

– Они отдают себе отчет? Вспомните, данные тестирования? Там были случаи самоубийства. Сами понимаете, слушать речи будет небезопасно.

– Только не надо говорить об этом вслух. Проект уже подписан, на него выделили все остальные ваши деньги. Если хотите, можете присоединиться к новой группе. А пока следует провести аудит.

– Герр Фюст, вы мне обещали, что мой проект будет завершен. Это всего два-три года, я прошу, сделайте что-нибудь. У меня уже есть успехи.

– Герр Коне, не утруждайте меня повторять дважды. Завтра начнется проверка, после нее возьмите себе отпуск, отдохните в Альпах. Покатаетесь на лыжах. А когда примете положительное решение, я вас жду. Прощайте.

Это уже была вторая пощечина за последнее время. В первый раз, когда доктору Коне пришлось покинуть столицу, и отдать свой кабинет лингвисту, и второй раз, сегодня, когда его проект назвали бесперспективным. Конечно, у Коне были еще козырные карты в рукаве, и он был готов ими воспользоваться, но следовало подготовиться к аудиту.

Короткий разговор по телефону с Генрихом, его помощником, потом одна бессонная ночь, чтобы проверить документацию, и Артур Коне был готов.

Ему пришлось самому встретиться с инспектором какого-то ведомства, которому было поручено проверить финансовую сторону проекта за последний год. Сама проверка продлилась больше недели, и поэтому вся научная работа встала. Профессор Коне имел разные источники для продвижения своих научных проектов, в которых он никогда ни пред кем не отчитывался, поэтому он и его помощники с трудом смогли справиться с этим аудитом. Многие суммы пришлось вскрыть, предъявляя платежные и другие документы. Те, которые можно было не показывать, их надежно спрятали в других документах.

Профессор Коне выстраивал новую программу, рассчитанную на несколько десятков лет, поэтому всегда нуждался в официальном финансировании. С этого момента для него наступит новый период исследований, можно сказать, неофициальный.

Глава четырнадцатая, где обнаружился «русский след»

По пути обратно, доктор Канец и Лион остановились в том самом месте, которое доктор обещал показать позже. Очевидно, что этот момент наступил, можно было взглянуть на это красивое место поближе. Река делала крутой поворот, частично отстаивалась, и уносила свои воды в далекую неизвестность. Высокий обрыв был оснащен деревянным помостом и хлипкой оградкой, имелось также несколько лестничных проёмов, широкая скамейка для отдыха. Это единственное изменение, что человек посмел внести в данном месте. Они прислонили свои рюкзаки к ограде, присели. Мужчина смотрел, как его коллега облокотился, чтобы взглянуть в водную бездну, потом откинул голову и засмеялся. Где-то далеко внизу, в этом водовороте рыба своими плавниками приводила омут в движение.

– Вот, Лион, я бы хотел тебе кое-что показать. Взгляни, это копия одного интересного документа. Он на немецком языке, я думаю, что это для тебя не проблема.

Парень повернулся, было видно, как он побледнел от таких слов. Фотография старого документа перекочевала в руки молодого ученого. Тот, напрягая зрение, пробежался по списку фамилий, потом остановил взгляд на размашистой подписи. В числе перечисленных людей были имена Иосифа, Рахиль, Марата, Терезы и многих других. В особой графе стояли номера из нескольких цифр. Когда Лион заметил эту графу, пальцем уперся в необычный номер, проследил дальше, и обнаружил имя Якова, он поднял в недоумении голову.

– Да, Лион! Я подумал, что ты должен знать. Твоя теория о памяти предков тесно связана с прошлым. Ведь тебе поменяли имя в детстве, и кроме этого номера на руке ничего нет, так?

– Когда вы все узнали?

– После того, как ты сообщил имя Марии. Оно часто упоминалось в полном пакете документов. Нет, у меня его никогда не было. Но я успел сделать фотографии нескольких листов. Те, кто мне его давали, имеют очень смутные планы на наше исследование. Теперь о самом главном. Очевидно, что в нашей группе есть человек, который следит за всеми нашими разработками. На кого он работает – это мне пока не ясно. Поэтому я давно веду двойную отчетность. Все незначительное хранится в рабочем сейфе. А настоящий дневник мне приходится носить с собой или прятать в тайнике.

Доктор Канец встал, и, улыбаясь, поднял руку, словно предложил еще раз посмотреть на далекие серые скалы, темный лес, и стремительный поток воды.

– Мы должны довести до конца нашу работу, а потом я найду способ исчезнуть. И нас переправят в Лондон. Там мы будем в безопасности. Сегодня американцы проявляют к нашей работе большой интерес, они могут предоставить лабораторию, деньги. Их интересует возможность влиять на людей, на исторические события. Лион, там тоже ненавидят фашизм. Эти работы нужно продолжать.

– А кто сейчас наш заказчик?

– Это какой-то независимый научный институт, который находится на границе территорий Франции и Испании. Сейчас я думаю, что это остатки Аненербэ, которым удалось выжить после прихода союзников. Все немецкие документы имели штампы какого-то отдела Аненербэ. Очевидно, что твое участие помогло совершить прорыв. Моя машина – это точная копия немецкого «динамометра» доктора Коне. Недавно я смог подтвердить свои догадки, мой старый знакомый прислал мне копии научных отчетов из библиотеки Мюнхенского университета. Там была фотография этого доктора и его машины. Поверь, я уже долго ищу ответы на свои вопросы, но здесь нельзя об этом так просто распространяться. Ты должен доверять мне. Я полностью на твоей стороне. И теперь я хочу знать твое мнение.

Лион судорожно проглотил ком, который неожиданно подкатил к горлу, и отвернулся. На него нашел его очередной приступ страха. Но он смог его побороть, а когда окончательно справился, то встал и решительно стал собирать вещи. Когда он был готов, он повернулся к коллеге.

– Я многое понял, и теперь нужно идти до конца. Прошлому следует дать шанс. Мы найдем еще одного моего родственника или возьмем другое лицо для своих работ. Нам следует что-то придумать, что поможет кардинально изменить прошлое. А еще мы спасем Иосифа. Мы опять свяжемся с Марией, и дадим ей больше информации о будущем. Надо изолировать нашего лаборанта, он не внушает мне доверия. Ему мы придумаем какую-нибудь работу, загрузим по самое горло, чтобы он не смог нам помешать. А кто этот таинственный пастор?

– Я думаю, что это еще одна заинтересованная сторона. Сам пастор отпетый нацист, но все считают, что это у него в прошлом. Сегодня я получил сообщение, что он работает на русских! Да, они его очень давно перевербовали, теперь он выполняет задание «штази». Так называется организация у восточных немцев. Конечно, он работает на их коллег из Москвы. Это уже не первая

попытка узнать результаты наших работ. Недавно у нашего соседа по корпусу был пожар, кто-то пытался украсть данные его разработок. Человека, который это сделал, застрелили при попытке к бегству, потом мне сообщили, что он был из восточных немцев, и долго работал на русскую разведку.

Они вернулись в свое научное поселение. Быстро разделали пойманную рыбу, сами приготовили уху. Для таких целей в конце небольшой лесопильни имелось место для пикников. Там можно было разжигать костер. На огонек подходили другие служащие. Когда все было готово, каждый желающий мог набрать себе миску рыбного блюда. Спиртного для таких целей не полагалось, пить в этом месте, было строго запрещено. Этот запрет все ловко обходили. Так, охранник всегда покупал через доктора Канеца у местных контрабандистов виски и американские сигареты.

Когда никого из остального персонала не было, охранник сообщил, что видел в окно, как их «дорогой лаборант» долго рылся в шкафах и даже открывал сейф. Доктор утвердительно кивнул головой, больше его ничего не беспокоило.

Оставшееся время месяца они проводили ряд опытов. Днем вели одну цепочку исследований, а поздно вечером пытались использовать свои новые наработки. Лаборант ничего пока не заподозрил, потому что имел возможность регулярно снимать копии с журналов.

Глава пятнадцатая, в которой читатель узнает о нападении на лабораторию. Лион. Марат. Тереза. Нападение

Все на станции вроде происходило, как обычно. Работы всех исследовательских групп велись с тем же самым расчётом всех мер предосторожности, которые были введены раньше. С некоторых пор за периметр стало запрещено выходить.

Тесных контактов между группами никогда не было. Но именно в этот день, доктор Канец услышал за столом, что продукты не подвозили уже в течение недели. Заканчивалось дизельное топливо для их станции. Конечно, имелся еще неприкосновенный запас. Якобы не могут обналичить деньги на снабжение.

Чем это объяснялось? Очевидно, новым политическим кризисом. В стране начались крупные беспорядки, и банки приостановили выплаты по некоторым направлениям. Студенческие волнения в крупных городах вызвали ужесточение противодействия со стороны властей. Полиция занималась поиском организаторов студенческого движения. Волнения и забастовки на многих предприятиях, возникшие в связи с массовым сокращением, это послужило поводом для финансового кризиса. Стала заметна инфляции местной валюты. Так что банковские системы прекратили производить некоторые оплаты, мотивируя это внеплановыми проверками. На самом деле происходили сокращения штатов, возможно, что временно упразднялись некоторые отделы, работу просто некому было делать. Не работала почта.

Долго не приезжал специальный курьер, а это было уже серьезно. Также пострадала телефонная связь. Это объяснялось крупной аварией трассы. Само собой причин для явного беспокойства не было, но что – то подсказывало доктору, что крупные события в стране могут решительным образом отразиться на положении дел в исследовательской группе. Он вернулся в свою комнату, и проверил пистолет. Потом убедился, что основные записи по-прежнему находятся в тайнике, вернулся в лабораторию.

Они с Лионом вновь начали попытку восстановить связь с Марией. Для этого приготовили несколько сот различных карточек с нужными фразами, с фотографиями и картинками для подсказок и воспроизведения визуального образа. Так получилось, что подозрительного лаборанта забрал завхоз. Они

поехали на служебном грузовике в крупный город, чтобы привезти продуктов. Несколько суток бесконтрольной работы им было обеспеченно.

Лион находился почти в бессознательном состоянии, его взгляд тупо уставился в мелькающий экран. Голова была зажата штативом. Несколько десятков проводов с датчиками по всему телу были укрыты эластичными бинтами. Мистер Илонг часто менял картинки, проверял состояние Лиона. Еще он переставлял датчики на самой голове, для удобства они изобрели некий шлем, который крепился отдельно. Его можно было вращать по определенной системе. Он уже по несколько раз менял параметры импульсов, но, видимо, опыт не имел нужного результата. Что-то блокировало связь, или человек на той стороне времени находился вне доступа.

В короткий перерыв они вышли на воздух. Это была веранда на крыше, туда вела отдельная лестница. Лион взял сигарету у доктора и закурил. С некоторых пор он много нервничал, и стал курить.

– Я думаю, что нужно изменить строение датчиков. Однажды мой профессор в университете подсказал мне интересную мысль. Он опасался, что я воткну электроды прямо в мозг! А ведь это упрощает все!

– Но откуда тебе известно, куда именно должны быть направлены импульсы?

– Все очень просто. Мне не обязательно пилить черепную коробку. Первые наши удачные опыты мы не можем повторить, потому что уже прошло некоторое время, значит, для Марии оно также прошло. Очевидно, что она приближается к своей смерти. Нужно вызвать следующий ее эмоциональный всплеск, и обеспечить новой информацией, чтобы она успела ею поделиться.

Он стал нервно расхаживать по комнате.

– Поэтому, я предлагаю сделать концы датчиков более острыми. Вроде огромных игл. И, они должны глубже проникать в кожу под прямым углом. Чтобы не было заражения, иглы обработаем в специальном растворе. Крепиться все должно очень жестко. Теперь шлем будет иметь штативы. Ролики снимем. На голову требуется более пятнадцати игл. Это очень много, предлагаю работать с семью точками одновременно. Я побрею голову, и мы тщательно наметим все эти точки. Сеанс сделаем короткий, до появления связи или строго ограничимся регламентом. Каждый раз при смене позиции придется менять положение игл. Предлагаю использовать вытяжку экстракта белладонны. Это предотвратит кровоподтёки.

– Это приведет к галлюцинациям. Нарушится чистота

эксперимента.

– Возможно, что медикаментозно следует помочь мозгу пробить временную брешь. Машина сама по себе не может достигнуть нужного эффекта. Очевидно, раньше мы что-то упустили. Но что именно? Я до тех опытов был простужен и принимал лекарства. Они могли остаться в организме, и повлиять на ход опытов. Просто мы этого не учли.

– Я могу сам изготовить острые датчики, ты займись зажимами. Потом я, так и быть, побрею тебе голову. Мы сделаем из тебя настоящий кошмар твоего профессора.

Бритье происходило тут же. Ученые не хотели шокировать остальных обитателей поселения, поэтому нагрели воду в ведре в тесных лабораторных условиях. Лион разделся до пояса. Его худое тело согнулось на табуретке. Доктор достал немецкую бритву, равномерно провел ею по кожаному ремню. Острота лезвия была достаточной, все обошлось без порезов. Взбитая пенная масса медленно облазила под своей тяжестью, встряхивалась, унося на пол клочья волос. Лезвие еще хищно сверкало в электрическом свете, но Илонг крепко держал второй рукой подбородок. Он знал свое дело.

– Без работы не останешься. Если что, будешь классным цирюльником.

– Не смеши меня, а то будет дополнительная услуга – кровь пущу!

Более интимной картины между ними не наблюдалось. Полуголый Лион с уже лысой головой, Илонг с крепкими руками, словно танцующий возле своего молодого коллеги.

– Потом будешь носить спортивную шапку. Никто ничего не заметит, волосы вырастут, и все!

Лион вымыл голову, вытер насухо тело. Карту будущих точек пришлось зарисовывать по записям с тетрадей. Каждая точка имела свое название в латинском алфавите, для лучшего удобства. У них была также большая картинка из старого китайского пособия, где некоторые точки совпадали. Их нанесли в первую очередь. Долго все проверяли, боясь ошибки. В некоторых случаях производили исправление. Такие изменения, очевидно, были необходимы. Точки для удобства изобразили с названиями: Альфа, Бета. Лион держал свой дневник и проверял все по зеркалу. Когда он остался доволен, стали готовиться дальше.

Чтобы не замерзнуть, Лион сразу натянул на нижнее белье свой толстый свитер. Сверху пришлось залепить клеёнку. Он сел на стул, Илонг закрепил его самого. Несколько датчиков следовало установить на руки и ноги, они шли отдельно для

снятия показаний тела.

Когда нужно было надеть шлем, Илонг не выдержал, усмехнулся.

– Что-то не так?

– Знаешь? Ты теперь такой… космический! Особенно с этими латинскими буквами. Нужно тебя сфотографировать. Иначе потом сложно повторить всю карту. Два источника в одном. Подожди, я буду все фотографировать.

Последовала вспышка магния. Потом еще.

Шлем теперь напоминал чудовищное орудие пытки. Несколько неровных рядов иглы, связанные длинными проводными нитями со сложными блоками, с самой машиной. Та тихо урчала, прогревалась. Размеренно работал вентилятор охлаждения. Когда шлем натянули, Лион ощутил только холод этого прибора. Иглы мягко впились в нужные отмеченные точки.

Началось действие. Экран показывал нужный ряд картинок. Мистер Илонг внимательно всматривался в зрачки Лиона, менял показатели своего «динамо». Потом Лион делал знак, Илонг менял давление на крепежных штативах, иглы уходили вглубь. Ничего пока не менялось, но, судя по осциллографу, некая работа точно велась. Трудно было что-то понять, но вдруг зрачок Лиона задергался. Его губы стали двигаться, словно он что-то пытается сказать.

– Если это началось, то дай знак. Пошевели кончиками пальцев!

Лион сделал знак. Пальцы у него тоже упирались в датчики, где-то самопишущие приборы пришли в действие.

Лион заговорил громче, обращаясь во временную пустоту, кто – то на той стороне вышел с ним на связь. Он сделал условный знак, Илонг осторожно отрегулировал давление на крепежах штативов. Иглы впились еще сильнее.

– Результат в первой семерке точек, это уже прорыв. Что же там происходит? Нужно сразу записать все, что он скажет. Нет, лучше включить магнитофон сразу, чтобы иметь больше данных. Засечь время.

Он посмотрел на часы. Шторы были закрыты, они провозились долго, наступила ночь.

Картинки менялись одна за ругой. Потом Илонг вставил другую партию приготовленных картинок, через некоторое время третью и четвертую. За этим следовало повторение, опять первая и так далее.

Через два часа закончилась бобинная лента, ее пришлось сменить. Лион стал передавать всё увиденное им. Он медленно и внятно произносил слова, потом сделал еще знак. Илонг с

сомнением стал переделывать устройства штативов. Иглы впились. Кожа в некоторых местах заметно кровоточила. Новые данные импульсов, новые показатели на длинных бумажных полотнах, магнитных лентах. Потом он потерял сознание. Нашатырный спирт привел его в чувство, он стал кричать. Тело задергалось, кресло не было предназначено для таких усилий. Что-то ломалось, следовало прекратить опыт. Мистер Илонг стал выводить «динамо» на нейтральное положение. Потом он ослабил давление игл, вытягивал их из кожи, следовало потом все протереть.

Когда тело удалось вытащить на кушетку, Лион обессиленно свернулся в калачик, и сладостно закрыл глаза. Илонг его укрыл единственным в лаборатории шерстяным одеялом, а сам присел за стол, чтобы прослушать записи.

– Это есть прорыв, явный прорыв!

Лион

Парень и предположить не мог, что его затея с подкожным внедрением датчиков принесет какой – либо результат. Бритье ему, конечно, понравилось. Нежное касание лезвия по коже вызывало нервное напряжение, по спине бежали мурашки, кровь, словно гонг, стучала где– то, но не в ушах.

– Без работы не останешься. Если что, будешь классным цирюльником.

Ответа он не услышал, словно очутился в каком-то другом месте, он вдруг увидел сам себя, откуда-то сверху. Илонг брил Лиона, а маленький мальчик, оглядываясь на них, уходил в далекий туннель. Вдруг все переменилось, он вернулся.

Теперь он знал точно, что все получится. Он на миг увидел будущий опыт, его словно вжали до размера вспышки, он увидел голубое свечение некого поля вокруг своей головы, капельки крови, которые, нагреваясь, медленно пузырились. Меняющиеся картинки, словно бесконечный фильм. И далекое неизвестное, куда он так хотел вновь проникнуть.

Он вспомнил доброе лицо Марии, когда она смотрела в зеркало, и ожидал увидеть его вновь.

Ничего не сказал, боясь спугнуть увиденное. Быстро вытерся, достал тетради и китайский медицинский атлас, стал готовиться к картографии.

Доктор Илонг наносил химическим карандашом точки по этим записям, Лион его проверял по зеркалу. Пока все было в норме, но он знал, что следует торопиться. Где-то в темноте обратно возвращалась машина, о которой его успели предупредить. У них еще было время. Следовало приготовиться к опыту.

Возможно, были ошибки, Лион нервничал, он, словно боялся, что любая задержка может сорвать сеанс, но ничего плохого не происходило.

Сейчас он нащупает контакт, и его прабабушка все от него узнает. Очевидно, что он спасет Иосифа-воина и всех его людей.

Но вместо Марии он нашел другую женщину. На стене в незнакомой затемненной комнате висело большое зеркало. Что-то похожее на кровать, где лежал человек. Он сразу понял все это, более того, он узнал женщину. Он видел ее в далеком детстве и хорошо помнил старую семейную фотографию, которую ему никто не объяснял. Да, это была его мать. Она металась в родильной горячке, и бредила. Та самая информация, что была предназначена для Марии, она попала к Терезе, жене Марата. Женщина выдавала все увиденные ею и им символы и сигналы. Лион попытался пробиться к ее разуму, но, очевидно, что болезнь была сильнее, она находилась в пограничном состоянии, когда ее действия вызывали у окружающих лишь опасения. Лион приказал своему телу, подать знак доктору Илонгу. И тот сразу стал колдовать с креплением. Некий смутный образ стал вырисовываться в его сознании. Тереза находилась в постели, ее окружали какие-то люди. Атмосфера царила тревожная, но не враждебная, он такое бы сразу почувствовал. Старинные предметы, очень богатая обстановка. Люди в довольно красивых домашних одеждах, сразу понятно, что тут царил относительный достаток. Парень стал искать новый контакт с женщиной, он по-немецки произнес:

– Записывайте, записывайте все, что я сейчас произнесу!

И стало понятно, что его слышат. Женщина, которая заговорила мужским голосом, это вызвало эффект взорванной бомбы.

Лион стал рассказывать о далеком прошлом. Он рассказал все, что знал о своей семье. Поведал о лагере, о стране. Поделился опасениями об Иосифе. Он просил всех покинуть эту страну, уехать в далекую Америку, в Австралию. Сказал, что новая война не за горами, что нацистского лидера следует остановить, но, судя по истории, это почти невозможно.

В какой-то момент он попытался заглянуть внутрь Терезы, но какая-то неведомая сила обрушилась вдруг на него, и вышвырнула из тела, он понял, что может остаться в прошлом, испугался, его стало ломать, силы исчезали, метаться в незнакомой комнате становилось опасно. Он знал, что успел предупредить, но его частица застряла в прошлом. Теперь его тело могло погибнуть в коматозном состоянии.

Вдруг, эта самая женщина приподнялась над кроватью. Что

заставило ее тело так неестественно вытянуться? Думаю, что об этом никто ничего не узнает. Она открыла на миг глаза, увидела его, ласково протянула свои руки, и поймала, заключив его неосязаемую часть в своих крепких объятьях. На миг он воспринял вновь ее теплое тело, проник обратно, расслабился, и через мгновение он очутился в своем времени. Он увидел доктора Канеца, который уже отключал машину. Лион понял, что Тереза ждет ребенка, кто – то из присутствующих даже называл его имя. Это был он, Яков.

Сон сломил парня, но тревога не уходила. Где-то возвращается машина, о которой должен знать доктор Илонг. Это был старый американский грузовик, списанный и переданный гражданским службам после войны. Там ехали их враги.

Марат

Период болезни своей жены он пропустил, потому что находился в заграничной командировке по службе. Его работодатель имел на парня очень заметные виды. Когда-то отец Марата внес в эту компанию очень большой вклад. Это позволило создать отдельное предприятие, а потом принесло контракты с иностранными партнерами. Интуиция и невероятное везение помогло создать целую финансовую империю. Владелец поделился выкладками с остальными европейскими родственниками, были созданы дочерние филиалы во Франции, Италии и Польше. Компания смогла выдержать военное бремя, потому что была готова к этому. Основные деньги, полученные в мирное время с биржи, эти компании успели перевести в швейцарские банки. Это никуда не делось. Вторая часть капитала, вложенная в производство смазочных технических средств для нужд армии, принесла довольно высокие дивиденды. Производство располагалось как в Германии, так и в северных странах, таких как Норвегия и Финляндия. Зависимость от недостаточного количества нефтепродуктов заменили изготовлением элементарного дёгтя, который использовали в различных смазочных материалах с современными на тот момент техническими добавками. Потом часть предприятий пришлось продать, потому что военные события и политические перемены в этих странах могли привести к их приватизации государством. Компании продали управляющим, но все это осталось, как равное партнерство. Деньги опять смогли использовать. Иосиф прекрасно расписал весь план, которого следовало придерживаться. Его партнер и хозяин снова увеличил состояние, вложив все в акции других норвежских предприятий. Что касалось самой Германии, то там удалось купить несколько земельных участков, которые продали им обнищавшие потомки

знатных родов. Во время войны там выращивали овощи и другие культуры, которые пользовались спросом. Голодное военное время прошло благополучно для всех родственников служащих данной компании. Пока мужья были на фронте, их жены спокойно занимались фермерством на бывших помещичьих землях. Это вызвало недовольство у тех соседей, которые не предприняли никаких мер в этом направлении. Компания была межнациональная, этнически негерманская. Более того она выглядела, как коммуна. Процветания тут почти никто не заметил. Но, выполняя заказы на поставку сельскохозяйственных продуктов, они обеспечили себя не только пропитанием, но и постоянной работой.

Следует отметить, что французскому филиалу сначала повезло меньше. Они выполняли заказы на пошив и поставку обмундирования для своей армии, но сразу попали в оккупационную немецкую зону, и лишь с приходом американцев их деятельность возобновилась. Именно тогда филиал самостоятельно возобновил работу, не напоминая о своих германских корнях. Ими смогли заинтересоваться новые американские партнеры, которым нужны были местные коммерсанты и производители.

Потом Иосиф вернулся с фронта, но пробыл с семьей относительно недолго. Он был вновь одержим своей миссией, к которой привлекал друзей и соратников. У него давно родился сын, которого назвали Маратом. В честь французского революционного лидера.

Через некоторое время, когда Марат вырос, он женился. Теперь они жили в относительном достатке. Хозяин хорошо оплачивал работу всех своих сотрудников. Коммуна перестала быть тем островком, который только спасал. Следовало грести дальше.

Тереза

Его жена Тереза ждала ребенка, когда молодой человек отправился в Норвегию, где следовало найти применение швейцарским деньгам.

Многочисленные родственники не оставили в трудном положении их семью. Болезнь, вызванная упадком сил, стала неожиданностью, и все беспокоились о не родившемся пока малыше. Поэтому рядом с женщиной всегда находились родные или знакомые.

Тот вечер вызвал настоящий переполох. Тереза вдруг согнулась в постели, выкатив свой огромный живот из под рубашки, и оперлась на локти. Она стала быстро перечислять непонятные слова, даты. Все это насторожило женщин, которые

были в доме, они собрались вместе, чтобы помочь Терезе лечь обратно.

– Записывайте, записывайте все, что я сейчас произнесу!

Женщина, неожиданно заговорила мужским голосом, это вызвало эффект взорванной бомбы. С безразличным лицом Тереза стала медленно перечислять события, которые пока не случились. Некоторые касались лично ее семьи, другие имели отношение к будущему всей Германии. Потом предсказания сыпались о разных странах, о коммунистах, о нацизме, о вожде нового политического движения страны. Предсказания предупреждали о тяжелых последствиях деятельности новой политики для всего мира. Следовало опасаться всего, что было связано с нацизмом. В какой-то момент лицо посерело, а тело Терезы свело судорогой, оно пошатнулось, голос пропал. Вдруг, женщина приподнялась над кроватью, перевернулась набок и упала без движения. Её успели поймать. Вызванный врач констатировал глубокий сон, ничего, что бы угрожало ей или ребенку он так и не обнаружил. Горячка пропала, а те рассказы очевидцев вызвали у него только усмешку. Правда, слова, сказанные «про нацистскую партию», его насторожили, но он не подал и виду.

Ему не пришлось даже делать уколы, Тереза проспала несколько часов, и, проснувшись, почувствовала только легкое недомогание и голод. Оказалось, что она ничего не помнила. Записи, сделанные другими женщинами, дождались Марата. Доктор только успел взглянуть в них, но свой интерес к этим бумагам он решил не показывать. Как тайный осведомитель полиции он написал подробный доклад своему непосредственному куратору, тот передал бумагу начальнику.

Нападение

Парень еще спал. До раннего утра Илонг прослушал все магнитофонные записи. Слова Лиона о машине показались ему очень важными. Он сходил за оружием. Потом стал упаковывать бумаги, записи в сумку, а прибор в отдельный чемодан. Туда же он спрятал и свежие материалы, которые следовало проверить, и задокументировать. Багаж получился внушительный.

– Фотоаппарат! Следует забрать все негативы и снимки.

Он хотел предупредить охрану, но решительно не мог объяснить им ничего существенного. Его знакомый охранник на всякий случай запер шлагбаум на въезде, проверил ворота. Было еще темно, сырость и туман мешали разглядеть дорогу. Охранник вернулся на место.

Когда появился грузовик, никто не спешил выйти ему на встречу. Прозвучал сигнал клаксона, из кузова выскочили несколько незнакомых вооруженных человек в темных

комбинезонах, бросились к воротам. Охранник успел выстрелить в воздух. Это послужило сигналом тревоги. К нему уже спешил его напарник. Дальше все было предсказуемо. Оказалось, что через стену уже пробрались два посторонних человека, один всадил в охранников обойму из пистолета. Ворота открыли, машина медленно въехала внутрь. В жилом спальном корпусе и лабораториях началась паника. В обязанности нападавших убийство ученых не входило. Но некоторые из них оказали сопротивление.

Что касается наших героев, то доктор Илонг и его молодой коллега спокойно покинули территорию станции. Они воспользовались потайным ходом, о котором мало кто знал. Глубокий туннель был вырыт монахами, которым раньше принадлежало это здание. Низкий свод позволял пройти, не согнувшись. Только тяжелая поклажа мешала им быстро двигаться. Именно возле омута приятели смогли выбраться наружу. Там им пришлось немного потрудиться, чтобы подняться по стене. Высокие деревья надежно скрывали это место.

Через час у деревни их подобрал легковой автомобиль. В нем сидел знакомый парень, который раньше дал доктору Илонгу пистолет. Машина тронулась. Они уже почувствовали себя в безопасности, когда дорогу им перекрыло поваленное дерево. В утреннем тумане появилась одинокая сутулая фигура. Блеснул свет фар, в ответ прозвучали выстрелы. Парень за рулем вскрикнул и уперся головой в руль. Доктор Илонг успел открыть переднюю дверь, и выпрыгнуть из кабины. Он уже вытащил свой пистолет, снял его с предохранителя, когда прозвучали новые выстрелы. Не отличаясь особой меткостью, он присел и выпустил перед собой всю обойму. Наступила тишина. Туман еще не рассеялся, но кусок дороги оказался чист. Ожидание затянулось. Когда Лион тронул его за плечо, доктор вздрогнул. Они разделились, один осмотрел нападавшего. Им оказался высокий мужчина в плаще.

– Очевидно, что это ваш пастор. Что с водителем?

– Убит. У нас поврежден радиатор. Что-то с бензобаком. Вот, капает топливо. Дальше мы пойдем пешком. Нужно найти телефон, или добраться до железнодорожной станции. Впрочем, там нас уже будут искать.

– Патроны остались?

– Нет, но мы возьмем обойму у этого доброго человека. Не убий, да, не убитым будешь.

Наложил крест. Тащить на себе баулы было бессмысленно. Перемазанные в грязи, с тяжелым чемоданом, они теперь были легкой мишенью. Следовало что-то спрятать, а самое ценное взять

с собой. Чуть дальше по дороге, они обнаружили каменное сооружение. Это был придорожный крест. Рядом находился родник, где можно было привести себя в порядок. В основании креста была неглубокая ниша, в которую можно было легко спрятать вещи. Они так и сделали. Накрыли чемодан старым грязным плащом. Сверху уложили плоские камни. Лион остался в стеганых брюках, шерстяном свитере и кепке. Он спрятал свои дневники в непромокаемый футляр для бутылки, который повесил за спину. Илонг оставался в плаще, который следовало хотя бы почистить.

Они вернулись к источнику. Доктор нагнулся, напиться. Ледяная родниковая вода ломила зубы. Пришлось умыться холодной водой. Потом доктор Илонг осмотрелся, следов на мокрой, каменистой почве они почти не оставили. Мох на остальной земле не помяли. Появился солнечный диск, окружающий дорогу лес затрещал на все лады, следовало уходить. Было по-утреннему прохладно.

Через пару часов послышался шум колес, им пришлось сойти с дороги, и спрятаться. Знакомый грузовик проследовал в город, приятели переглянулись. Среди пассажиров в кузове они увидели знакомых со своей станции. Те сидели в окружении трех вооруженных парней. Лиона уже шатало от напряжения, но следовало двигаться дальше, чтобы добраться до железнодорожных путей.

Там, впереди их ждали. Кто? Враги или друзья? Да, какая разница, теперь им следовало исчезнуть, чтобы вновь начать свои исследования. Лион просчитывал новые способы воздействия на мозг человека. Доктор Илонг? Знаете, но в этой истории его позиции остались до конца не ясными.

Глава шестнадцатая. Сподвижники. Влад. Кризис

1885 год. Австро-Венгрия. Это случилось на исправительных работах. Еще в ходе следствия Иосиф нашел в себе силы и ничего не рассказал о себе лишнего. Да, его германский адрес соответствовал действительному адресу проживания. Но это был короткий период между переездами, там никто ничего сообщить не смог, поэтому если бы кто-то искал его родных, то не сразу бы их обнаружил. Смерть сестры плохо повлияла на него, он чувствовал себя виноватым, бросил ее одну, когда очевидно был ей нужен. Так или иначе, те, кто искал его следы в прошлом, они уперлись бы в некий тупик, откуда без проявления некой доли находчивости, ничего обнаружить бы не удалось.

Первый год работ проходил в строгой изоляции. Трудовой лагерь напоминал далекое отдельное поселение. Они не носили оков, лишь только одинаковая серая одежда напоминала о том, что они арестанты. Если бы их статья была иной, им бы пришлось находиться в другом месте, где одежда была полосатой, а конвой с оружием. Тут все было иначе. Общество «Трудовые резервы». Строительство дорог, посадка молодых деревьев, укрепление русел рек и каналов. Все, что следовало им делать, это каждое утро, получив задание, за день его выполнить. Прожить два года оказалось не так просто. Бараки, в которых приходилось им ютиться, мало отличались от тех сараев, где жили надсмотрщики и бригадиры. Собственно говоря, там было мало осужденных. Это был самый щадящий режим отбывания наказания. За работу император платил некоторую сумму денег, которую можно было потратить в лавке, или в трактире. Через три месяца Иосиф стал помощником бригадира, а через полгода бригадиром. Такой карьерный рост объясняется тем, что его предшественник внезапно умер, оставив свою должность новому молодому помощнику. Иосиф отличался ростом и силой. Он был грамотный, умел выполнять любые математические и геометрические измерения. Умело управлялся с лопатой и ломом. Так что никого не удивило его назначение. В его группе находилось двенадцать человек. Трое были евреями. Следует отметить, что эти евреи не могли иметь отдельную кухню, но не очень от этого страдали. Половина группы – закоренелые преступники, для которых трудовой лагерь был лишь поводом быстрее попасть на волю. Днем им приходилось работать, но недолго, строго по расписанию, а вечером они занимались

своими делами. Под вечер Иосиф читал вслух книгу, или рассказывал разные истории, которых у него было много. Так или иначе, все очень быстро сплотились вокруг него.

Влад

Это было первое место, где Иосиф пытался найти для себя подходящих помощников, но потом он понял, что ошибся, и перестал кого-либо искать. Тем не менее, один его знакомый ему потом пригодился. Однажды он спас человека, и тот в знак благодарности переселился поближе к нему. Потом он ходил за Иосифом следом, и всячески пытался ему помочь быть бригадиром. Кстати, на тот момент Иосиф уже хорошо справлялся с этими обязанностями. Он руководил уже тремя отдельными группами. Того человека звали Влад, он был на пять лет старше Иосифа, и выглядел несколько странным. Огромного роста, широкие, немного сутулые плечи, крупная голова и очень странная логика поведения. Он был умственно неполноценным человеком. Многое воспринимал, так, как говорят другие. Собственно говоря, и преступление, совершенное им, было бытовым, не уголовным. Некто воспользовался его простодушием, совершил преступление, и исчез из поля зрения. Когда Влада арестовали, то адвокат сумел доказать, что никакого злого умысла в действиях его подзащитного не было. Но судья должен был кого-то наказать, вот Владу и достались эти три года исправительных работ. Итак, Влад всячески помогал Иосифу, вместе они сломили сильную внутреннюю группировку австрийских преступников, в планы которых работы не входили. Как это происходило раньше, об этом Иосиф не задумывался, потому что законных уголовников всегда было меньше. Но тот период выдался неудачным. Шесть человек в соседней группе портили все показатели работ. Иосифу нужно было вовремя освободиться, и он не мог решиться на открытое противодействие. Его устные предупреждения ни к чему не привели. Группировка только смеялась над германским евреем.

– Что-то наш бригадир никак не отрастит себе пейсы. Не знаете, почему? Наверное, перестал быть евреем, хочет стать немцем.

Повторяю, было бы их значительно меньше, правила бы диктовались не ими. Логически доказать свою правоту, Иосифу было не трудно, но кто его будет слушать? Обострение могло привести к конфликтам, к наказанию. Вечером, перед самым отбоем, Влад вошел в казарму и спокойно направился в австрийский угол. Через пять минут он вернулся оттуда, вытирая на ходу разбитую губу. Две забранные им заточки были спрятаны в сапоги. На следующий день все побитые им австрийцы молча

вышли на работу. Сопротивление было сломлено. Наверное, это был не самый лучший способ, но он сразу подействовал. Любые другие изменения привели бы к смене руководства. Все разногласия в коллективе решались сразу, как только на заднем плане появлялась сутулая фигура Влада.

Так прошло время срока. За этот период ими было посажено очень много молодых деревьев, вырыто много каналов и укреплено несколько миль речного берега. От силы пятьдесят человек справлялись с очень большим объемом работ. Иосифу вручили премию в несколько австрийских крон, и предложили остаться вольным работником. Он отказался, к великому сожалению своего начальства. Впрочем, они знали о планах молодого человека, и с чистым сердцем попрощались с ним. Ему рекомендовали вернуться в Германию, или найти постоянную работу.

Первые дни свободы были оглушающими. Он имел на руках новые документы, но судимость закрывала перед ним многие двери. Следовало проверить состояние дел в Линце. Но совет обзавестись работой был актуален. Иосиф хотел дождаться Влада, чтобы обустроить и его судьбу. Он чувствовал за него ответственность, а может быть, он просто ему нравился. Так или иначе, когда срок Влада пришел к концу, за воротами его встречал Иосиф. Он временно нанялся кучером в Вене в одну австрийскую семью, потому смог забрать Влада на хозяйской бричке. Это был 1888 год.

Следовало попасть в Линц, чтобы проверить состояние дел в том городе. Молчаливый, сильный Влад очень быстро пришелся по душе хозяину, и тот был готов оставить себе такого работника. Но Влад чувствовал перед Иосифом очень сильную зависимость, хотел идти с ним. И стоило больших сил уговорить его остаться в Вене. Работа для такого человека, как Влад, много значила. Как-то само собой получилось, но однажды Иосиф проговорился о своей миссии. Нет, он не говорил что-то отрыто, не призывал к насилию. Просто сообщил, что следует проверить предположения, высказанные кем-то. При этом Иосиф не называл имен, не показывал бумаг. Все его записи хранились в Германии, и он ждал, когда сможет все это получить. Иосиф предполагал, что в будущем случится нечто ужасное, а может быть, он просто ошибается. Мысль все-таки зародила во Владе сильные сомнения, которые его терзали и мучали. Но Влад был застенчивый, нелюдимый, и некоторые мысли свои умел прятать. Короткая поездка в Линц привела Иосифа к знакомству с его будущей женой. Еще он проверил всех подопечных. Некоторых пришлось искать.

Кризис

Именно желание помочь своему другу привело к той трагедии. Как он узнал фамилии тех несчастных, этого уже никто не скажет. Влад потратил несколько личных выходных, выезжая в тот город. Он следил за семьей, в которой был мальчик. Семья находилась в списке Иосифа-воина на первом месте. Когда Иосиф узнает о трагедии, то не сразу поймет, что это он виноват в гибели той семьи. Пожар сжег дотла целый дом, в котором находилась семья. Никто не смог выбраться, потому что завал заблокировал дверь. Когда Иосиф вернулся в Вену, поведение Влада выдало его с головой. Это сделал он, больше некому. Но как он узнал? Они серьезно поговорили, и Иосиф понял, что невольно внушил свои мысли этому, в общем-то, неплохому, недалекому человеку. И тот совершил за него то, чего сам Иосиф сделать не мог. Это был для него удар. Они почти поссорились в тот раз, но сам прийти с повинной он не мог, потому что чувствовал всю серьезность будущей миссии.

– Когда я все проверю, то приму решение. Тебе не следует этого делать. Если тебя поймают, то вина будет на моей совести, поверь.

Он взял с Влада честное слово, что тот оставит все попытки вершить самосуд. Ведь могли опять погибнуть невинные люди. Именно тупое безразличное состояние Влада пугало его самого. Именно таким оружием он должен стать, холодным и бездушным. Убивать детей Иосиф не собирался, как бы он себя ни обманывал. Но не детей? Так в его списке стало меньше на одно имя. Они распрощались, Иосиф уехал в Линц. Он переживал, что так вышло. Ему еще нужно было найти остальных людей, чтобы не потерять всех претендентов из вида. Это могло стать самым счастливым его временем жизни. Невеста, новые друзья. Но случилась новая трагедия. Погибла семья второго пункта этого рокового списка. Переезд в другой город собрал их в дорогу. Где-то в пути случился обвал, пострадали тогда все, но погибли дети.

То, что дело не чисто, Иосиф понял потом, когда побывал на месте происшествия. Он обнаружил конец верёвки, которой был обмотан ствол дерева. Следы преступления пришлось уничтожить. Несомненно, это был Влад. Такое рациональное преступление мог придумать только он. Ствол дерева ломал укрепленный выступ, потом камни завершали свое дело. Никаких следов никто не найдет, если нет свидетелей. Их точно там не было, и Влад все смог приготовить и совершить с точностью маньяка. Так еще одно трагическое событие привело к нервному заболеванию. И если бы не невеста, кто бы знал, чем все это закончилось бы. Его болезнь прошла, но наступила некая

обреченность, Иосиф понял, что от судьбы ему никуда теперь не уйти. Ведь это он Иосиф-воин!

Глава семнадцатая. Кто вы, мистер Илонг? Зиканец

Мюнхен. 1933-34 годы. Наверное, это было самое нелегкое время, но молодой мистер Зиканец с отличием заканчивает университет. Его дипломной работой на тот момент интересовались даже в Великобритании. Прояви он некоторую осторожность, он бы принял приглашение английского ученого, и навсегда покинул бы Германию, но некоторая доля самоуверенности помешала ему в тот момент сделать правильный выбор. Поддержка профессора университета ослепила молодого человека в самое неподходящее время. Страну уже захлестнула волна нацизма, и такие люди, как он, вдруг стали вторым сортом. Исследования человеческого мозга в тот период были самыми перспективными, для многих ученых открывался новый таинственный мир, не познанный и не исследованный до сих пор. Профессор высоко ценил работы своих учеников, независимо от их национальной принадлежности. Прошло несколько месяцев, и финансирование некоторых проектов было урезанно. Университетский совет поставил ряд вопросов о правомерности выделять деньги на разработки тем научных сотрудников негерманской национальности. Это было сильным ударом для репутации самого профессора. Ему пришлось обратиться к покровителю, господину Гессу, с которым его связывали деловые отношения. Руди встретился со своим бывшим преподавателем, и, даже не вникая в проблему, предложил изменить состав исследовательских групп, выведя некоторых людей за штат.

– Так они не потеряют денег. А если передать проекты другим людям, то можно сохранить все ваши темы. Я надеюсь, вы понимаете, что борьба с евреями, это только политика. Есть люди, которых никогда не хотелось бы потерять.

Слыша эти слова от человека с лицом уличного громилы, никогда не скажешь, что именно творится у него в душе. Судьба в один миг вознесла Руди на самый верх. Он стал правой рукой рейхсканцлера Германии.

Казалось бы, ничего не стоит этому человеку поднять телефонную трубку и отдать устное распоряжение, чтобы все работы профессора оставили в покое, но в силу необъяснимых обстоятельств он этого не сделал. Просто появился на пороге своего университета, и как обычный посетитель, прошел по его священным коридорам. Это сразу стало всем известно, многие

преподаватели столпились возле кабинета профессора, в надежде увидеть министра страны.

Зиканец

Такая постановка вопроса несколько снизила напряженность в рабочих отношениях. То, что некоторые люди остались на своих местах, немного подвинувшись, придало исследовательским группам прежний рабочий настрой. Правда, некоторые люди сами находили возможным покинуть проект и выехать из страны. Мистер Зиканец никуда не торопился. Кажется, что его занимала только работа. Так прошло несколько месяцев. Следующий сложный этап уже никак замаскировать не удавалось. Ученик покинул своего преподавателя, боясь подставить его. Газеты того времени пестрели критикой либерально настроенной интеллигенции, которая не поддерживала священных идей правящей партии. Досталось и профессору. Он стал сдавать свои позиции другим коллегам, которые любые идеи партии всячески поддерживали. У него сократились часы семинаров, он стал меньше преподавать, а остальную работу пришлось прекратить. Зиканец помогал своему пожилому другу сколько мог, но потом они попрощались. Увольняться ему было не нужно, как «заштатник», он был уволен год назад.

Временная работа лаборантом в проведении некоторых тестов дала ему возможность подзаработать немного денег. Работу он получил через своего знакомого, тот тоже устроился лаборантом в этом проекте. Сначала он прошел двухчасовые курсы, расписался в трех листах инструктажа, и уже с утра направился на новую работу. Все находилось в здании небольшой поликлиники.

Делать там было особенно нечего. Зиканец встречал добровольца, с его слов записывал о нем все нужные данные. Тетрадь на каждого человека была отдельная. Затем провожал того в комнату, где стояла небольшая камера. Посередине в ней находился стул со штативами. Дальше все было просто. Человек садился, к его голове пристегивались датчики, которые держались штативами. В течение нескольких минут играла негромкая музыка, второй лаборант включал свои приборы, проводил тестирование. Ничего сложного делать не приходилось. Все было выстроено заранее, никаких сложных процедур больше не было. Все протекало несколько минут. Потом второй лаборант кивал головой, и Зиканец спокойно снимал датчики. В качестве награды некоторым выдавали билеты в зал синематографа на вечерний сеанс популярного фильма. В другом случае были билеты на футбольный матч. Все это выглядело не так странно. Правда, тогда старались не тестировать людей дважды. В конце

недели все дела подшивались в толстую папку и отправлялись в центр исследований. Больше лаборантам знать ничего не требовалось. Они могли оперировать только теми данными, которыми пользовались. Так в течение первой недели Зиканец совершил несколько сот тестирований. Он знал, что в этом районе есть еще один пункт, а возле железнодорожного вокзала еще.

Через неделю работать пришлось уже в качестве второго лаборанта. Зиканец сам убедился, что ничего сложного во всем том процессе нет. Небольшой закрытый проектор внутри ящика, ящик опломбирован. Приходилось лишь вручную включать внутри проектор, пока он не проведет положенное действие. Все измерялось во времени. Что именно он делал? Это он пытался понять, но не мог. Особой тревоги не возникало. Он не понимал, чего особенного смогли добиваться создатели этого проекта. Потом как-то он позабыл о своих тяжелых мыслях. Ему требовалось заработать некоторую сумму денег, чтобы его девушка могла уехать жить в деревню. Здесь довольно сносно платили, и никто не задавал особых вопросов.

Вопросы возникли потом. Началось все со сплетни в этой самой поликлинике. Молодые санитары обсуждали последние новости. Оказывается, утром привезли двух девушек, которые пытались покончить жизнь самоубийством. Фамилии обоих резанули слух молодого специалиста. Именно их он записал в первую неделю своего приема, поэтому прекрасно помнил обеих. Две жертвы случайного стечения обстоятельств? Непохоже. Молодые санитары говорили о целой волне подобных случаев в городе. Зикнец еще немного прислушался, докурил сигарету и вышел. Был обеденный перерыв, его напарник отлучился с рабочего места. Зиканец достал из стола тетради, выписал имена всех людей на отдельный листок, и спрятал его в комнате. До конца недели этот список пополнился. Впрочем, именно в конце недели их попросили сдать оборудование, и документацию. Именно тогда Зиканец смог увидеть здание, куда пришлось сопровождать опечатанное оборудование. Это был филиал некого общества. Там он надолго не задержался. Но ему опять повезло, он очень хорошо смог разглядеть одного человека. Профессора Артура Коне, чьи публикации в университетской библиотеке ему довелось прочесть. Так он смог подойти к небольшой тайне всей своей жизни. Именно работы этого профессора тесно переплетались с дипломной работой его самого. Более того, его профессор университета целенаправленно подводил своих учеников к выполнению некоторых важных тем в области изучения человеческого мозга. Так или иначе, Зиканец нашел

возможность уехать в деревню к своей девушке. После длительного отсутствия он вернулся в город, где был сразу задержан, и отправлен в трудовой лагерь на неопределенный срок. После этого лагеря его направили в другой лагерь, где он пробыл почти до самого конца второй мировой войны. Эти несколько лет он пробыл в аду, и старался никогда об этом не вспоминать. По счастливой случайности он остался жить. На самом деле этот самый профессор Коне в свое время нашел его, и вытащил. Работы Илонга Зиканеца очень понравились ему, и он решил не дать погибнуть этому человеку. Сам Илонг так и не узнает об этом, потому что профессор никогда не искал с ним личной встречи. Им всегда занимался другой человек. Когда его вывезли в нейтральную Швейцарию, то выдали новый пакет документов на имя Илонга Канеца. Таким образом, он потерял в своей фамилии две первых буквы. Чем это объяснялось? Кто его знает? Ему в тот момент никто ничего не объяснил, а когда он обнаружил изменение, то ничего не оставалось, как привыкнуть быть мистером Канецом.

Война прошла, он смог вернуться в родной Мюнхен. Свою супругу он так и не нашел. Но смог попасть в свой университет. Как ни странно, его профессор оказался жив и здоров. Личное знакомство с нацистским бонзой никаким образом не повлияло на дальнейшую его жизнь. Американцы не преследовали его. Илонг устроился к нему простым лаборантом, но очень скоро ему предложили возглавить некий научный проект, где четко выстроили всю систему связи с неким научным филиалом. Вербовку совершил именно тот самый человек, который сам вывез его из последнего лагеря. Ни тогда, ни в день их встречи, посредник не назвал своего настоящего имени. Он уверял, что сам к нацистам не имеет никакого отношения. И это была правда. Так мистер Илонг попал на территорию соседней Франции, где находилась эта самая научная станция.

Глава восемнадцатая, где мы знакомимся с Менделями, которые относятся к Германии, затем переносимся в Линц. Мария

Мендель. Вена. Линц. Суд
Мария Мендель

1884 год. Германия. Йохан Мендель. Этого человека могло бы не быть. Но волей судьбы, он тоже принял участие во всех этих событиях. Мясник Мойша Мендель недолго был мужем Марии. Они даже не успели завести детей, господь призвал его, когда простое воспаление легких привело его в могилу. Правда, Мойша оставил своей жене лавку и часть дома, но его родной брат, Йохан Мендель сделал все, чтобы наследство так и не досталось свояченице. Наверное, судьба той женщины была бы трагична, но такое поведение так возмутило остальных родственников мужа, что Йохану пришлось пересмотреть все взгляды на свое поведение. Неразбериха в завещании старшего брата дала ему возможность манипулировать волей усопшего. Итак, благодаря вмешательству других людей, Мария и ее младший брат Иосиф еще долго жили в этом зажиточном доме. Пока Мария работала в своей бывшей лавке на родственника, Иосиф смог получить некоторое образование, которое заключалось в тщательном изучении талмуда. Этим подразумевалось, что он посвятит свою жизнь еврейской религии. Уже тогда он выглядел красивым и очень рослым юношей, подавал большие надежды. Вечер, когда телега, в которой находились Мария и ее соседка, перевернулась и попала в речной поток, навсегда изменил жизнь Иосифа. Сильный ливень размыл дорогу. Возница не справился с управлением, и в наступающей темноте направил телегу не в ту сторону. Дорога представляла собой настоящий паводок. Когда он осознал свою ошибку, то было поздно. Телега сильно накренилась, испуганные животные рванули, было, в сторону, но не смогли вытянуть тяжесть. Все перевернулись. Мария и соседская женщина оказались в воде, это уже была не залитая дорога, это был поток реки. Чудом им удалось зацепиться за торчащий камень, и вскарабкаться на него. Когда возница освободил и вытянул животных, он стал искать пассажирок. И в наступившейся темноте он смог их обнаружить. Еще некоторое время ушло на то, чтобы достать веревку, и наладить способ спасения. Ему уже помогали посторонние люди, которые

оказались в этом месте в данное время. Когда женщин спасли, то оказалось, что они обе подверглись сильному переохлаждению. Ледяная вода вытянула последние силы. Потом Мария долго лечилась, и даже смогла пережить зиму. Казалось, что все уже позади, женщина могла вставать и выполнять некоторые обязанности по дому, но наступил очередной кризис. Те несколько часов в постели привели к необъяснимым событиям. Мария заговорила чужим голосом, и все, что она успела произнести, было записано на бумаге. Уже потом лечащий фельдшер сделал ей укол, она заснула. Бумаги, которые были заполнены ее предсказаниями, он рекомендовал показать старейшине общины. Все знакомые уже знали подробности этого вечера и ждали, какое решение примет ее брат. Дело в том, что дом мог вместить очень много родственников, которые там и жили. Иосиф смотрел на записи, удивляясь произошедшей чудовищной нелепой неожиданности. Кто-то просил найти в неком городе мальчика, сына лесника. Когда он вырастет, то станет чудовищем, которое съест весть народ израилевский.

Рядом с ним стоял его дядя Йохан, но его больше интересовали бумаги, где были написаны некоторые события скорого будущего. Если верить этим предсказаниям, то впереди Европу ждет много войн. Но сначала войны будут и в других местах, например, на юго-востоке Азии. Нет, там не было точных дат, конкретных названий географических мест. Все это было, скорей всего, бессвязный набор событий, но имелись некоторые подробности, на которые Мендель обратил особое внимание. Он тоже посоветовал обратиться к старейшинам. Мария ночью проснулась, и кажется, что ей стало лучше. Женщины помогли протереть ее раствором уксуса, и оставили одну с Иосифом. Парень смотрел на сестру, и понимал, что она сейчас ничего не помнит. Он, было решил, что не станет ей говорить о событиях этого страшного вечера, но Мария увидела свои руки, и вдруг сама все вспомнила. Кисти ее рук были покрыты чудовищными царапинами, следами от собственных ногтей. Она вдруг словно окунулась в тот страшный прецендент, и спросила – все ли ее слова были записаны? Иосиф ответил, что да, все. Тогда она попросила их прочесть. Иосиф сел рядом, и стал читать свои и чужие записи. Мария в тот раз говорила почти два часа, и записывать пришлось всем, кто находился рядом, и обладал достаточной грамотой. Когда он закончил чтение, поднял глаза на сестру. Та молча плакала, Иосиф попросил ее успокоиться. Она ответила, что в этом нет нужды.

– Все, что здесь записано, это правда, я знаю. Пообещай мне, что поедешь туда, и сделаешь все возможное, чтобы помешать

этому человеку.

– Куда? Тут даже не ясно, что это за город.

– Это Австро-Венгрия. Город с таким гербом, как описывается в записях, он может быть только один.

Когда проверили, то оказалось, что описание очень похоже на герб города Линца. Утром на пороге дома появился местный раввин. Он не стал проходить в комнату Марии, бумаги он также не трогал. Но их успел изучить его молодой помощник.

– Это очень прискорбно, что твоя старшая сестра больна. Я знаю, она для тебя всегда была, как мать. Смерть супруга значительно подкосила ее силы, а несчастный случай на дороге подорвал здоровье. Это испытание. Тебе следует пройти его. Я бы хотел поддержать ее в эти трудные минуты, но, увы, не могу. Догадываешься, почему? Вы не должны распространять ложные слухи о голосах. И еще, записи следует уничтожить. Сеять панику о будущих войнах непозволительно. Я знаю, что ты сейчас не примешь мои слова, но потом, надеюсь, что ты их вспомнишь. Наша община встревожена всеми этими событиями.

– Но как же так? Это не ложь, ведь можно все проверить.

– Иосиф, подумай. Тебя ждет хорошее будущее. Наша община поможет тебе поступить учиться. Весь мир открыт для тебя. Забудь все, что там было. Записи сожги. Поверь, это испытание от бога.

– Если это испытание, то я пройду его с радостью.

Вена

Казалось, что они так и не договорились, но очень скоро родственник Иосифа Йохан смог уговорить старейшину, написать от общины рекомендательное письмо, а сам выправил для племянника заграничный паспорт. Тот быстро собрался, попрощался с сестрой и остальными. Йохан сам отвез его на железнодорожную станцию. Парню следовало доехать до Вены по железнодорожному пути, а дальше добираться своим ходом. В Вене он смог остановиться у общих знакомых. Их он не посвящал в подробности своей поездки. Передохнув несколько часов, Иосиф посетил с новыми друзьями синагогу. Местная община с радостью приняла гостя. Молодой человек не испытывал трудностей в общении, все окружающие его люди говорили на понятном ему с детства языке. Другие языки он давно с легкостью смог освоить. Это было самое лучшее время в поездке. Люди жили своей жизнью. Радовались, печалились, делились с ним теплом и кровом. Мир оказался большим, пестрым и красивым. Вена поразила молодого человека не только музыкальными произведениями, которые исполняли на улицах города оркестры, но и совершенно другой модой. Его одежда вызывала удивление у

сверстников. Нет, они также носили темные сюртуки, черные ермолки, но при этом могли напялить на себя серые жилеты, полосатые бриджи. Это выглядело странным. Новые знакомые много говорили об Америке, о тех возможностях, которые ждут тех, кто туда может отправиться. Иосиф никогда не думал об этой стране. Теперь он каждый свой шаг пытался тщательно взвешивать. Несколько дней ему пришлось поработать на разгрузке вагонов, чтобы накопить немного денег. Потом он попрощался со всеми, и отправился в Линц. Добираться пришлось на попутках. Это было не так дорого, ведь в пути он всегда мог заработать своим трудом на кров и еду.

Линц

Город встретил его коротким утренним дождем. Сначала он пешком прошелся по нескольким улицам. Ему следовало хорошенько ознакомиться с этим городом. Старое здание ратуши выглядело уныло. Именно там можно было навести нужные для дальнейшего поиска справки. Дверь была плотно заперта, но, согласно расписанию, местная канцелярия скоро откроется. Следовало еще снять комнату или угол. Но Иосиф знал, что тут его никто не примет на ночлег, это был зажиточный район. Таких денег у него не было. Уже конкретно хотелось есть, Иосиф проверил в кармане мелочь. Этого должно было хватить.

Рынок выглядел совершенно обычным местом, где сельские жители выставляли свои домашние заготовки. Они приезжали туда заранее на своих широких подводах. Кажется, что от крепкого запаха конского навоза и пота сейчас закружится голова. Небольшие разборные прилавки были накрыты белыми скатертями. Иосиф нашел булочника, и купил у него полкруга черного хлеба. Потом прошел в молочный ряд, где за полгроша смог купить немного молока. Это был его завтрак.

Продавец хлебных изделий уже сказал, где можно найти синагогу, поэтому Иосиф без труда выбрался из рыночной толчеи, и направился прямо туда. Неудача с местным раввином его несколько обескуражила. Иосиф совершенно не собирался устраивать в городе резню, но ему следовало собрать и проверить данные, которые касались некоторых детей этого города. Старый еврей его совсем неправильно понял. Иосиф искал поддержки, но так же, как и дома, уперся в полное непонимание. Неужели это так и есть? Испытание.

На обратном пути его догнал невысокий еврей. Насколько Иосиф понял, он был одним из помощников в синагоге. Этот человек внимательно смотрел на приезжего, словно на что-то решаясь. Он был одет в темную безрукавку и светлую рубаху с засаленными рукавами. Кивнул Иосифу, мол, следуй за мной. За

следующим домом они остановились.

– Меня зовут Беня. Я все слышал, и в курсе твоих дел. И, кажется, что могу тебе помочь. Для начала тебе нужно снять жилье. Но, как я понимаю, лишних денег у тебя нет. Ничего страшного. Можно договориться за ночлег у толстухи Сары.

И они пошли в сторону, куда показал рукой Беня. По пути помощник сообщил, что поможет Иосифу в его вопросе. Он может провести молодого человека в регистратуру, где ему покажут необходимые выписки.

– Жаль, что ты точно не знаешь имя отца ребенка, это было бы намного проще. В городе, в имперском отделе лесничества всего несколько служащих. Я могу узнать фамилии всех этих чиновников. Потом мы посмотрим, есть ли у них дети.

– Но лесничество – это очень большое хозяйство, там могут служить и приезжие служащие.

– Вполне может быть. Тогда тебе придется достать список их всех. Возможно, что это займет некоторое время. Тебе нужно найти работу. На дровяном складе Хофмана всегда нужны рабочие руки. Я покажу, где это. Целый день придется вкалывать, но всегда можно заработать несколько крон. Этого будет достаточно, чтобы платить за ночлег и пропитание.

Так прошло еще несколько дней. Иосиф работал на складе. Там занимались разгрузкой бревен, которые следовало подготовить к распилу. Распиленный материал складывали для просушки в тень. Сучья мелко рубили, и складывали для компоста. Толстые ветки шли на дрова. Иногда появлялся приказчик, старший помощник господина Хофмана, и проверял готовый материал. Что-то он всегда отмечал в своем гроссбухе. Потом проданный товар грузили на другие подводы и вывозили. Привод для пилы был паровой. Но, порой, механизм ломался, и тогда распиливать приходилось вручную. Сначала широкоплечего Иосифа к концу рабочего дня буквально валило с ног, но уже на третьи сутки организм перестроился, и теперь нагрузка казалась не столь тяжелой. Прошел неполный месяц. Как он попался на браконьерстве? Все было очень просто. Среди работников склада оказался человек, которыйй был нечистый на руку. Обычные вырубки контролировались инспектором. Но иногда привозили стволы с незаконных вырубок. В тот день Иосифа отправили на подводе с распиленными брусками. Он выгрузил их на причале за городом, обратно следовало заехать в другое место, забрать бревна. Где именно это место находится, он не знал, но по дороге его встретил служащий, и дальше они двинулись вместе. За городом Иосифу пришлось подождать у костра. Подводу тогда забрал работник. Через некоторое время в этом месте появились

жандармы, которые арестовали Иосифа. Его обвинили в незаконной вырубке деревьев в имперском заповеднике, и в розжиге костра в неположенном месте. Он еще пытался объяснить, что ничего подобного он не совершал, и здесь находится случайно, но слушать его никто не стал. Его заключили под стражу, надев на руки тяжелые оковы с цепью, закрывающиеся небольшим замком. Это было шоком. Найденные документы на имя Иосифа Менделя, жителя Германии, привели в восторг одного из жандармских чиновников. Уже в участке, пока он чего-то ждал, с ним смог поговорить его знакомый Беня, он просил умолчать о вырубке, и хозяйской подводе. Обещая, что господин Хофман наймет ему адвоката. Тот действительно явился, и несколько допросов провел рядом с ним в комнате, а когда убедился, что молодой человек дал нужные показания, то исчез до самого судного дня. Несколько дней в каталажке прошли очень быстро. Беня посещал его каждый вечер, он подходил к решетке камеры, кидал внутрь камешек, и Иосиф быстро подтягивался вверх, чтобы, уперевшись ногой за выступ, несколько минут поговорить с посетителем. Потом тот передавал сверток с домашней лепешкой, и уходил. Лепешку парень делил в камере между остальными бедолагами. Никогда Иосиф так и не узнает, что именно его линцевский знакомый был инициатором его ареста. Для него это было очень сложным, чужим делом, в котором он не чувствовал своей вины. Что касается самого Бени, то он считал, что таким образом отвел от общины крупные неприятности, связанные с появлением Иосифа. Конечно, о своем участии в этом деле ему пришлось утаить, но все сложилось самым лучшим образом. Никто ни о чем не догадывался, и обвинение в браконьерстве выглядело очень убедительно. Что касается Иосифа, то он еще надеялся, что справедливость восторжествует, и после суда его обязательно отпустят, ведь он все-таки гражданин другой страны. Но шло время, и надежда таяла. Однажды его посетил местный раввин. Наверное, судья разрешил ему это свидание из уважения к обществу, которое раввин собой представлял. Пожилой мужчина покачал головой, он никак не ожидал, что этим все обернется. Этому человеку было не все равно, тем более что махинации с лесом были общеизвестным фактом. Он обещал сделать все от себя возможное. Именно ему Иосиф доверил отправить свои бумаги в Германию. Так получилось, что раввин сам выполнил эту просьбу, и исключил участия Бени в этом деле, как тот ни пытался ему помочь. Вся эта история с молодым человеком показалась ему очень странной. Его разговор с господином Хофманом только возбудил подозрения. Тот вел себя вызывающе, обвиняя юношу в

мошенничестве с лесом. Это было очень веским обвинением, неучтенные бревна не могли пройти мимо приказчика этого человека, а такой новичок, как Иосиф, не мог за месяц обрасти связями среди браконьеров, которые явно тоже работали на господина Хофмана. Обвинять в этом парня казалось безумием. Хозяин склада сказал, что адвокат все решит, но слова этого человека только вызвали лишние подозрения. Так оно и получилось.

Глава девятнадцатая, Суд

На суде в нужный момент, адвокат сообщил, что хозяин рассчитал своего работника накануне, и не может нести ответственности за его действия перед судом, он показал выписку из какой-то книги, где стояла дата якобы окончательного расчёта с Иосифом. Такой оборот мог привести к пересмотру дела, но судья вызвал еще несколько свидетелей и вполне этим удовлетворился. В качестве свидетеля выступил чиновник из департамента лесничества. Потом приказчик. И этим все закончилось. Согласно ранее добытым показаниям, Иосифа обвинили в незначительном правонарушении и дали два года исправительных работ, как сказал судья, это должно было пойти молодому человеку на пользу. Рядом с раввином сидела его старшая дочь Рахиль, которая не спускала глаз с молодого приезжего. Помощник Беня очень поздно понял, что не до конца утопил своего соперника. Ведь с некоторых пор он стал считать его своим личным врагом. Это именно Рахиль попросила его помочь приезжему Иосифу в городе в первый их день знакомства. Пройдет некоторое время, и сам Беня попадет в облаву на браконьеров.

Глава двадцатая, в которой мы увидим некоторые кошмары

Лиона

Его опять накрыло очередным кошмаром, следовало отлежаться, чтобы справиться с нахлынувшей мигом тоской, которая буквально высосала все силы. Слава богу, что путники остановились в старом сарае, где можно было немного переждать, лежа на прелой соломе. Пока мистер Канец прохаживался, пытаясь разогреться, сам Лион свалился, согнувшись калачиком, от этой позы его тело казалось маленьким, словно высушенным.

Он опять провалился в прошлое, в свой страшный бесконечный сон, который преследовал его с детства. Он прекрасно помнил тесный вагон, где всем взрослым приходилось всю дорогу стоять, потому что просто не было места. Это был женский вагон, где также находились и дети. Такие вагоны обычно перевозили скот, и не были предназначены для перевозки людей. На окнах имелись стальные решетки, пол был устлан старой соломой, которую в продолжении всей дороги истоптали так, что осталась только пыль. Серая пыль. Нет! Серая пыль будет потом, сначала это был просто мусор. Он валился с ног от усталости, но боялся потеряться. Поэтому садился на корточки возле своей матери, опирался своей спиной к ее ноге, и сидел молча, боясь выпустить ее руку хоть на мгновение. Сон мог нахлынуть в любую минуту. Тот сон был красочный, яркий. Там было много знакомых, любимых им людей, все они звали его почему-то Яковом. В глубине души он понимал, что его не могли так звать, но те далекие, бесконечно любимые люди тогда наклонялись к нему и называли Яковом, не иначе. Гладили по голове, трепали по щеке, что-то дарили. Кругом было много ярких шаров, цветов, где-то гремела посуда. Обычно семья устраивала очень тесные посиделки за старым столом, где хватало места всем. Полуовальный, раскладывающийся стол, застеленный белой накрахмаленной скатертью. Там был поднос с домашним клубничным тортом, так искусно приготовленный тетей. В высокие стеклянные стаканы наливали вкусный компот с крупной вишней, раздавали всем чистые тарелки, потом резали каждому по небольшому куску этого самого чудесного пирога-торта. Он не задувал свечей, почему-то это у них не было принято. Ему достался кусок с крупной клубникой поверх крема. Он был счастлив, все кругом были счастливы, много разговаривали, о чем-то громко спорили. Свой кусок он так и не

доел! Потом он пытался вернуться к нему, но никак не мог, кусок был недосягаемый, словно это так было кому-то надо. Что-то отвлекло его в тот раз, возможно, что он хотел узнать, что ему подарили. Он еще раз протянул к своей тарелке руку, и потерял равновесие. Стал лихорадочно что-то искать, но никак не находил. Слышался постоянный стук колес. Вздрагивание вагона, лес чужих ног, которые отталкивают его, стряхивают чисто механически. Вот его поймала крепкая женская рука, помогла, чтобы он смог встать на ноги, отвоевав себе чуточку пространства на своем уровне. Единственное место, где свободно, это угол с выгребным ведром. Его отгородили несколькими плащами, связанными рукавами. Тот, кто приходил туда, имел возможность присесть в уединении, спрятанный от остальных этим заграждением. Ведро выносили на остановках. Вдоль стены стояли чемоданы и дорожные ящики, на которых можно было сидеть, женщины договорились, что это они будут делать по очереди. Так и делали, кто-то стоит, кто-то сидит, потом громко звучит отчисленное время, люди меняются местами. Однажды рано утром состав остановился, за стеной объявили, что это конец следования. Люди невольно напряглись, вслушиваясь в происходящее. Оказывается, так и есть. Всем следовало выйти из вагонов. Лязгнул засов, где-то был слышен звук отходящего локомотива. Вот вздрогнула дверь, отползла в сторону. Поток свежего воздуха и ослепительный свет ворвались внутрь, и все невольно шагнули к проему. Там возникла давка. Те, кто мог сразу выйти, оказались к этому не готовы, они на тот момент были без своих вещей. И это вызвало у них напряжение и тревогу, они пытались вернуться к своему багажу. Но их уже безжалостно толкали остальные люди, которые были готовы покинуть это место, и которым хотелось наконец-то выйти из этого душного вагона, вырваться на свободу. Небольшой деревянный трап охранялся молодыми, вооруженными людьми в форме. Прыгать с высоты не потребовалось, можно было просто пройти по этому деревянному настилу. Старший по званию приказал выходить и строиться тут же на площадке. Соседний вагон уже был пуст, там никого не осталось, кроме очередных трупов, которых не сдали на предыдущей станции. Люди беспорядочно бегали на оцепленной территории. Послышались полезные советы, предлагающие посетить туалет или набрать кипяток.

Вообще, это место выглядело вполне прилично. На фасаде кирпичного здания висела большая табличка с названием станции на немецком языке. Всюду на телеграфных столбах и стенах висели свежие букеты цветов, транспаранты и флаги. Еще в дороге среди пассажиров ходили разговоры, что для

переселенцев отведут отдельную страну. Все это было, конечно, выдумки, но те, кого перевозили в тесных товарных вагонах, не желали терять последней надежды. Им не приходило в голову, что можно не просто выселить из Германии целый народ, больше того, потом уничтожить целую нацию!

Потом им приказали построиться. Люди еще пытались увидеть своих родных и знакомых из других вагонов, поэтому некоторое время царила неразбериха. Всем хотелось что-то сделать, например, попасть в туалет, или попить. Но оцепление уже выдавливало приехавших людей с территории станции на небольшую площадь. Те, кто сошел первый, они успели попить, даже умыться возле колонки. Офицер терпеливо выждал, потом поднес ко рту рупор и повторил приказ. Он был вежлив, но отдавал команды четко и требовал их выполнения. Его помощники, действуя прикладами карабинов, потеснили оставшуюся часть прибывших людей к площадке. Все, кто вышел из вагонов, имели на своей одежде отличительный знак желтого цвета, который уже мало чем напоминал звезду Давида.

Несколько рядов покорно выстроились, вперед вышли военнослужащие с листками, прошла перекличка. Всех вновь пересчитали. Потом офицер повернулся к другому человеку в штатской одежде, что-то ему тихо сообщил. Тот понимающе кивнул головой. Офицер опять поднял рупор и сказал, что остальную часть пути они должны пройти сами, там для них приготовили жилье, где их ждет вода, горячая пища, работа. Он показал своей рукой в сторону, люди развернулись, и колонна медленно побрела в указанном направлении.

Когда эта часть кошмара оборвалась, Лион открыл глаза, и увидел, как в мутное стекло окна пробивался яркий солнечный свет, и безмятежно шарил по полу. Его коллега сидел возле стены, опершись спиной, и дремал. Лион встал, оступился, и нарушил тем самым хрупкую тишину. Канец открыл глаза и сонно что-то произнес. Пора было двигаться дальше. Когда Лион вернулся в сарай, доктор уже стряхнул с себя пыль, поправил одежду, и был готов идти дальше.

– Я думаю, что на станции нам появляться не стоит. Но если пешком пересечь территорию двух крупных поселков, то можно выйти на другую железнодорожную ветку, где нас точно ждать никто не будет. Там можно будет купить билет и доехать до самой границы со Швейцарией. Наших документов будет достаточно, чтобы пересечь границу. В этой стране у меня есть старые знакомые. В конце войны я скрывался у них, думаю, что они нам помогут переждать некоторое время. Что касается багажа, то мы свяжемся с нашим человеком в деревне, он его

перепрячет в более надежное место. Денег у меня мало, но этого хватит на два простых билета до нужного поселения. Мы всегда сможем позвонить, и нас сразу заберут.

На этом они и порешили. В старом заборе выдрали по одной длиной жерди. С такими посохами было легче идти. Когда вышли из сарая, то прикинули нужное направление, и спокойно, выбирая более глухие дороги, туда двинулись. Если им встречались местные крестьяне, они спокойно здоровались, спрашивали о положении ближайших жилых поселений. Их вид приводил в недоумение местных жителей, но мало ли по свету шляется разного народа. С ними охотно разговаривали, делились хлебом. Особенно их никто не расспрашивал, но мистер Канец запасся легендой, по которой выходило, что они приезжие краеведы, направляются в старинную деревенскую церковь, чтобы увидеть храм. Якобы это уже не первый на их пути объект для исследования. Потом он обмолвился, что им следует вернуться в гостиницу, назвал населенный пункт где-то по пути, чтобы не вызвать подозрения. Очередной житель показывал, куда им следует двигаться, прогулки пешком налегке вызывали меньше недоумения, когда оказывалось, что все вещи их ждут в гостинице.

Вечером они оказались на перроне. Билеты в кассе купил сам доктор, Лион терпеливо ждал его возле небольшого железнодорожного вокзала. Они успели тщательно отмыться возле одного крестьянского дома, где им предложили присоединиться к столу. Жандарм, который находился на перроне, не обращал на них особого внимания, они выглядели усталыми и счастливыми. Поезд подошел своевременно, небольшие вагончики с мягкими креслами стали для них надежным убежищем. Всю ночь он следовал в сторону швейцарской границы, утром они пересели в другой поезд.

Глава двадцать первая, в которой мы вспомним немецких ученых. Аудит. Генрих. Вольф

Аудит

193. . год. Мюнхен. Так получилось, что разгром некоторых «вредных» течений внутри «возленаучных» структур общества «Аненербе» очень сильно отразился на состоянии дел отдела оккультной защиты профессора Коне. Ему предложили закончить все свои работы и отчитаться за все потраченные его отделом суммы. Все было полной неожиданностью для всего отдела. Можно сказать, ударом. Но профессор обладал многими скрытыми возможностями, и если, часть его покровителей, вдруг отвернулась от него, то другие люди оказали ему в это время помощь и поддержку. Он трезво оценил обстановку и окончательно успокоился.

– Аудит? Нет ничего проще, пожалуйста.

Так и сделал. Аудит вел невзрачный педант, который хорошо знал свое дело. Он в течение двух недель тщательно проверял всю финансовую документацию и отчетность, потом принес несколько документов, по которым у него возникли отдельные вопросы. В этот день они договорились встретиться, по какой-то причине стенографистка опоздала, и ревизор прошел в здание один. Профессор Коне ждал его, все документы уничтожить не удалось, и такие «хвосты», которые попали в руки этого человека, в любом случае должны были всплыть. Оплата запчастей на изготовление нужной партии приборов состояла из двух частей. Официальной, и той, которую не удалось вовремя спрятать, спонсорской. В тот момент просто никто не думал, что в будущем могут возникнуть проблемы, профессор торопился и совершил оплату наличными. Теперь следовало убедить этого человека, что финансовый отчет данного отдела не имеет других источников, кроме признанных, официальных.

Кабинет представлял собой отдельный полузал огромной лаборатории, где профессор мог спокойно проводить часть времени. Тут было очень душно, поэтому гость сразу вспотел. Но почему-то общая вентиляция не работала, окна были заперты и зашторены, лишний свет был выключен, имелось только освещение возле стола. Господин ревизор сел на удобный венский стул, достал блокнот, карандаш и несколько документов. Его взгляд уперся в центр стола, там находился графин с питьевой водой. Артур учтиво предложил мужчине воды. Тот не отказался.

Он сам налил себе из прозрачного графина в стакан. Чистых стаканов на подносе было три. Сделал глоток-другой, и приготовился задавать свои вопросы. Господин профессор сдержанно улыбнулся и предложил начать. Он отвечал на все вопросы с учтивостью, с легкими кивками, как бы заранее соглашаясь на все. Ни одного отрицания или противоречия. Незаметно мужчина ощутил, что этот человек, сидящий напротив него, обладает над ним некой властью, нет, не силой, а невероятным чувством заботы о нем, почти братской любви. Его лицо вдруг приблизилось, заполнило все имеющееся вокруг пространство, вопросы перестали быть актуальными, они стали бессмысленными. Это выглядело так.

– Вот копия документа на получение некоторой суммы денег из Центрального немецкого банка. Эту сумму никто из основных ваших партнеров вам не переводил. Вы получали ее, герр Коне?

– Да. Конечно, я получил ее.

– Вы не отрицаете, что ваш спонсор не указан вами во всех ваших документах?

– Да, действительно это так. Он не указан.

– Мне необходимо, чтобы вы посмотрели на следующий документ. Это копия квитанции иностранного банка, вы должно быть тоже получили эти деньги?

– Да. Конечно, и эти деньги тоже пришлось получить.

– Укажите название организации, которая перевела вам эти средства. Это, как я понимаю, валюта?

– Да, это валюта. Вы правы.

Пауза. Господину ревизору стоило много усилий вспомнить, что он хотел сделать, он посмотрел на бумагу, и перестроил свой вопрос.

– Если это валюта, то где документы, по которым вы ее перевели в марки?

– Да, повторяю, это валюта, но, боюсь, что такие документы не сохранились, возможно, что деньги получили наличными. Но это ведь не важно? Как вы сами думаете?

Господин аудитор уже сам сомневался, возможно, что это действительно неважно. Мысли его путались, он не мог заставить себя сосредоточиться, предметы перед глазами вдруг вздрогнули, и разбегались в разные стороны. Еще одна попытка взять себя в руки, но ничего не вышло, все поплыло перед его глазами. Он прикрыл веки, откинулся на стул, и отдался теплому успокаивающему чувству, которое вместе с шумом морского прибоя доносилось откуда-то издалека. Потом шум исчез, вновь возник образ собеседника. Теперь он слышал только спокойный голос профессора, тот что-то тихо объяснял, и это четко и

правильным образом складывалось в нужную картину его следствия. Прежние вопросы стали неактуальными. Профессор спросил разрешения осмотреть все имеющиеся личные записи господина аудитора, и тот с удовольствием отдал ему папку из своего толстого портфеля, а потом был так признателен, что смог сам ответить на все его вопросы. Профессор Коне не суетился, внимательно прочел все записи, если ему что-то было непонятно, то он спрашивал своего гостя, а тот с радостью ему отвечал. Через некоторое время господин ревизор стал приходить в себя, когда он стряхнул усталость, то увидел напротив профессора, который уже не был таким значимым и заботливым. Нет, никакой страшной перемены не произошло, просто профессор что-то рассказывал о горах в Швейцарии, где он провел как-то целое лето. Потом он закончил свой рассказ, посмотрел на гостя. Тот согнал последние остатки тяжести из своего организма, посмотрел на свой блокнот и кипу банковских бумаг. Черт возьми, что тут происходит? Что он делает? Он тут же порвал уже ненужные для его следствия копии банковских документов, кинул их в корзину, встал, извинился, и покинул комнату. Больше у этого человека вопросов не было. Более того, когда он встретил возле здания стенографистку, то отсчитал эту женщину за опоздание, и немедленно отправил ее домой. Потом взял такси, вернулся на свое рабочее место, в свой кабинет. Там он внимательно просмотрел все документы по данному делу, и многое полетело в камин. Он выкинул большую часть компрометирующих документов и своих записей, но теперь это его мало волновало. Потом он сел за стол, и написал рапорт, с просьбой предоставить ему внеочередной отпуск за свой счет. Он просил всего два дня, чтобы уладить свои дела. Странно, но все сослуживцы данного департамента ничего особенного в его поведении не заметили. Именно через два дня его обнаружили со сломанной шеей в горном ущелье возле одной туристической тропы в Швейцарии. Он там был один. И что было странным, говорят, что от услуг проводника он категорически отказался. Следствие по делу пришлось приостановить, потому что документы, которые остались, не имели никаких компрометирующих доказательств. И после всего этого тот начальник, которого попросили проверить данный отдел, просто развел руками. Работа проделана очень долгая, а результат не был достигнут. Господин аудитор странным образом отстранился от своей цели. Это было необъяснимо, пришлось следствие на этом завершить.

Генрих. Вольф

История этого человека сложилась так, что ему скоро

пришлось выбирать между наукой и службой в партии. Его многочисленные покровители считали, что только служба в СС даст ему нужную поддержку в жизни. Вольф так и не попал в полярную экспедицию, к которой так упорно готовился.

1955 год. Он сам приехал во Францию, где ему должны были предоставить работу. На этот момент он был уже в возрасте. Благодаря прекрасной памяти, он обладал некоторыми знаниями, которые позволили ему выполнять его работу. Он устроился простым лаборантом. Не удивительно, ведь его бывший приятель попросил присмотреть за опытами, которые, собственно говоря, они вместе с профессором Коне начали. Генрих рассказал, что очень скоро его протеже начнет проводить те самые опыты, к которым они так долго готовились.

– Понимаешь, пятьдесят лет назад Мария приняла сигналы, которые послали именно из этого времени. Следует завершить эту фазу. У меня есть на примете один перспективный ученый, который этим займется. Но я уверен, что у него сразу ничего не получится. Потому что не хватает дополнительного звена, в Мюнхене сейчас находится внук Иосифа! Даже не спрашивай, как я его нашел. Главное, что он сейчас пока учится, но скоро я сделаю так, что ему придется приехать сюда, чтобы присоединиться к работе моего ученого физика. Вот тогда они все это и сделают. Я даже знаю приблизительную дату. Тебе отводится почетная роль, наблюдать за этими двумя деятелями. Лично тебя они никогда не видели. Та часть хирургического вмешательства сильно изменили твою внешность, поэтому, я думаю, что трудностей не возникнет. Проверишь, а после оговоренной фазы, в нужный момент, мы все прекратим.

Глава двадцать вторая, в которой узнаем о тюремном заключении некоторых лиц. Ади. Иосиф-воин. Руди. Юлиан

Ади, 1923 год

Это потом он тысячи раз прокручивал в голове все события того времени, и его воображение выбирало совершенно другие концовки всего происшедшего. Но все было напрасно, оставалось лишь воспользоваться сложившимся положением, чтобы извлечь выгоду. Вы спросите, какую к черту выгоду, когда произошла катастрофа? Именно так. Ади перестал думать мелкими масштабами, он давно переключился на полный анализ происшедшего. Конечно, он многое не мог предусмотреть. Но, хорошо, что его старый автомобиль не смог добраться до границы с Австрией. Почему? Теперь он полагает, что его арест был самым лучшим решением в таком, казалось бы, плачевном положении. Если бы он оказался в Австрии, то еще неизвестно, чем бы все закончилось. Возможно, что его все равно выдали бы федеральным властям Германии, как преступника. А быть может, его бы просто не впустили в Австрию. Эмиграция, вот что могло погубить его окончательно. А в остальном это был настоящий провал. Катастрофа. Помнится, что его предупреждали астрологи об опасности, но помня другие предсказания, он в тот миг отмахнулся.

– Не понимаю, причем здесь звезды?

Еще раньше их всех объявили государственными преступниками, теперь это уже так на самом деле. Переворот провалился. Понять, как это произошло, Ади никак не мог. Казалось, что все должно было выйти, как планировалось, деятельность стольких людей просто не могла пройти даром. Главный зал пивной «Бюргербройкеллер» насчитывал до трех тысяч сидячих мест, это чуть меньше, чем можно было собрать в цирке, когда там хотели устроить нечто подобное. Три миллиона марок за два бокала пива. Он прекрасно помнил, как они все скандировали его лозунги. Как пели солдатские песни.

– Задачей временного германского национального правительства будет организация похода на этот порочный Вавилон – Берлин и спасение немецкого народа!

Были собраны огромные силы, в тот момент почти все баварские политики поддерживали их. Он вспоминал этот душевный подъем, который объединил столько людей, и не мог поверить, что ничего не получилось. Почему? Все очень просто.

Если бы его друг, генерал Людендорф, не отпустил членов земского правительства, то в Мюнхене некому было бы противостоять путчистам.

Вся полиция Мюнхена была на стороне националистического движения, правда, оставались еще «зеленые», среди которых тоже было много сочувствующих. Именно «зеленые» смогли переломить ситуацию. Они были почти нейтральны, но федеральное правительство смогло убедить их, что происходящее – это государственный переворот, который не должен случиться. Штурмовики облачились в серые ветровки, серые лыжные шапочки, натянули кожаные портупеи, нарукавные повязки со свастикой. Они начали стягиваться к местам сбора к восьми часам, ближайшие помощники прибыли на двух машинах.

Потом он все перестраивал, тасовал события, искал новые доводы для концовки, но не находил. Примерно так это выглядело. Если австриец и смог сразу избежать ареста, то не строил иллюзий, вот-вот за ним придут. Те же самые люди из полиции Мюнхена успели сообщить, что пришел приказ арестовать всех виновных в заговоре. Оставаться в съемной квартире он не хотел, представил, как в тесную комнату ворвется вооруженный пикет, и как жалок он будет в этот момент. Нет, только не это. Было очень холодно, где-то местами лежал снег, он пошел пешком. Где он оставил свой красный мерседес? Какая теперь разница. Спокойно вернулся в штаб, где к своему удивлению обнаружил несколько рядовых членов партии. Это были простые работники, выполняющие каждый день свои обязанности. Тут было тихо, почти по-домашнему тепло. Он знал, что они тоже тогда были с ним на улице, но теперь вернулись, чтобы показать, что это их настоящие политические взгляды. Ади поблагодарил каждого из них, не смея просить большего. Еще он попросил забрать с собой деньги из партийной кассы. Ему принесли чашку горячего кофе, это было очень кстати, было слышно, как за окном выл ветер.

– Я понимаю, что скоро меня арестуют, тут проведут обыск, но ничего уничтожать не стану. Мне нечего бояться, это мои убеждения, за которые я готов ответить. Это не улики моего преступления, это доказательства нашей правоты.

И хоть поражение сломало его, он был готов встретить судьбу без страха. Страх уже прошел. Тут он сам себе представил, как выносит раненого мальчика. Потом его просят все оставить, чтобы можно было «пожертвовать собой ради немецкой нации». Почему-то именно эти слова ему захотелось запомнить. Ади вспомнил, как был бледен, болело вывихнутое плечо, что он был испачкан чужой кровью, ему еще требовалось принять решение.

Его арестовали. Все произошло буднично, спокойно. Помещение опечатали, людей попросили покинуть улицу. Вдруг, опять все перевернулось вверх дном. Кажется, что единственное отсюда было верно. Да! У него болело плечо! Но все остальное было иначе! Его телохранитель был убит, а шофер чуть не увез в Австрию, и не было никакой тесной комнаты, не было горячего кофе в штабе, и пафосных слов тоже не было. Его арестовали по пути из Мюнхена. Он вспомнил, как поддался панике. И знакомый голос сообщил, что полиция уже едет, что следует написать указания своим сподвижникам, ведь они должны знать, что делать дальше, пока он будет находиться в тюрьме. Быстро набросал заметки, суть которых заключалась в том, чтобы сподвижники продолжали линию партии, не переставали заниматься газетой, и, самое главное – следовало держать под контролем деловые и финансовые операции. Он еще не знал, что вся деятельность партии будет объявлена противозаконной, и что вряд ли кто-то сумеет сломить ситуацию в другую сторону. Ади надеялся, что еще вернется. И когда он вспомнил, что было на самом деле, то ему стало лучше. Он нашел точку отсчета, кажется, что силы стали возвращаться к нему. Подумаешь, тюрьма! Скоро суд. Что там ему все время твердили? Следует подготовиться.

Заключение

Ландсберг – это городок в шестидесяти километрах от Мюнхена. Красивое место, упрятанное в бесконечных холмистых лесах долины реки Лех. Местная тюрьма находится на возвышенности и окружена отдельной каменной стеной. Можно отметить эту предусмотрительность прежнего руководства. Внутри все давно устроено и подчиненно строгому распорядку. Медицинский блок. Оттуда пришел фельдшер, чтобы осмотреть больных. Заключенный камеры № 7 доставил немало хлопот своим поведением. Конечно, ему предоставили медицинскую помощь, с его руки сошла опухоль.

– Регулярные массажные протирания, и господин заключенный вновь сможет играть в гольф.

– Какой гольф? – поморщился надзиратель, если заключенный не бросит голодовку, то завтра мне придется искать другую работу. Директор тюрьмы готов с него каждую пылинку сдувать. Две недели ничего не есть, сдохнет, а за него потом отвечай.

– Мне по этому поводу уже говорили. Если он дальше не будет ничего принимать, то воспользуемся старым проверенным способом.

– Каким?

– Зондаж.

Заключенный обреченно сгорбился. За последнее время он действительно почернел, похудел, и решительно не притрагивался к еде. Такое уже случалось в его жизни. Он вспомнил, как очнулся с резкой, пульсирующей болью где-то в районе роговиц глаз после ранения. Очнулся в кромешной темноте, и ничего не мог понять. Почему мир так изменился? Но это было во время войны, тогда врач сообщил, что слепота временное явление, что не стоит переживать, все наладится. Ничего он не понял, этот самый доктор! Кайзер, которому он присягал, был низвергнут, предатели и соглашенцы закончили войну. Вот причина его темноты. Это в тот момент казалось настоящей катастрофой. Но потом он привык, воображение временно заменило ему внешний мир, и если бы не ноющая боль, он был бы почти спокоен. Сначала он обрел силы внутри себя, а уже потом стал искать их для всего своего тела. А пока его тело лежало на твердой накрахмаленной простыне, и это соприкосновение казалось нереальным. Постельное белье! Оно карябало его чистую кожу. Он просто отвык от него, от чистоты. Запахи, кругом в темноте носились различные запахи. Он помнил

ее запах. Медсестра появлялась всегда тихо, но запах никогда не обманывал его. Стоило ей появиться, и он уже знал, что она сидит рядом. Конечно, к нему применили зондаж, сработал запорный механизм, организму следовало расслабиться. Та голодовка в лазарете закончилась так быстро, что он о ней сразу забыл. Вводить сладенькую, кипяченую воду или бульон с помощью зонда, он никак не ожидал такой подлости! Конечно, для этого применили силу, ведь справиться с раненым оказалось просто. Два рослых санитара уносили больного в процедурную палату, а потом, громко смеясь, возвращали его. Поэтому в следующий раз, когда его спросили, будет ли он кушать, он испуганно, утвердительно кивнул. Ему принесли миску теплой манной каши, и именно это создание впервые накормило его. Она вытирала ему рот, никогда не торопила, о чем-то безостановочно болтала, спрашивала. Именно ей он рассказал о валькириях, которых якобы видел. Она посмеялась, но кто-то узнал, очевидно, услышал о его словах, и это послужило поводом для всеобщих усмешек. Девушку звали? Как ее звали? Он старался вспомнить, но в памяти возникал лишь ее неповторимый запах. Регина, возможно, Регина. «Необычное имя для немки», – подумал он. Акцента у этой женщины он не замечал, хотя голос тоже преломлялся в его сознании, и служил отдельной значимой функцией. Голос был очарователен. Итак, она кормила его, вытирала, приносила утку. Он просил ее отвернуться, она видела, что он смущается. Право, он просто не помнил, кто именно помогал проделывать те мучительные процедуры! Так бы, наверное, смущался еще больше. Тогда он не думал голодать, просто его накрыло чем-то, и прием пищи показался ему ненужным фактором. Именно голод привел к тем устойчивым галлюцинациям, которым он подвергся, лежа в госпитале. Сегодня очищение организма было тоже крайней необходимостью. Именно этот фактор позволил ему увидеть нечто такое, что уже было в его жизни. Он хотел сам заглянуть в будущее, проверить прошлое. А настоящее? Оно пока подождет. Печально, но факт. Он перебирал все события и даже пожалел, что не слеп в этот момент, зрение ему точно мешало, так бы смог вспомнить намного больше. Пресса для заключенных была доступна, можно было читать дозволенную цензурой литературу, или выписать что-то за обственные деньги. Западные газеты прошлись по поводу всех событий, от них не скрылось ничего. Это его тоже расстроило. Потом прошло. Почему? Он перестал медитировать, отозвались его друзья, на связь вышли помощники. Ему показалось, что все хотели его поддержать, поэтому он поддался, дал себя уговорить. Что это было? Рисовая жиденькая

каша. Он съел ее достаточно, чтобы внутри что-то началось. Ади лежал и прислушивался к себе. Кто-то из его помощников уверял, что следует продолжать бороться. Конечно, так оно и будет, он скоро вернет потерянные позиции. Это был первый раз, когда он попытался самостоятельно встать, чтобы просто пройтись. Как его шатало, это напоминало качку в лодке на морском берегу. Он ненавидел качку, самолеты, и предателей. Генерал Людендорф его предал, это стало ясно. Как он тогда сам сказал?

– Я никогда больше не буду верить слову немецкого офицера.

Что касается остальных? Остальные не смогли выполнить всех предначертаний. Почему? Потому, что отказались, стрелять в своих, в немецких граждан. Курсанты пехотного училища ослушались приказа. Но если подумать, то это еще даже не солдаты. Заметка на будущее, ему следует создать новый рейхсвер, который будет беспрекословно подчиняться только его приказам. Еще следует изолировать всех противников. Ареста мюнхенских евреев по телефонной книге было недостаточно. Как тогда сказал фон Грехт?

– Что ты собираешься с ними делать? Их же почти одна треть населения. Промышленность, частное производство и сельское хозяйство держится на этих тридцати процентах. Куда ты их денешь? Построишь им отдельную страну? Или попросишь американцев забрать их себе? Не строй иллюзий, это все очень серьезно. Как только ты тронешь евреев, Америка объявит тебе войну.

Ничего он не знает, этот старый фронтовой друг. Его критические слова могли бы отрезвить любого, но именно его не оказалось рядом, когда все началось. Даже бывший генерал Людендорф на это ничего не сказал. Он сидел в зале невозмутимо, как статуя, с каменным лицом, потягивал красное вино. Ади обещал бороться, и его люди восприняли это в буквально смысле. Он давно нашел для рядового германца врага, с которым следует покончить. Как сказал Дитрих?

– Толпа это женщина, которую нужно завоевать. Поэтому, ей следует что-то пообещать.

Он так и сделал, обещал. Словно священник, он дал всем искупление грехов на будущие свершения. И каждый член его партии понял его по-своему. Начались аресты на улицах, погромы. Этого им казалось недостаточно.

– Следовало заранее составить списки.

Днем штурмовики разгромили редакцию социалистической газеты «Мюнхенер пост». Там избили и выгнали всех служащих. Потом толпа направилась в еврейскую типографскую фирму «Паркус», где изъяли почти пятнадцать триллионов марок. С них

еще потребовали расписку. Кто-то расписался в бумагах, потом об этом много говорили, смеялись. Новому начальнику городской полиции Пенеру не удалось подчинить себе штаб местной полиции, дело в том, что там его самого взяли под арест. Произошло это очень просто, господин Пенер спокойно прошел в здание в сопровождении одного человека, заявил, что все должны сдать оружие, но его самого вежливо взяли под руки и увели в отдельную комнату. Потом он, конечно, сам себя спрашивал, почему он не взял с собой несколько десятков штурмовиков, и ответа не находил. Наверное, получив новые полномочия, следовало подумать о собственных надежных кадрах. Конечно, его пытались освободить, но посланные захватить полицейский штаб курсанты и подразделение «Боевой лиги» не смогли ничего сделать. Там были готовы отразить любую атаку. Если бы захват произвели несколькими часами раньше, то успех был бы гарантирован, но не сегодня. Становилось, очевидно, что путч провалился. Потом был марш-шествие к зданию министерства обороны, но и там все вышло не лучшим образом. Последовали аресты основных виновников событий. Когда все улеглось, выпустили подпольное послание:

«Закончился первый период национальной революции. Она очистила воздух. Наш высокочтимый вождь снова пролил кровь за германский народ. Он стал жертвой самого подлого предательства, которое когда-либо видел мир. Благодаря крови погибших, патриотическая «Боевая лига» еще более сплотилась. Начинается второй этап национальной революции».

Уже первого января 1924 года финансовый специалист по германской валюте Яльмар Шахт смог договориться в Лондоне с управляющим Английским банком Монтегю Норманом. Это решение спасло германскую экономику. Новый комиссар Германии по национальной валюте смог убедить деловой Сити, что многомиллионный кредит исправит положение не только Германии, но и всех стран Европы, потому что возрождение промышленности приведет к взаимопомощи. Было решено, создать «золотой резерв» в другом кредитном банке, помимо центрального рейхсбанка. Часть этого запаса Германия обещала собрать внутри страны, что было очень важным фактором. Так страна постепенно отошла от экономической пропасти, положением которой легко было манипулировать националистически настроенным внутренним силам Германии. Это сообщение Ади воспринял уже не так остро, он уже понимал, что вооруженный переворот оказался роковой ошибкой, которая привела к поражению.

Людендорф

Генерал уже был не рад, что связал свое имя с выскочками этого нового движения. Ведь все, что он хотел, это вернуть Германии ее былое величие. Делая ставку на никому неизвестных марионеток, он сам того не ведая, дал им в руки страшную силу – уверенность в своих действиях. Он был не против, представлять новые силы на политическом Олимпе, но австриец явно перегнул палку, когда под угрозой оружия решил воздействовать на видных баварских политиков. Практически он хотел совершить переворот, когда задержал земское правительство. Сразу постановил, что новым премьер-министром Баварии будет бывший начальник полиции Пенер, а он, Людендорф, возьмет на себя командование национальной гвардией, чтобы начать поход на Берлин. Это было в полной мере неожиданно, такое не оговаривалось заранее. Планы были другие. Все прежние разговоры не касались такой опасной темы. Да, были авансы, намеки, неуклюжие обещания, нелепые требования. А теперь вдруг его ставят во главе угла, чтобы командовать бойней. Нет, только не это. Людендорф не подал и вида, но каша уже заварилась, и следовало как-то выпутываться. Было очевидно, что никто ничего не готовил. Просто сработал план, когда членов старого правления захватили в одном месте, и силой оружия вынудили присоединиться к остальным. Им даже предложили повышение, так, Кар должен стать регентом Баварии, Лоссов – военным министром рейха, а Зайсер – министром внутренних дел. Это идет вразрез с теми планами, на которые надеялись все эти господа из земского правительства. Что они хотели? Все очень просто, они желали реанимировать монархию, и вновь отделить Баварию от Германии, но уже не в коммунистическом порыве, а в националистическом. Вот тут боевому генералу с его богатым опытом с ними было бы по пути. Но, видит бог, что он просто связался не с теми людьми! Штурмовики уже заблокировала выход, остальные втащили в зал, и установили направленный на публику пулемет. Возникла паника, люди устремились в выходу. Но очень скоро всех успокоили, вернули на места. А ведь здесь были представители прессы, он сам их приглашал, знать бы зачем! Достаточно, чтобы толпа вышла из повиновения, пулеметчик откроет огонь, и тогда не отмыться от крови. Возможно, что все произойдет иначе. Опуститься до такого фарса Эрих не мог, поэтому при первой же возможности он отпускает Кара и Лосера из пивной «Бюргербройкеллер» на свободу. Как они вышли? Все очень просто, генерал сам попросил вывести их. Когда побег был замечен, генерал лишь развел руками.

– Они дали честное слово.

От таких слов австриец позеленел, уже везде сообщили о

победе, специально подготовленные люди устремились на захват вокзала, почты и других важных объектов. Но оказалось, что ничего существенного достигнуто не было, более того, земское правительство успело отдать нужные распоряжения. Сработал защитный механизм самосохранения, и силы, которые могли остановить переворот, уже были пущены в ход. Генерал прекрасно понимал, что никакого похода на Вавилон-Берлин не будет, следовало как-то спустить всю ситуацию на тормозах. Но как? Его робкое замечание, что следует спасти Рема, подхватили, как спасательную соломинку. Всем показалось, что это будет самым важным следующим шагом.

Конец первой части